ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994–9065 2(6) 2010

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ им. М. В. Ломоносова

Выходит 2 раза в год
Издается с 2008 г.

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин

Главный редактор
А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:
Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф., Калиниченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д., Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Мозговой С. А., Попков В. В., Пырин А. Г., Режабек Б. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:
Абылгазиев И. И. (*Россия*), Акаев А. А. (*Киргизия*), Ань Цинянь (*Китай*), Бондаренко Д. М. (*Россия*), Вебер А. Б. (*Россия*), Гэй У. (*США*), Гусейнов А. А. (*Россия*), Данилов-Данильян В. И. (*Россия*), Дафферн Т. (*Великобритания*), Добровольский Г. В. (*Россия*), Ечимович Т. (*Словения*), Израэль Ю. А. (*Россия*), Иноземцев В. Л. (*Россия*), Камуселла Т. (*Польша*), Капица С. П. (*Россия*), Киш Э. (*Венгрия*), Калбаси Х. (*Иран*), Коротаев А. В. (*Россия*), Кучуради И. (*Турция*), Лисеев И. К. (*Россия*), Мазур И. И. (*Россия*), Назаретян А. П. (*Россия*), Степин В. С. (*Россия*), Трубецков Д. И. (*Россия*), Урсул А. Д. (*Россия*), Чилингаров А. Н. (*Россия*), Юдин Б. Г. (*Россия*).

Адрес редакции:
119992, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, к. 102, Президиум РФО.
Тел.: (495) 609-90-76. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:
400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления 3

Киш Э. Философия глобализации 16

Мамедов Н. М. Исторический процесс и концепция устойчивого развития 33

Дубовский С. В. Глобальное моделирование: вопросы теории и практики 47

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Колодко Г. В. Великая трансформация 68

Кожевников Н. Н., Данилова В. С. Концепции сетевой философии в современной научной картине мира 78

Есенькин Б. С. Что нас ожидает в обозримой перспективе? 86

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Мазур И. И. Арктика – точка бифуркации в развитии глобального мира 93

Снакин В. В. Глобальный экологический кризис: ресурсный и эволюционный аспекты 105

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Федотова М. А. Венчурное инвестирование как основополагающий фактор инновационного развития 115

Киященко Н. И. Трансформация эстетического воспитания в эпоху глобализации и смены цивилизаций 127

Гуревич П. С. Кибернавт как символ глобального мира 139

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Суслова Т. И. Глобализация: к вопросу идентичности русской культуры 154

Батурин А. Н. Восточная реформация. Хозяйственный аспект 163

ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСОНА

Чесноков В. С. С. А. Подолинский: концепция социальной энергетики 181

Наши авторы 188

Contents 189

ТЕОРИЯ

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ

А. Н. Чумаков

Проблема глобального управления мировым сообществом как единой целостностью все больше обнаруживает свою остроту и актуальность, что, по мнению автора, уже в ближайшее время сделает ее одной из центральных тем в современной глобалистике. В статье с позиции целостного восприятия мира, а также разведения понятий «регулирование» и «управление» анализируются как теоретические вопросы социоприродной динамики, обусловленной многоаспектной глобализацией, так и различные факторы, условия и принципиальные возможности решения данной проблемы.

Ключевые слова: *глобальный мир, глобализация, управление, регулирование, глобальное управление, мировое сообщество, целостность, государство, право, мораль.*

Общественное сознание в целом и индивидуальное в частности за редким исключением весьма инертны. Они оперируют по большей части стереотипами и начинают реагировать на происходящие перемены лишь тогда, когда не реагировать уже нельзя, причем даже не столько в силу абсолютной очевидности свершившегося, сколько по причине доставляемых неудобств, а то и вовсе серьезной угрозы со стороны изменившейся реальности.

Не стала исключением и глобализация, разворачивающаяся по экспоненте с эпохи Великих географических открытий и кардинально изменившая фрагментарный, регионально развивавшийся до этого мир в сторону формирования его в единое целое в планетарном масштабе. Мы видим и теперь многочисленные дискуссии относительно природы данного явления, равно как и пеструю палитру взглядов по поводу исторических рамок его появления или роли субъективного фактора в сфере глобальных изменений. А потому по сути риторическим становится вопрос: когда бы обратили внимание на процессы глобализации, не заяви они о себе к середине XX столетия глобальными проблемами и принципиально новыми угрозами всему мировому сообществу? Произошло бы это, по крайней мере, еще не скоро.

Проблема, однако, на этом не заканчивается. Но основная суть ее теперь в том, что научная и общественная мысль, традиционно привыкшая смотреть на общее через призму отдельных его частей, и в изменившихся обстоятельствах в попытках осмыслить новую ситуацию остается в основном на прежних мировоззренческих и методологических позициях. Все это сильно напоминает известную притчу о трех слепцах, наткнувшихся на слона, когда ухватившийся за хобот подумал, что это змея, обхвативший ногу решил, что это дерево, а упершийся в бок посчитал, что перед ним стена, и никто не понял, что все они имеют дело со слоном.

Нечто подобное происходит и с современным глобальным миром, который в результате многоаспектной глобализации по всем основным параметрам общественной жизни к началу XXI в., по существу, замкнулся и стал целостной системой (Чумаков 2009: 251–285). Вместе с тем не только в общественном сознании, но и в научном сообществе все еще отсутствует понимание того, что и трансформировавшийся таким образом мир, в котором мы живем, и имманентно связанная с ним глобализация вкупе с ее всевозможными последствиями не могут быть адекватно поняты иначе, нежели через призму единства и целостности этого мира.

Результатом такого положения дел является то обстоятельство, что, хотя важнейшие угрозы всему человечеству (опасность ядерной войны, экологические, демографические и т. п. глобальные проблемы современности) оказались в центре внимания уже в третьей четверти прошлого века, а глобализация как фундаментальная причина их появления вышла на первый план к концу столетия, *главное противоречие современной эпохи* тем не менее и теперь, к началу второго десятилетия текущего века, все еще остается непонятым.

А суть его в том, что *под влиянием процессов глобализации мировое сообщество практически по всем параметрам общественной жизни все больше становится единой целостной системой, тогда как механизмов управления, адекватных этой целостности, нет.*

В данной ситуации более всего беспокоит не то, что такого управления сегодня не существует в принципе, а то, что оно целенаправленно не формируется. Более того, даже теоретические дискуссии на этот счет являются сегодня скорее исключением, а не предметом всеобщего внимания, как они того в полной мере заслуживают, хотя озабоченность складывающейся ситуацией явно нарастает[1]. И это при том что в отличие от *регулирования управление* вообще, а глобальное тем более, не может возникнуть стихийно. Об этом еще скажем ниже, но сейчас следовало бы указать на то, почему так происходит.

Во-первых, дело касается принципиально новой, беспрецедентной ситуации, ибо речь идет об управлении предельно сложной и масштабной социоприродной системой, с которой человек за всю свою историю еще никогда не сталкивался. При этом ситуация усугубляется тем, что накопленный человечеством опыт и апробированные подходы к решению комплексных проблем не годятся, тогда как новые еще не выработаны.

Во-вторых, мировое сообщество, несмотря на все бóльшую взаимозависимость различных стран и народов, продолжает оставаться фрагментарным, разделенным на автономные, самоопределяющиеся структуры, которые функционируют по своим законам, преследуя прежде всего личные выгоды и интересы. Это и национальные государства, и транснациональные корпорации, и конфессиональные системы, например христианство, ислам, буддизм и др.

Наконец, сама глобализация и ее многочисленные последствия продолжают оставаться предметом серьезных дискуссий, за которыми часто теряется главное, а именно то, что глобализация – это прежде всего объективно-исторический процесс, а не специально запущенный кем-то проект или чьи-то коварные планы и замыслы.

Это важно подчеркнуть, так как если в осмыслении процессов и последствий глобализации идти от субъективного фактора, обращая внимание в первую оче-

[1] Одной из первых публикаций на эту тему, где была предпринята попытка сформулировать данную проблему и предложить подходы к ее решению, является статья А. Б. Вебера «Системный мир и проблема глобального управления», опубликованная в нашем журнале в прошлом году (см.: Вебер 2009).

редь на то, кому она выгодна и кто как себя ведет в этой связи, то тогда начинаются поиски виноватых и разговоры о том, по чьему сценарию глобализация развивается. В этом случае мы сталкиваемся с неумением различать объективный, естественный ход событий общественного развития и субъективную деятельность людей, которая, конечно же, лежит в основе такого развития, но недостаточна, чтобы без адекватных структур и механизмов осуществлять управление сложными системами. А в глобальном масштабе дела сегодня именно так и обстоят – адекватных целостному, глобальному миру структур и механизмов для управления им не существует. Вот почему, на мой взгляд, такие подходы, когда пытаются найти виновных или ответственных за глобализацию, являются по сути своей неконструктивными. Более того, они порождают те иллюзии, будто, разоблачив коварные замыслы особо заинтересованных в глобализации, мы сможем таким образом изменить ход событий, тогда как все это лишь запутывает дело и уводит в сторону от реального решения насущных проблем.

Когда же глобализация понимается преимущественно как объективно-исторический процесс (а я придерживаюсь именно этой точки зрения), то пути решения связанных с нею всевозможных последствий и задач, в том числе и управления социальными системами, следует искать в первую очередь в области структурных изменений мирового социума. Исходным пунктом такого подхода является то положение, что сложные системы, во всяком случае биосистемы, как и биосфера в целом (составной частью которой является и человек), в своем развитии регулируются естественным образом, подчиняясь действию естественных законов. Мы можем говорить в этом случае о саморегуляции сложных систем.

Общественные же системы в дополнение к этому еще и управляются, так как в их развитии важную роль играет активное начало – человек, который в пределах своих возможностей осознанно влияет на различные параметры развития. Вполне очевидно, что общественная система, формирующаяся в масштабе всей планеты, также должна соответствующим образом не только *регулироваться,* но и *управляться*. На это необходимо обратить особое внимание, так как принципиально важно проводить различие между *регулированием* и *управлением,* ибо это не одно и то же.

Так, *регулирование* (от лат. *regulo* – устраивать, налаживать, приводить в порядок) следует понимать как самопроизвольный процесс или преднамеренные действия, направленные на обеспечение функционирования той или иной системы в пределах параметров, заданных естественным или искусственным путем.

Посредством регуляции (как и саморегуляции) решается задача оптимального функционирования системы, когда создаются наиболее благоприятные условия для взаимодействия различных составных частей этой системы. Регулирование направлено на достижение согласованных действий отдельных частей целого и может происходить как стихийно (когда дело касается саморегулирующейся системы), так и осознанно (когда роль регулятора берет на себя человек). Примером естественного (стихийного) регулирования той или иной системы может быть постоянно изменяющаяся в определенных пределах численность какой-нибудь популяции в зависимости от наличия кормовой базы или обретение внешних параметров растением в зависимости от его генетического кода и конкретных условий окружающей среды. Биосфера в целом также является саморегулирующейся системой, сбалансированное развитие которой поддерживается естественными законами, в частности законом борьбы за выживание. Целенаправленным регули-

рование становится, когда оно осуществляется с участием субъективного фактора, задающего определенный порядок в работе той или иной системы. Так действует, в частности, регулировщик движения автомобилей на перекрестке или специалист, регулирующий, например, работу двигателя, уровень стока воды в водохранилище или настраивающий антенну. Регулирование может осуществляться и автоматически, как это происходит, например, на дорогах посредством светофоров.

Управление же в отличие от регулирования естественным путем не возникает и стихийно не происходит. Оно всегда предполагает наличие субъективного фактора и характеризуется более сложной структурой отношений между субъектом и объектом. Управление тесно коррелируется с такими понятиями, как «управа», «право», и представляет собою процесс или действия, сознательно осуществляемые с целью достижения определенного результата. В основе такой деятельности лежит предустановленный порядок поведения, сопряженный с творческой активностью субъекта, принимающего решения не только на основе предначертанных норм и правил, но и в зависимости от изменения ситуации.

Итак, в отличие от регулирования *управление* всегда сопряжено с сознательной деятельностью людей, в основе которой лежат целеполагание, обратная связь и творческое начало. Иными словами, управление осуществляется не иначе как сознательно, целенаправленно и предполагает как получение того или иного результата, так и поиск наиболее оптимальных путей достижения цели. Отсюда управление вообще и *глобальное управление* в частности не могут возникнуть случайно или только лишь в силу естественного хода событий, естественным образом. Оно имеет место только в обществе и выстраивается по определенному плану, подчиняясь определенной логике, которая задает конкретные параметры такого управления. Здесь в отличие от регулирования всегда есть *субъект управления,* ставящий те или иные цели и обеспечивающий их достижение посредством активных действий и соответствующих решений.

Таким образом, *управление* – это более высокий тип *регулирования* аналогично тому, как *развитие* – более высокая форма *движения*. Поэтому как не может быть развития без движения, в то время как движение без развития мы можем наблюдать сплошь и рядом, так и *управление* с необходимостью предполагает *регулирование,* тогда как регулирование может происходить (осуществляться) без управления.

Принимая во внимание указанные различия, мы можем говорить в этом контексте об исторической динамике становления общественных отношений, когда их естественное регулирование со временем дополнилось управлением. Так, у первобытных людей, в эпоху дикости, а также в значительной степени и в период варварства, имела место регуляция отношений, основанная прежде всего на силе и выживании сильнейших. Управление же общественными отношениями в полном смысле этого слова появляется позже – с переходом к оседлому образу жизни, с разделением труда, формированием государства, наконец, формированием первых цивилизаций. Такое управление в основе своей заключает уже реализацию определенных интересов и социально детерминированное целеполагание. Оно не подменяет естественным образом осуществляющуюся регуляцию, а скорее дополняет ее, делая общественное развитие более предсказуемым и менее конфликтным. Так, собственно, развиваются все социальные системы, крупнейшими и наиболее хорошо сформированными из которых к настоящему времени стали национальные государства.

С середины XX в. ситуация принципиально меняется в том смысле, что целостной системой в силу процесса глобализации становится уже все человечество. Оно все больше выступает теперь в качестве единого целого организма как по основным параметрам общественной жизни (экономической, политической, информационной и т. п.), так и во взаимодействии с окружающей средой, в освоении Мирового океана, космоса и т. п. Вместе с тем, хотя в результате формирования современных глобальных отношений предыдущая анархия в международных делах была постепенно приведена в определенный порядок, назвать его (установившийся порядок) удовлетворительным, принимая во внимание современные вызовы человечеству, нельзя. На это обращает внимание известный польский ученый Т. Камуселла, когда подчеркивает то обстоятельство, что «за последние два века появилось значительное число более или менее безоговорочных принципов, которые регулируют образование национальных государств и их поведение в рамках глобальной государственной системы. Эта система распространилась на всю территорию планеты. Даже необитаемая Антарктика была условно поделена между несколькими национальными государствами. Более того, Конвенция ООН по морскому праву (1982) позволяет каждому прибрежному национальному государству осуществлять полный суверенитет над прибрежными водами до 12 морских миль и ограниченную юрисдикцию в эксклюзивной экономической зоне до 200 морских миль. Использование никому не принадлежащего морского дна регулируется международными организациями» (Kamusella 2003: 199).

С этой точки зрения вполне очевидно, что человечество подошло к тому рубежу, за которым лишь стихийно складывающееся регулирование общественных отношений продолжаться уже не может. Оно должно быть дополнено теперь сознательно и целенаправленно выстроенным управлением всей этой системой, ибо мир глобальных отношений без эффективного глобального управления обречен на серьезные испытания.

В нынешнем же виде он подобен только что спущенному на воду паруснику, где еще не установили штурвал и систему управления парусами, но который ветром выносится из относительно спокойной гавани в открытый океан. При этом команда, выясняющая между собой отношения и не предпринимающая усилий к тому, чтобы наладить управление кораблем, объективно становится заложником обстоятельств и природной стихии. Также и мировое сообщество, вступившее в эпоху глобальной взаимозависимости, должно осознать опасность неуправляемости современным миром и начать действовать согласованно и целенаправленно. В противном случае подобное положение дел ничего хорошего для него не сулит. Без эффективного управления оно будет только погружаться в пучину нарастающих конфликтов и противоречий.

Можно привести и другую аналогию современному состоянию глобального мира, если вспомнить тот этап человеческой истории, который, по образному выражению Т. Гоббса, был «войной всех против всех». Тогда, как известно, решением проблемы стало появление государства – «искусственного тела», способного обеспечить мир и порядок на локальном и региональном уровнях, которое Гоббс сравнивал с Левиафаном – библейским чудищем, обладавшим неимоверной силой (Гоббс 1991).

Но разве не так же обстоит дело и теперь? Не к той ли ситуации «войны всех против всех» как раз и пришло мировое сообщество с той лишь разницей, что противоборство, но теперь уже в глобальном масштабе, практически без правил ведут не отдельные люди, как прежде, а суверенные национальные государства вкупе

со всевозможными международными структурами и организациями? Как справедливо замечает в этой связи один из последовательных сторонников глобального правительства Г. Мартин, «…если “суверенитет” означает абсолютную автономию во внутренних делах и абсолютную независимость во внешних делах, то система, состоящая из более чем 190 территориальных единиц (в современных терминах), каждая из которых преследует свои экономические, политические и военные эгоистические интересы, необходимо становится системой вечной войны или угрозы войны» (Martin 2003: 554). Реальным подтверждением этих слов являются около 150 войн различных масштабов, случившихся уже после появления ООН, созданной в 1945 г. как раз с целью предотвращения военных конфликтов. А сколько еще войн удалось предотвратить, в том числе и с помощью ООН?!

Из этого лишь следует, что у современного человечества просто нет альтернативы глобальному управлению, которое должно быть создано. Причем во что бы то ни стало и как можно скорее. И дело не в том, будет ли это нечто подобием мирового государства или возникнут некие надгосударственные структуры для управления мировым сообществом, где только одного мирового правительства, о котором так много говорят, будет, конечно же, недостаточно. Важно понимать, что без остальных ветвей, структур и институтов власти исполнительная власть (а правительство именно таковой и является) дееспособным не будет. К этому мы еще вернемся, но сейчас подчеркнем, что решение поставленной задачи сопряжено с ответами на ряд принципиальных вопросов:

– Как возможно глобальное управление в принципе и какова логика такого управления?

– Какие основные задачи должно решить глобальное управление?

– Какие предпосылки для формирования глобального управления уже имеются в современном мире?

– Какие международные организации и структуры, функционирующие в настоящее время, соответствуют или при определенном реформировании могли бы соответствовать сути и принципам глобального управления?

– Какие препятствия стоят на пути построения глобального управления?

– Какие принципиальные решения и на каком уровне должны быть приняты в качестве первостепенных и последующих шагов в достижении поставленных целей?

– Кто может и должен взять на себя ответственность за формирование глобального управления?

– Наконец, кто и какую цену должен за все это заплатить?

Итак, в стремлении ответить на поставленные вопросы следовало бы прежде всего прояснить наиболее важный из них: *возможно ли глобальное управление в принципе, и если да, то как*?

История (с этой точки зрения) позволяет нам смотреть в будущее с некоторым оптимизмом. Так, начиная с Нового времени, когда появились первые идеи мирного обустройства общественной жизни в общечеловеческом масштабе, и до сегодняшнего дня, когда эта задача становится первостепенной, человечество, несомненно, накопило определенные как теоретические, так и практические результаты в данной области. В частности, серьезный вклад в разработку теоретических и мировоззренческих основ единства человечества и мирового (планетарного) управления внесли Дж. Локк, И. Кант, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, П. Тейяр де Шарден, В. И. Вернадский, К. Ясперс, Ф. Тённис, Т. Веблен, Б. Рассел, А. Эйнштейн, Н. Элиас, С. Мендловиц, Г. Шмидт, А. Печчеи, А. Сахаров, А. Этциони, Р. Фолк, Ф. Краточвил, Д. Ругге, К. Вайцзеккер, Э. Ласло, Г. Мартин и многие другие.

Предельно обобщая творческое наследие в этой области знания, можно сказать, что все рассуждения, теории, идеи об общей судьбе человечества, глобальном управлении, мировом правительстве и т. п. преследуют, как правило, одну и ту же цель – найти пути и способы достижения мирного сосуществования разных народов при сохранении их культурной идентичности. Кант, например, еще в 1795 г., рассуждая о возможности и принципах разумного общественного управления, в заключении своего знаменитого трактата «К вечному миру» писал: «…*вечный мир*, который последует за мирными договорами (до сих пор их называли неправильно; собственно говоря, это были только перемирия), есть не пустая идея, а задача, которая постепенно разрешается и (так как промежуток времени, необходимый для одинаковых успехов, будет, видимо, становиться все короче) становится все ближе к осуществлению» (Кант 1966: 309).

В подтверждение правильности этих слов знаменитого философа можно было бы указать как на постоянно растущий интерес к данной проблеме, так и на множество общественных организаций, появившихся в последние десятилетия. Уже их названия говорят сами за себя: Всемирная конституционная и парламентская ассоциация, Всемирная ассоциация федералистов, Мировое федералистское движение, Мировое мондиалистское движение, Всемирный союз, Движение граждан мира и др. (Мазур, Чумаков 2006: 131).

Если же обратиться к практической стороне вопроса, то нетрудно увидеть, что за свою многовековую историю мировое сообщество накопило значительный опыт управления большими общественными системами – государствами, империями, царствами, конфедерациями, союзами, блоками и т. п. И все-таки наиболее распространенной и жизнестойкой формой организации общественной жизни, как показала многовековая практика, оказалось ***государство.***

При этом главными инструментами, посредством которых осуществляется наибольшее воздействие на общественное сознание и поведение людей, являются ***мораль*** и ***право.*** Следует также выделить *идеологию, политику, экономику, финансы, культуру* и т. п., посредством которых прямо или косвенно также осуществляется управление общественными системами. Но в ряду этих факторов *мораль* и *право,* безусловно, доминируют, так как буквально пронизывают и скрепляют между собою все остальные сферы общественной жизни, которые так или иначе подчинены действию нравственных и правовых норм и законов.

Теперь, когда в силу многоаспектной глобализации в единую планетарную систему выстраивается все мировое сообщество, управление этой мегасистемой становится велением времени и должно формироваться с учетом всего опыта, накопленного человечеством в этой области. Тогда вполне очевидно, что в основу глобального управления должен быть положен также и исторически оправдавший себя принцип разделения власти на *законодательную, исполнительную* и *судебную.*

В этом контексте мы можем и должны говорить не просто и не только о *Мировом правительстве (исполнительной власти),* как это обычно делается, но также и о *Мировом парламенте (законодательной власти),* и о *Глобальной правовой системе (судебной власти),* в основе которой должно лежать глобальное право. Однако для их появления, как и в целом для формирования эффективной системы управления на планетарном уровне, должны быть созданы соответствующие условия, важнейшими из которых являются следующие.

Общезначимые для всех основы морали, то есть в планетарном масштабе необходимо формирование общечеловеческих ценностей и общечеловеческой морали,

которые бы не подменяли, а дополняли и развивали мораль и ценности различных народов. Представляется, что Всеобщая декларация прав человека, уравнивающая всех людей в их праве на жизнь, свободу и собственность, может и должна быть отправной точкой формирования такой морали.

Другим необходимым условием глобального управления являются *единое правовое поле* и система как принятия, так и исполнения в планетарном масштабе правовых норм, единых для всех стран и народов. Заметим, что речь идет не о международном праве, которое уже неплохо развито на межгосударственном и региональном уровнях, а о праве глобальном, которое действительно было бы всеобщим. Такое право вовсе не предполагает отмены правовых систем отдельных государств или региональных структур, международных правовых актов и институтов. Важно только, чтобы последние были приведены в соответствие с правовыми нормами более высокого порядка (глобальным правом) и не противоречили им.

Глобальное управление предполагает также *обеспечение совместной безопасности* и объединение усилий в ее поддержании посредством различного рода сотрудничества. Прежде всего речь идет об *экономическом сотрудничестве,* которое уже получило существенное развитие в современном мире в виде транснациональных корпораций, консорциумов, совместных организаций и т. п. Мировая торговля также сделала сегодня уже практически все народы планеты вовлеченными в единый глобальный рынок труда, товаров и услуг.

Следующим необходимым условием глобального управления является *политическое сотрудничество* в планетарном масштабе. Оно призвано обеспечить урегулирование конфликтных ситуаций и мирное сосуществование путем компромиссов в решении спорных вопросов с максимально возможным учетом интересов различных сторон. В отличие от экономического политическое сотрудничество в глобальном масштабе еще предстоит выстроить, так как в этой сфере сегодня отношения складываются пока еще на основе абсолютного приоритета национальных и корпоративных интересов.

Военное сотрудничество, осуществляемое сегодня на региональном уровне и выполняющее задачи обороноспособности отдельных стран и народов, то есть защищающее их от внешней угрозы, должно уступить место полицейским силам, обеспечивающим правопорядок и защиту от криминала и преступных деяний.

Согласованная финансовая политика в масштабах планеты, как показал в том числе и последний мировой финансовый кризис, является необходимым условием глобального управления. Очевидно, что без единой денежной единицы осуществлять согласованную финансовую политику будет предельно сложно, если вообще возможно.

Религиозная толерантность и отделение церкви (религиозных институтов) от институтов (структур) глобального управления необходимы в качестве важнейшего условия мирного сосуществования и конструктивного взаимодействия различных людей независимо от их религиозных убеждений или отсутствия таковых.

Научно-техническое сотрудничество, а также сотрудничество в сфере образования и здравоохранения предполагают создание условий для сбалансированного культурного и социального развития различных континентов и регионов планеты.

Общий (мировой) язык межнационального общения необходим для поддержания коммуникации в различных сферах общественной жизни и развития межкультурного взаимодействия. Как отмечает известный корейский философ Ерсу Ким, «…язык в определенных рамках можно сравнить с культурой. Язык, как и культу-

ра, является системой символических значений, которые обслуживают общие потребности ее членов» (Yersu Kim 2009: 191).

Здесь названы, конечно, не все условия, необходимые для создания системы глобального управления, но это наиболее важные, без которых остальные не будут иметь смысла.

Теперь о том, *какие основные задачи должно решить глобальное управление*. Прежде всего оно призвано обеспечить принятие и реализацию согласованных в мировом масштабе решений, позволяющих осуществлять целенаправленное и эффективное регулирование общественных отношений в основных сферах общественной жизни. Это, конечно же, обеспечение устойчивого и сбалансированного мирового социально-экономического развития и финансовое регулирование, решение вопросов здравоохранения, образования, экологии и природопользования, а также борьба с международной преступностью, предотвращение вооруженных конфликтов и т. п.

Имеются ли сегодня предпосылки для формирования глобального управления? Мне представляется, что мы можем сказать вполне определенно: «Да». Прежде всего это касается области общественного сознания, которое под влиянием многоаспектной глобализации все больше становится общечеловеческим, планетарным.

По существу, сегодня мы имеем дело с тем взглядом на мир, который зародился еще в античности и уже тогда был назван «космополитическим». Однако между прошлым и настоящим в этом вопросе имеется огромная разница. Если с древних времен, начиная от киников, первыми объявивших себя гражданами мира, и вплоть до середины XX в. космополитические взгляды были уделом лишь незначительной части масштабно мыслящих людей, а у абсолютного большинства населения они вызывали в лучшем случае иронию, то теперь глобальный взгляд на мир и ощущение принадлежности ко всему человечеству получают все более широкое распространение.

Здесь важно подчеркнуть, что глобальный взгляд на мир вовсе не следует противопоставлять локальным представлениям и частному образу мыслей. На это указывает, например, японский философ Наоши Ямоаки, который в этой связи говорит: «…глобальные и местные представления следует рассматривать как взаимосвязанные, а их особенности, универсальность нужно расценивать как неотделимые друг от друга… Космополит воспринимает себя в качестве жителя Земли, то есть космоса, в котором живет все человечество. Но при этом нужно отметить, что люди характеризуются культурно-историческими различиями и особенностями, делающими каждого человека многомерным. Поэтому человек космополитических взглядов должен стремиться к тому, чтобы понять других, которые живут в иных культурах» (Naoshi Yamawaki 2008: 31).

Мы вполне можем говорить, таким образом, о формировании глобального сознания в планетарном масштабе, в основе которого лежат как общие для всех ценности и нормы поведения, так и признаваемые другими национальные и культурные особенности различных людей. Так, например, в международном аэропорту и на борту авиалайнера, на железнодорожном вокзале и в вагоне поезда, в супермаркетах или на спортивных состязаниях, на мировых курортах, международных выставках, фестивалях, конференциях и т. п. все люди независимо от их статуса и места жительства, национальной, конфессиональной или расовой принадлежности ведут себя в принципе одинаково, подчиняясь общей этике и логике поведения. Вопросы добра и зла, справедливости и несправедливости, того,

что означает «хорошо» и что означает «плохо», наконец, приличия и неприличия здесь не вызывают особых дискуссий. Общее благополучие, безопасность и уважение человеческого достоинства в этих ситуациях всеми воспринимаются как бесспорные ценности в силу их очевидности.

Сказанное является условием, конечно, необходимым для выстраивания системы глобального управления, но вовсе не достаточным. Среди других уже сформировавшихся предпосылок для осуществления глобального управления можно выделить также хорошо развитую в планетарном масштабе сеть транспортной коммуникации, позволяющую перемещаться в масштабах земного шара за считанные часы не только политической и деловой элите, но и значительной части активного населения планеты. Также следует назвать единое информационное пространство, сложившееся на базе современных телекоммуникационных технологий вкупе с космическими системами связи и мониторинга, а также современные средства массовой информации, которые позволяют каждому жителю планеты в режиме реального времени виртуально присутствовать в любой точке Земли. Все это дает возможность оперативно принимать решения и контролировать их выполнение в режиме реального времени независимо от расстояний, без чего глобальное управление невозможно.

Для глобального управления важно также наличие единого языка общения, каковым к настоящему времени в силу ряда причин, на которых мы не имеем возможности специально остановиться, стал английский язык (Кристал 2007; Чумаков 2007; Гунаев 2001).

Теперь об основных *препятствиях, которые стоят на пути построения глобального управления.*

Абсолютное большинство современных государств функционируют на основе принципов, сформировавшихся в условиях, когда человечество было еще фрагментарным и не проявляло себя как единое целое. Правящие элиты различных субъектов международных отношений, органично вписавшиеся в систему сложившихся связей, продолжают и сегодня мыслить фрагментарно вопреки изменившимся обстоятельствам, которые требуют системного, глобального взгляда на мир. С этих позиций они продуцируют и поддерживают необоснованные страхи относительно утраты в результате глобализации самобытной культуры отдельных народов, потери национальной идентичности и т. п. Упорно отстаивая позицию независимости и национального суверенитета, проводя активную политику патриотизма и национализма, они не готовы сегодня поделиться даже незначительной частью своих полномочий в пользу наднациональных структур. Однако речь идет о достаточно больших полномочиях, которые потребуется передать Мировому правительству и другим структурам глобального управления.

Прежде всего это *вопросы безопасности,* что предполагает поэтапное реформирование и сокращение национальных вооруженных сил с последующим приведением их в единую систему с общим управлением. Полицейские структуры хотя и останутся в местном и региональном подчинении, тем не менее также потребуют общей планетарной координации.

Другим непременным элементом системы глобального управления, как уже отмечалось, является *глобальное право,* которое еще предстоит создать, так как оно вовсе не тождественно сложившемуся международному праву, посредством которого можно только регулировать международные отношения, но не управлять ими. И если международное право, касающееся двух и более субъектов международных отношений, давно и относительно эффективно работает, то глобальное

право, которое охватывало бы все человечество, построить пока не удается. По этой причине даже, например, дерзкие преступления сомалийских пиратов, от которых страдают многие страны, ведущие морскую торговлю, не привели к тому, чтобы международное сообщество положило этому безобразию конец. Главной причиной такого положения дел является отсутствие соответствующих мировых структур и необходимых процедур, призванных обеспечить выработку, принятие и неукоснительное исполнение правовых норм, которые были бы обязательными для всех стран и народов. Вне системы глобального управления эта задача не может быть решена в принципе. Но и глобальное управление без правового обеспечения невозможно. Следовательно, процесс становления глобального права и глобального управления должен будет осуществляться одновременно.

Еще одним важнейшим препятствием на пути создания глобального управления является *социально-экономическая отсталость* значительной части мирового сообщества и огромный разрыв между избыточным богатством и нищетой в планетарном масштабе. Без механизмов координации глобального социально-экономического развития и планетарной системы финансового регулирования эта задача также не может быть решена.

Введение *общей платежной единицы* стало уже велением времени, что наглядно продемонстрировал и последний мировой финансовый кризис. Сегодня роль мировых денег в известной степени выполняет доллар, но он не может снять проблему в принципе, так как является национальной валютой, решения по поводу которой принимаются одним государством – США. А мировая валюта в качестве всеобщего платежного средства должна быть равноудалена от отдельных субъектов международных отношений, важнейшими из которых являются различные страны. Очевидно, что такая валюта, как и *мировой язык* в качестве средства межкультурного и межнационального общения, должна быть непременным условием формирования эффективной системы глобального управления.

Теперь обратимся к тому, *какие международные организации и структуры соответствуют или при определенном реформировании могли бы соответствовать сути и принципам глобального управления.*

Поскольку современные государства являются устойчивыми и достаточно эффективными социальными системами, а также принимая во внимание стремление современных политических элит к самодостаточности и независимости, человечеству предстоит пройти сложный и не очень быстрый путь к организованному и управляемому мировому сообществу. С учетом сказанного наиболее оптимальной формой организации общественной жизни, пригодной для глобального управления на обозримую перспективу, как представляется, может быть *конфедерация национальных государств,* где будет обеспечен разумный компромисс между глобальными и национальными интересами. Непростой, но в целом позитивный опыт Европейского союза дает основания для определенного оптимизма в решении этого вопроса.

В основу Всемирной конституции следует положить Всеобщую декларацию прав человека. Хотя она далеко не безупречна с позиции различных культур и традиций, но вполне доказала свою гуманную направленность, а также эффективность и жизнеспособность.

Исходя из принципа разделения властей, на роль *законодательной власти,* то есть Мирового парламента, вполне может претендовать ООН. Однако потребуется серьезное реформирование этой организации, чтобы придать ей функции законодательной власти. Поскольку здесь будут приниматься законы и законодательные

акты, обязательные для всех стран и народов, важно предусмотреть их справедливое представительство в этом законодательном органе глобального управления. Очевидно, процедура формирования Мирового парламента должна будет пройти определенную эволюцию – от представительства отдельных стран до прямых выборов. Опыт создания и эволюция, например, Европейского парламента может послужить хорошим примером в решении этой задачи.

Роль *исполнительной власти* придется формировать практически с нуля. В какой-то мере «Большая семерка», обнаружившая под влиянием последнего финансово-экономического кризиса движение к «Большой двадцатке», со временем могла бы стать прообразом структуры исполнительной власти, где адекватно были бы представлены все страны и народы. Однако это слишком долгая и плохо просматриваемая перспектива, что делает решение данного вопроса особенно актуальным на фоне обостряющихся глобальных проблем. Очевидно, серьезные противоречия, с которыми человечество неизбежно столкнется в обозримой перспективе, откроют новые возможности для кардинального решения этой проблемы.

Судебную власть, непосредственно связанную с формированием глобального права, еще предстоит выстроить, и также практически заново. Какой-то опыт у мирового сообщества в этой области уже имеется, и он может быть положен в основу будущего Мирового суда, зачатки которого просматриваются в Нюрнбергском, Гаагском и Европейском судах по правам человека.

Несколько слов о том, *какие принципиальные решения и на каком уровне должны быть приняты в качестве первых и последующих шагов в достижении поставленных целей.*

Решения о выстраивании глобальной системы управления должны приниматься, несомненно, на планетарном уровне. В качестве первого шага это могла бы быть Всемирная конференция, приблизительным аналогом которой может служить Всемирная конференция по окружающей среде, состоявшаяся в 1992 г. в Рио-де-Жанейро. Это мог бы быть также Всемирный саммит глав всех государств, который выработал бы принципиальные подходы к глобальному управлению. В дальнейшем оперативные тактические и стратегические решения все больше переходили бы к вновь создаваемым структурам.

Наконец, *кто может и должен взять на себя ответственность за формирование системы глобального управления, а также кто и какую цену должен за все это заплатить?*

В первую очередь такая ответственность лежит на мировой научной, политической и деловой элите, то есть на тех людях, которые имеют соответствующее мировоззрение, обладают необходимыми знаниями, наделены наибольшими властными полномочиями и материальными ресурсами. С другой стороны, ответственность за формирование глобальной системы управления на первых порах должны взять на себя наиболее развитые страны (США, ЕС, Китай, Россия, Индия, Бразилия и др.). Они же должны взять на себя и наибольший груз ответственности за финансовое обеспечение реформирования современных международных отношений, что вовсе не означает, что на планете должны быть страны или народы, которые вовсе будут освобождены от такой ответственности или соответствующей доли взноса в общие затраты.

Кто-то скажет, что все это утопия, и глобальное управление невозможно, а приведенные выше доводы в его необходимости недостаточны. Оставим право и на такую точку зрения, ибо бесспорного доказательства правоты приведенных

выше суждений пока нет. Кто-то усомнится в правильности и последовательности предлагаемых шагов и, возможно, также будет прав, ибо дело касается темы, не имеющей аналогов в человеческой истории. Но именно поэтому так важно с разных сторон посмотреть на возможность глобального управления, в том числе и с позиции философии, которая в отличие от науки нацелена не столько на поиск конкретных, выверенных решений, требующих непременной реализации уже теперь, сколько на расширение горизонта возможных подходов к решению проблемы. Ценность такого философского анализа особенно возрастает там, где точные научные методы еще не выработаны, а ситуация требует безотлагательного решения. Проблема управления современным глобальным миром как раз таковой и является.

Литература

Вебер, А. Б. 2009. Системный мир и проблема глобального управления. *Век глобализации* 1: 3–15.

Гоббс, Т. 1991. Левиафан. *Соч.:* в 2 т. Т. 2. М.: Мысль.

Гунаев, З. С. 2001. Будет ли в XXI веке глобальный язык? *США – Канада: экономика, политика, культура* 10: 120–127.

Кант, И. 1966. К вечному миру. *Соч.:* в 6 т. Т. 6. М.: Мысль.

Кристал, Д. 2001. *Английский язык как глобальный* / пер. с англ. Н. Кузнецовой. М.: Весь Мир.

Мазур, И. И., Чумаков, А. Н. (ред.) 2006. *Глобалистика.* Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М.; СПб.; Н.-Й.: ИЦ «Элима», ИД «Питер».

Чумаков, А. Н.

2007. Проблема единого языка общения в глобальном мире. *IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество». Москва, 27–30 сентября 2007 г.:* тезисы докладов. М.: РАН.

2009. *Глобализация: контуры целостного мира.* 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект.

Kamusella, T. 2003. Global State System. In Mazour, I. I., Chumakov, A. N., Gay, W. C. (eds.), *Global Studies Encyclopedia*. Moscow: Raduga Publishers.

Martin, G. T. 2003. World Government. In Mazour, I. I., Chumakov, A. N., Gay, W. C. (eds.), *Global Studies Encyclopedia*. Moscow: Raduga Publishers.

Naoshi Yamawaki. 2008. The Idea of Glocal Public Philosophy and Cosmopolitanism. *XXII World Congress of Philosophy. «Rethinking Philosophy Today». July 30 – August 5, 2008.* Seoul: Seoul National University.

Yersu Kim. 2009. An Idea of University in an Age of Diversity and Transformation. Papers of the 2007 World Philosophy Day. In Kuçuradi, I. (ed.), *Philosophical Society of Turkey.* Ankara.

ФИЛОСОФИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Э. Киш

Глобализация в массовом сознании и в представлении интеллигенции – это новая система власти и господства. Реальная модель глобализации радикально отличается от этих взглядов.

Реальная глобализация формирует новые социальные условия во всех сферах. Воспользоваться благами глобализации мешает борьба между субъектами, группами, между субъектом и группой, а также между малыми и более крупными группами. Структурная сила глобализации затрагивает все слои социальной жизни.

Одной из самых важных и сложных проблем социально-философского исследования глобализации является постоянная взаимосвязь ее функциональных и нефункциональных элементов.

Глобализация, таким образом, – это не новый, еще неизведанный силовой центр и не мировое правительство, но, по сути, качественно новая система отношений между акторами.

Ключевые слова: *глобализация, глобальные связи, глобализированный мир, либерализм, неолиберализм, постмодернизм, монетаризм, демократия, саморазрушительные тенденции, саморазрушающееся общество.*

I. О глобализации

Согласно общепринятому широкому пониманию, глобализация – это наука о масштабных проблемах, каждая из которых качественно, по-новому и все более ощутимо затрагивает и отдельного человека, и человечество в целом. В этом смысле закономерно, что к сфере глобализации относятся, например, проблемы экологии, полезных ископаемых, миграции, глобальные проблемы охраны здоровья (поскольку их более невозможно ограничивать рамками государства), глобальные позитивные и негативные тенденции изменения численности населения, энергопотребление, торговля оружием, кризис в области борьбы с наркотиками или дилеммы интеграции и мировой экономики.

Существует также другая пространная трактовка глобализации – именно ее мы будем придерживаться в настоящей работе, – которая не привязывает проблемы и явления глобализации к конкретным отдельно возникающим «глобальным» вопросам (или к их произвольному набору), а *исследует структурные и функциональные связи в новой глобальной ситуации в целом*.

Всемирно-исторический поворот в 1989 г. стал *значимым* этапом эволюции глобализации. Основной причиной этого является тот факт, что до 1989 г. само существование двух мировых режимов удерживало процесс глобализации на ли-

нии конкретных практических границ. Каждый тщательно отобранный элемент глобализации мог вырваться за пределы системы этих режимов только благодаря исключительным усилиям.

В результате стремительного *скачка глобализации,* начавшегося в 1989 г., был воплощен в жизнь один из возможных вариантов глобализации, а именно тот, который связан с *монетаризмом и мировым долговым кризисом.* Таким образом, всепроникающее действие глобализации должно отразиться и на проблемах монетаризма, и на проблемах мирового кризиса задолженности.

Одной из самых важных и одновременно самых сложных проблем социально-философского исследования глобализации является непрерывное взаимодействие ее *функциональных и нефункциональных элементов* и аспектов, которые подобны винтикам в машине. Чем больше глобальные процессы реализуют свой общемировой характер, тем очевиднее они проявляют в своей деятельности явно функциональные характеристики. Например, *чем более очевидной становится «глобальная» структура мировой экономики, тем отчетливее преобладают функциональные теоретические определения*. С теоретической точки зрения функциональные и нефункциональные элементы *гетерогенны,* но на практике они органично и *гомогенно* переплетаются друг с другом.

Глобализация, таким образом, – это не новый, еще неизведанный силовой центр и не мировое правительство, это, по существу, качественно новая *система отношений между всеми акторами*. Одной из ее специфических черт является достаточно «демократичная» возможность доступа к глобальным процессам и сетям. И абсолютно логично описывать фундаментальное явление глобализации, используя критерии *доступа* и *доступности*. Однако в этой области скрыты две самые слабые стороны глобализации. Глобализация нивелирует целый ряд специфических отличий и разрушает границы, обеспечивая *по существу* всеобщую доступность. Стало быть, в этом смысле глобализация «демократична»: участие в глобальных процессах может даже обозначить новую концепцию «равенства». Глобализация, динамическое развитие которой включает элементы дискриминации, обнаружила бы противоречие не только в теоретическом, но и в практическом плане. В этой связи необходимо установить всемирно-исторический баланс глобализации. *Этот баланс будет зависеть от итогового соотношения между демократией, и более того – между равенством доступа, и отличительными аспектами, то есть реально существующими саморазрушительными социальными процессами в поле деятельности этих двух тенденций*.

С этим вопросом связана *вторая* особо важная проблема качественного скачка глобализации в 1989 г. То, что глобализация способствует возникновению новых в смысле качества и разнообразия отношений, – только одна сторона медали. Качественно новый характер отношений является результатом того, что посредники и социальные слои, раньше отделявшие человека от глобальных проблем, исчезли, и теперь каждый может получить доступ к многосторонней коммуникации в глобальных сетях напрямую, то есть без каких-либо посредников, как и любой другой актор. Обратной стороной медали является вопрос, возникнут ли в ходе развития глобализации *действительно новые ресурсы,* способные удовлетворить растущие запросы, порожденные доступностью. Триумфальный прорыв глобализации сам по себе ведет к росту числа ресурсов, но в гораздо меньшем объеме, чем «объем

возможностей», требуемый для мира со все более и более растущей доступностью. И именно невозможность удовлетворить потребность в доступе сильно вредит хорошо сложившейся системе глобальных связей. Эти негативные перспективы напоминают некоторые средства массовой информации, которые предлагают большое разнообразие телеканалов, но одновременно с ростом доступности не обеспечивают качественного роста «источников» развлекательных и культурных программ. В итоге все, что они могут предложить в ответ на растущие потребности, – это низкопробные программы или бесконечное повторение испытанных и надежных «типовых» программ.

Глобализация рождает целый ряд альтернатив в *идеологической, а также государственной, общественной и культурной сферах,* каждая из которых требует толкования. С точки зрения теории науки теория глобализации – это теория общества, и неважно, сколько еще будет придумано новых, ранее не существовавших концепций феномена глобализации, нет ни необходимости, ни возможности выдумывать для них новую теоретическую модель.

Как мы уже говорили, реально существующая глобализация – это не новый силовой центр и не мировое правительство, но качественно новая система отношений всех акторов, главная характеристика которых – «глобальность», то есть возможность получить доступ к глобальным процессам и сетям особым, «демократическим», путем. *В глобализированном мировом сообществе взаимоотношения Востока и Запада меняются; в этом новом мировом порядке, основанном на новых взаимозависимостях, роли должников и кредиторов, победителей и проигравших переплелись*. Что касается общественного капитала, необходимо упомянуть тенденцию «нисходящей спирали», вызванную глобализацией, которая означает, что типы социального капитала, инвестируемого обществом в отдельных людей, качественно и количественно сокращаются. В основном это последствие *кризиса общественной сферы,* соответственно развитие «общества знания» могло бы устранить это проблему. Подход, основанный на глобализации, мог бы выявить ограниченность тех подходов, которые остались на уровне национального развития. Мы также можем рассматривать тенденции глобализации на уровне философского обобщения, взяв в качестве критериев категории *субъекта, деятельности* и *эмансипации*.

В результате падения социализма неолиберальная политическая и экономическая система заняла господствующее положение, что привело к *ошибочному отождествлению неолиберализма и либерализма*. Структурные и функциональные характеристики глобального мира сейчас формируются именно этой *неолиберальной системой*. В подобном контексте появляется Третий Путь – неравные взаимоотношения между неолиберализмом и социальной демократией.

Глобализация реализуется в мире *постмодернистских ценностей*. Что касается историко-философского метода, мы не пытаемся дать определение главным характеристикам постмодернизма через противопоставление его модернизму. Мы отходим от широко распространенного противопоставления модернизма и постмодернизма, так как твердо уверены, что сущность постмодернизма может быть раскрыта в его отношении к структурализму и неомарксизму. Два этих течения были знаковыми для философии 60-х гг. Иногда они дополняли друг друга, иногда вступали в конфликт. К середине 70-х гг. неомарксизм прекратил свое существование так же резко, как обычно обрушивается природная катастрофа, и примерно

в это же время структурализм тоже признал свою несостоятельность. На месте этих двух сильных течений образовался философский вакуум, который, однако, не означал «вакуума философов», то есть их отсутствие, поскольку в это время появились другие мыслители, которые хоть и обладали политической властью, но не имели собственной философской системы. Это был вакуум, который *постмодернизм* успешно заполнил *метафилософией*. Отсюда следует, что современная философия находится под двойным гегемонистским влиянием постмодернизма и неолиберализма-неопозитивизма. Наиболее важная *симметрия* между этими двумя направлениями – в попытке заново упорядочить весь процесс мышления через регулирование процессов формирования понятий и структуры объекта. Но их стратегии разнятся: *неолиберализм-неопозитивизм главным требованием выдвигает редукционистскую верификацию, в то время как постмодернизм считает верификацию недопустимой*. Однако оба направления имеют еще одну общую черту: ограничение объема правил философской верификации, как и ее полное исключение, реализуется не в рамках свободного межсубъектного дискурса, а в обстановке межличностного влияния.

Бесспорный прогресс глобализации является элементом развития современного рационализма. Однако очевидный ход развития современной рациональности нельзя воссоздать, не упомянув об эмансипации, которая также имеет огромное историческое значение. Рационализация, «отрезвление» (Entzauberung), «диалектика Просвещения» должны появиться в новом контексте. Концепция эмансипации должна быть представлена также в историко-философском дискурсе всемирно-исторического «прощания» с мифами. Вся критика современной рациональности основывалась на эмансипации, которой не произошло, хотя необходимость в ней росла параллельно с развитием рационализации. *Исключение эмансипации может представлять серьезную угрозу процессу рационализации и глобализации*.

Связь с современностью в историко-философском смысле имеет решающее значение не только с точки зрения потенциальных врагов и образа врага. В положительном смысле она имеет решающее значение, так как *в некоторых важных аспектах глобализация, фактически выросшая на почве современности, стремится также вычеркнуть самые важные на настоящий момент достижения современности*. Имеется в виду столкновение объединяющего социально-демократического типа развития государства благосостояния и тоже объединяющего неолиберального разрушения этого государства. В результате самой типичной фундаментальной характеристикой современного мира является не глобализация и не интеграция в чистом виде, но глобализация или интеграция, определяемые через государственные долги, которые характерны для всех стран.

Нисходящая спираль социального капитала также является следствием именно такой структуры глобализации, и поэтому данное явление также имеет глобальный характер. Мы не стремимся сбрасывать со счетов многочисленные «истории успеха» – впечатляющие цивилизаторские достижения глобализации. Но именно реально проявившиеся на данный момент структурные характеристики глобализации являются причиной того, что *восходящая* спираль крупных достижений и *нисходящая* спираль социального капитала не пересекаются. Когнитивный компонент, задействованный в современном производстве, является частью более широкой концепции когнитивного капитала, в то время как социальный капитал, инве-

стируемый в последующие поколения, не воспроизводится на уровне человеческой цивилизации. Это также означает, что *будущее должно стать полем битвы между цивилизацией и варварством,* даже если ни одно из определений этих терминов не будет напоминать существовавшие до сих пор понятия цивилизованности и варварства.

Еще один важный элемент нового порядка в международной политике («нового мирового порядка») – это новая интерпретация понятий «идентичность» и «различие». К 1989 г. неолиберальная логика понимания данных терминов заменила социалистические, а также христианские базовые понятия об идентичности и различии. Это означает, *что ни социалистическая солидарность, ни христианская братская любовь не могут уменьшить безжалостную силу различий*. Неолиберальная идентичность – это не что иное, как безусловное уважение и гарантия прав и свобод отдельного человека (чьи права могут стать простой формальностью в условиях существования определенного ряда социальных различий). В подобных случаях *различие – это не просто различие, ценность или идеология, оно даже может стать значимой характеристикой социального существования*.

В рамках данной концепции принципиально важно также проанализировать существующие связи между *глобализацией и политикой* как особыми видами социальной деятельности или подсистемы. Эта необходимость вытекает из того факта, что, строго говоря, политика сейчас отличается от той, которая существовала несколько десятилетий назад. Но мы не станем этого делать, поскольку политика, политическая подсистема и политические классы, по всей видимости, постепенно займут свое место в системе глобальных отношений (и в новой мировой экономике). А это значит, что со временем станет возможным более тщательное исследование политический сферы (das Politische), при этом не надо будет перечислять все новые координаты мировой истории[1].

Особенности демократии – фундаментальный вопрос глобализации, новой глобальной мировой экономики и новой политической системы, которая постепенно адаптируется к новым координатам. Прежде всего это вопрос *функции* и *структуры*. Возможно, так и должно быть, поскольку глобальная деятельность может/могла бы осуществляться и развиваться только на базе демократического либерализма или либеральной демократии. *В этом смысле либеральная демократия – это «modus vivendi» глобализации.* Но функциональные и структурные характеристики глобализации должны напоминать нам подлинные *ценностные компоненты* либеральной демократии, которая гарантировала исключительную законность политической системы до того, как окончательно сформировались функциональные и структурные сферы.

Демократический характер политической сферы получил распространение в ряде новых, еще неясных функций. *Демократические ценности покинули мир ценностей и превратились в структуру и функции*[2].

---

[1] Как мы можем несколько цинично заметить, это возможно, потому что знакомство с *некоторыми* новыми чертами политической сферы (das Politische) само по себе является весьма большим успехом, в то время как практически нет надежды познакомиться со *всеми* новыми чертами в целом. И поскольку частичная адаптация политической практики к новым отношениям уже имела место, нет необходимости в полной реконструкции теоретических отношений глобализации, чтобы обнаружить эти отношения.

[2] Такая трансформация ценностей в структуры/функции, конечно, поднимает также абстрактные научно-теоретические проблемы.

Перед либеральной демократией в целом стоят новые, подчас неизвестные и сложные задачи. Во-первых, она является функциональной и структурной основой глобализации, а во-вторых, отношения глобализации ставят либеральную демократию перед лицом ранее неизвестных проблем. В основе либеральной демократии лежат теперь другие идеи, от нее ожидают иных результатов, при этом базовое определение не меняется[3].

Современная модель мира подразумевает *зрелую* форму глобализации, определяющей характеристикой которой (помимо других важных понятий) является феномен *государственного долга,* устанавливающий в основном экономические и политические границы глобализации и играющий решающую роль в формировании глубоко монетаристских характеристик современной глобализации. Это общая модель, в рамках которой проходит широкомасштабный процесс расширения ЕС. Такое многообразие функций приводит к тому, что *даже отсутствие теории имеет свои негативные последствия,* хотя это вряд ли когда-либо станет центральным вопросом дискуссии.

Одна из самых серьезных проблем будущего связана с проблемой *государства*. Отправная точка здесь – взаимоотношения между глобализацией и национальным государством; общественное политическое сознание знакомо с новыми напряженными отношениями и проблемами правомочности, возникающими в этой сфере. С точки зрения государства таким же важным элементом является регулирование политических и экономических процессов, результаты которых имеют огромное значение. Важная характеристика будущего (и круга вопросов, которые необходимо будет решить) заключается в том, что *государство не является нейтральным актором, обладающим исключительно функциональными характеристиками,* особенно с учетом того, что после 1945 г. современное государство взяло на себя цивилизаторские и практически все социальные задачи в беспрецедентном, до того абсолютно неизвестном, масштабе, а подобные задачи могут возникнуть только за пределами государства, границы которого «пошатнулись» под влиянием процессов глобализации, уничтожившей целые «пространства» социальных сетей. *И в этой ситуации государство проигрывает.* Но есть и другая тенденция, признаки которой уже отчетливо проявляются в современных глобальных процессах. Так, уже существуют успешные (национальные) государства, которые смогли воспользоваться достижениями глобализации и даже интеграции для *реализации своих истинных целей в качестве национальных государств,* а также своих давно забытых стремлений к расширению национальных государств. И эти государства уже во многом выиграли от расширения Европейского союза, которое, конечно, тоже можно рассматривать как процесс глобализации. Вступление в ЕС отвлекает общественное мнение и внимание исследователей от исключительной важности функций государства будущего, в то время как безусловный и относительный упадок государства, в силу исторических причин сконцентрировавшего в себе все социальные и цивилизаторские функции, проявляется в конкретных практических трудностях[4].

---

[3] Демократический порядок, как ожидается, ограничит миграцию, но в то же время сделает ее возможной.

[4] 31 марта 2004 г. в Боливии шахтер взорвал себя в здании парламента. Прямой причиной его действий послужило то, что он не получал пенсии, и его аргументация была безупречна. Он потребовал сумму, которую постепенно платил в качестве налогов государству Боливия на протяжении своего трудового стажа, и сделал это не без законного основания.

Акторский аспект в целом – новый, вызывающий интерес компонент глобализации. Этот термин может также использоваться для описания политической и социальной реальности доглобализационной эпохи. Однако глобализация начинает новый этап в истории этого понятия главным образом потому, что *она освобождает индивидуальных акторов от организационных и первичных взаимосвязей более крупных политических и социальных целостностей,* в основном *организаций*, и тем самым по-новому организует мир акторов. Это означает, что в конечном счете любой человек является актором, и это не простая игра слов[5]. Мы – акторы в теоретическом и практическом смыслах, хотя до сих пор ассоциируем эту новую сторону глобализации скорее с ныне существующим «автократическим» самодержавием, нежели с также ныне существующими демократическими компонентами. Естественно, все феномены глобализации имеют свои акторские аспекты, даже проблема отношений с развивающимися государствами.

Но акторы глобализации очень часто выпадают, это отчетливо видно при сравнении новых специфических глобальных функций. *Ситуация с отсутствующими акторами возникает, когда в ходе политических или других процессов глобализации образуются новые важные функции, но при этом отсутствуют в равной степени сильные, ответственные и легитимные акторы, способные взять на себя реализацию этих функций*. Естественно, что в условиях подобной исходной ситуации акторские места «распределяются» заведомо неверно: либо пустующие места и функции отсутствующих акторов остаются незамеченными, либо быстро реагирующие заинтересованные группы заполняют собой этот вакуум, что серьезно деформирует политическое пространство. Базовая модель проста: *заинтересованная группа, заполняющая вакуум, может называться актором только в одном специфическом смысле, то есть в том смысле, что она преследует исключительно свои собственные интересы*. Чтобы достичь своей цели, она должна в известной мере сформировать политическое пространство, но так как она осуществляет это не как легитимный и конструктивный актор, то, следовательно, ее деятельность неизбежно подразумевает разрушение политического пространства.

II. Монетаризм и либерализм

После своей победы в 1989 г. либерализм (в истинном смысле этого слова, а не рассматриваемый в узком смысле как партия) является «вечной» темой политических и политологических дискуссий. Гегемония либерализма, в смысле верховенства определенных сто́ящих соглашений, является эффективным предприятием, даже если имеет неумышленно (а, впрочем, иногда и намеренно) неверную ориентацию, что заметно на примере существующей до сих пор дискуссии вокруг Фрэнсиса Фукуямы. Одно ошибочное направление – это образ либерализма как политической партии, по крайней мере в идеологическом смысле (который, мы можем с уверенностью сказать, еще не одержал победу во всемирно-историческом плане). Другое интересующее нас излюбленное направление является единственным и, по существу, главным оправданием того, что происходит сегодня. Оба этих неверных направления подтверждают множество сознательно мотивированных, как, впрочем, и немотивированных, стратегий нейтрализации, цель которых – вынести этот единичный случай победы либерализма за пределы свойственных ему

[5] В английском варианте слово «актор» – actor – омоним слова «актер» (прим. пер.).

рамок. Лишь немногие полагают, что две эти стратегии нейтрализации могут преследовать разные цели. Одной из таких целей может быть нейтрализация тех особенностей новой гегемонии, на основе которых мы могли бы, например, выстроить либеральные и динамические требования к новому миру победившего либерализма.

Однако эта относительная нейтрализация интерпретации смысла и значения событий 1989 г. отнюдь не ведет к утрате *существующим* либерализмом своего значения в качестве общего знаменателя и предмета широкого обсуждения на протяжении всех этих лет. Либерализм проявляется во всех вопросах, и в современных дискуссиях он олицетворяет все ценности. В подобной ситуации описательные и нормативные, или относительные ценностные, позиции постоянно перемешиваются. Мы критикуем сегодняшние экономику и политику за «либеральность» и в то же время втайне надеемся, что «либерально» настроенные акторы будут в целом положительно рассматривать *настоящее*. С другой стороны, также подразумевается, что мы берем на себя возможную ответственность за негативную сторону системы, определяемую как либерально-экономическая или либерально-политическая.

С теоретической и практической точек зрения самая большая проблема современной открытой или скрытой дискуссии о либерализме – это как раз широко распространившиеся институты, которые пришли одновременно с либерализмом (иногда в форме неолиберализма) в рамках так называемой *монетарной экономической системы*. Мы хотели бы выступить против подобной попытки слияния, особенно там, где вопрос касается четкости понятий. Очевидно, что хотя этот интерес имеет прежде всего чисто теоретическую направленность, он также обладает неоспоримой и очевидной практической значимостью, поскольку можно с уверенностью сказать, что в каждый исторический период новая атрибуция политического языка обязательно имеет явное практическое применение (например, нет ничего удивительного в том, что какие-нибудь «Новые правые» назовутся «республиканцами» или «либералами»). Однако здесь мы не пытаемся вести себя как пуристы, нам совершенно ясно, что официальный политический язык никогда не сможет соответствовать всем теоретическим и историческим требованиям. В подобном контексте наши требования заключаются в том, чтобы политико-теоретический принцип отражал по крайней мере очевидную связь с базовой идеологией или с основной сутью соответствующего политического или концептуального течения.

Любое ослабление классического либерализма незамедлительно оборачивается большой проблемой. Несмотря на очевидную простоту и прозрачность базовых положений либерализма, это возможно, поскольку либерализм – это совокупность множества «свобод». В 1911 г. Л. Т. Хобхаус рассматривал следующие «свободы» в качестве элементов либерализма, определяющих его правильное понимание: «гражданская», «фискальная», «индивидуальная», «социальная», «экономическая», «внутренняя», «местная», «расовая», «национальная», «международная», «политическая» свободы, а также «суверенность народа». На самом деле либерализм эффективен под давлением разумной необходимости реализовать или защищать все свободы. Поэтому всегда крайне опасно, если течения и концепции, позиционирующие себя как «либеральные», оказываются «редукционистскими»

в своем понимании свободы. Кроме того, вопрос не в том, насколько «больше» или «меньше» свободы или свобод необходимо, чтобы называться «либеральным». Скорее вопрос в том, что даже небольшое ухудшение качества или уменьшение объема свобод, в которые так верят, ведет к тому, что в целом вера в либерализм как в нечто «либеральное» начинает колебаться. *Любое* ослабление либерализма оказывает важное влияние на всю его концепцию. С этой точки зрения логично предположить, что *специальное* упрощение либерализма/неолиберализма до рамок монетарной системы неправомочно. Прежде чем мы дадим определение этому новому явлению, которое понимается под термином «монетаризм», будет нелишне кратко проанализировать либерализм как политическое направление и «точку кристаллизации» политических партий. Ключ к любому либерализму лежит в базовой идеологии, которая наиболее адекватно выражается в тезисе «свободная игра свободных сил». Один аспект этого вопроса заключается в том, чтó этот тезис *исторически* означал для каждого заинтересованного представителя политического либерализма, как эта концепция соотносилась с представлениями того времени о мире, с какими глобальными освободительными представлениями о порядке эта идея была неразрывно связана. Другой также очень важный аспект этой проблематики – в том, что только те представления, концепция или политическая группа, которые остаются относительно верными основам этой базовой идеологии, могут на законных основаниях называться либеральными.

Нет никаких сомнений, что судьба либерализма как политического направления во многом зависит от того, будут ли неукоснительно следовать базовой идеологии. Однако с такой же уверенностью можно сказать, что чем «ближе» либеральный политический или идеологический курс к соответствующей реальности, тем сложнее ему оставаться преданным базовым идеям. Ситуация, которую мы часто наблюдаем, позволяет нам увидеть, что либерализм всегда сильнее проникает в политические и социальные институты, но в то же время как независимая группа проигрывает в значимости и влиянии на массы. Отсюда вытекают причины, почему либерализм на некоторое время исчезал со сцены как крупный объединяющий независимый политический участник: *политическая* (либералы не боролись за существенное расширение всеобщего избирательного права) и *социологическая* (всегда предпринимались шаги по развитию политической организации, однако социологическая база такого независимого политического направления уменьшилась). Кроме того, либерализм обогатил здравыми и важными идеями другие направления, и теперь существенно сократились не только социологическая, но и оптимальная индивидуальная база для независимой либеральной политической партии. Хорошим подтверждением тому, что независимая либеральная альтернатива в политике постоянно сокращается, служит тот факт, что после наиболее результативных и грандиозных исторических потрясений либерализм всегда при первой возможности вновь появляется на политической сцене; это также означает, что в «обычные» исторические эпохи и в период упадка развивающийся либерализм всегда получает наибольшие шансы к обновлению как раз в условиях очень крупных беспорядков.

Теперь мы подошли к наиболее сложной проблеме современного либерализма. Это, как уже говорилось, по существу либерализм обновления. И поэтому мы хотели бы обратить внимание непосредственно на предысторию. Процессы 70-х

и 80-х гг. продемонстрировали совершенно иную ситуацию: формирование новой либеральной идеологии происходило не *только* после развала другой, по-иному организованной крупной системы, но уже, в определенном смысле, в период ее упадка, подобного распаду последней Римской империи и развитию и распространению раннего христианства. Помимо всего прочего, данный исторический опыт объясняет, как могли произойти наиболее значимые на данный момент упрощения основных либеральных идей в рамках надежной «монетаристской» системы в ходе довольно простого сопоставления системы либерализма и системы монетаризма.

Прежде чем приступить к описанию понятия монетаризма, употребляемого в настоящем исследовании, мы можем сравнить главные характеристики этих систем во всемирно-исторической перспективе. Именно реально существовавший социализм 70–80-х гг., который оказался центральным объектом, против которого могли объединиться классический *политический* либерализм с его правами человека и возникший в противовес национальному, если говорить в узком смысле, «монетарному» (читай – *более экономическому*), перераспределению обновленный либерализм, сдавая свои позиции, создал эту новую всемирную монетаристскую систему, в которой объединились две оригинальные концепции, не имеющие почти ничего общего друг с другом. Либерализм прав человека и ярко выраженный либерализм монетарных ограничений и новой организации, ориентированной против централизованного перераспределения, смогли выступать как две стороны одной медали скорее под воздействием явно более неконкурентоспособного реального социализма, вынужденного обороняться с учетом своего реального положения в системе координат новой действительности, чем под воздействием подлинно герменевтических классических, экономических и политических дискуссий. Доказать обратное легко. Только в западной политике либералы, защищающие права человека, могли оказаться в оппозиции монетарным ограничениям. Неудивительно, что внедрение такой экономической политики проводилось на Западе крайне правыми и консервативными политиками. Система слабеющего реального социализма была сама по себе политическим пространством, которое либерализм, критиковавший государственное перераспределение, не мог непосредственно сформировать из-за когнитивного диссонанса с классическим либерализмом прав человека уже на том основании, что ни первый, ни второй не были либерально устроены и что именно в рамках этой системы критика чрезвычайно сильного централизованного перераспределения (в экономическом смысле) сама по себе породила классические либеральные идеи о «свободной игре свободных сил». *Реальный социализм не «ошибочно истолковал» эту новую ситуацию, он просто не осознал ее, не заметил, что одно его существование делает возможным значительную стратегическую перегруппировку сил и идеологий,* и безостановочно создавал прецедентные случаи, которые каждый раз как нельзя лучше подкрепляли новую структуру (на базе случайного объединения обоих либерализмов). Таким образом, реальному социализму не удалось продемонстрировать некоторые элементы своей концепции, которые совершенно не соотносились с новой идеологией. Например, ее концептуальная модель не отражала того, что социализм уже понял некоторые истины рыночной экономики, а также ту ситуацию, когда социализм не смог вписаться в эту реальность.

Таким образом, всемирно-исторический посткоммунистический либерализм, сохраняющий свою силу, объединил элементы классического и монетаристского либерализма. Однако этим развитие основных идей не ограничилось. Сегодня объединение либерального описания политической и социальной действительности с монетаристским описанием тех же сфер – феномен, распространенный во всем мире, и в этом заключается наиболее проблематичное на сегодняшний день упрощение либерализма. Негласное сравнение либерализма и монетаризма не только подразумевает неверную официальную трактовку, но и одновременно вводит в сильное заблуждение.

Однако прежде чем мы приступим к критике подобного сравнения, крайне необходимо прояснить, что в этой статье мы понимаем под монетаризмом или монетарной системой. Соответственно это возвращает нас к экономической системе (и в первую очередь финансово-экономической), которая также не имеет определения.

Под монетаризмом мы понимаем однородную последовательную *политико-экономическую систему,* которая, равномерно и широко (хотя и не повсеместно) распространяясь посредством внутренних и внешних долгов государств, приводит к формированию либерально-демократической политической системы и гегемонии постмодернистских ценностей в мире людей.

Далее под монетаризмом мы будем понимать *именно эту* систему, для которой приняли, что ее можно в общем обозначить как либерализм. Кроме того, и это надо учитывать в первую очередь, никогда «либеральные» политические силы того времени не проводили более жесткую экономическую политику монетарных ограничений даже случайно, не говоря уже о том, что перспективные радикальные консерваторы вели идеологическую борьбу с любым государственным перераспределением как идеологией «левых» и в то же время совершенно забывали, что многие социальные классы и элементы этого перераспределения были инициированы и претворены в жизнь не тайными «левыми» идеологами, а прежними потребностями так называемого общества потребления. Удивительно, но с точки зрения современной экономики между монетарными ограничениями и государственным перераспределением нет никаких существенных и глубоких противоречий, эти аспекты выступают не в качестве оппонентов, а как две главные последовательные концепции экономической политики. Не менее удивительно и то (и это вызвано современным сравнением монетаризма и либерализма, которое для нас является главным современным упрощением либерализма), что сегодня Р. Рейган и М. Тэтчер, вынужденные постоянно использовать это понятие, перед всеми предстают либералами. Если продолжать приводить подобные доводы, мы можем оправдать и противоположную сторону. Ведь в то время были не только монетаристы, не являвшиеся либералами, но и яркие либералы, протестовавшие против монетаризма (среди других можно привести в пример Ф. фон Хайека).

То, что современная господствующая политико-экономическая система не имеет своего названия, опасно, и это очевидно. Это очень напоминает *Каканию*[6] Роберта Музиля (то есть Австро-Венгрию), которая не имела названия и фактически исчезла. Конечно, не считая названия, эта мировая политико-экономическая система, безусловно, существует как единство, но не воспринимается таковым.

[6] Воображаемая страна в романе Р. Музиля «Человек без свойств», намекающая на Австро-Венгрию (прим. пер.).

Ежедневно в своей деятельности она проявляет себя как единство, хотя пока это единство осознается и описывается скорее как процесс глобализации. Однако отсутствие названия ведет к формированию общепринятого представления, согласно которому широкие круги рассматривают текущую ситуацию в целом как «нормальную» и «беспроблемную». В конечном счете мы фактически наблюдаем «нормальные» экономические ситуации и «нормальную» политику, самую нормальную, которую только можно представить, а именно – либеральную демократию. Монетарная система фигурирует здесь как абсолютно беспроблемная, без каких бы то ни было разумных сомнений. На данном этапе мы, разумеется, не будем анализировать монетарную систему как таковую. Мы только хотим обратить внимание на то, что именно в подобном восприятии монетарной системы как «нормальной» также игнорируется неправомерное сравнение монетарной системы с либерализмом. Невозможно перечислить здесь все причины и аргументы. Самый важный аргумент по-прежнему, как всегда, в другом: монетарная система так далека от трех компонентов базовой либеральной идеи («свободная игра свободных сил»), что термин «либеральный» оказывается сплошным обманом. Монетарная система во многом ограничивает социальное пространство для маневрирования (если только не уничтожает его полностью), во многих областях экономического регулирования вводит чрезмерную централизацию, так что она не может более рассматриваться как часть либеральной сферы. Опять же, концепция государства в рамках данной системы лишена фундаментальности. Сокращая по всем направлениям свои социальные функции, монетарная система упрочивает бюрократию во всех значимых финансово-экономических сферах, чего практически никогда не происходит в «нормальных» демократиях.

В условиях сокращения социального обеспечения необходимо помнить о важном отличии: формально его сокращение вследствие задолженности проводится не монетарной системой; суть его заключается в том, что монетарная система хочет разрушить многочисленные *запреты* или способствовать их ликвидации. Уничтожение определенных социальных достижений, с одной стороны, можно также трактовать как бюджетно-финансовое явление, но, с другой стороны, явления, о которых идет речь, – это социальные *запреты,* действовавшие на протяжении двух тысяч лет истории европейской цивилизации, причем некоторые из них действуют с 1945 г. в качестве запретов нового индустриального общества и постгитлеровской европейской демократии как нового *sine qua non (непременного условия) существования* западных обществ. После такого анализа мы можем уже совсем по-другому взглянуть на термин «ликвидация дополнительных социальных достижений», на эту деятельность по уничтожению запретов и не можем всерьез рассматривать необходимость дать определение либерализма, поскольку либерализм всегда понимает базовую идеологию «свободной игры свободных сил» в освободительном смысле.

К уже сказанному можно добавить, что полностью *пересматривается* вся политическая сфера. В мире монетарной системы радикально обесценивается вся подсистема политического деятеля. Политический деятель – это человек, который может и, несомненно, должен многое обещать до выборов, однако он не имеет фактически никаких шансов собственными силами сломать деятельность всей монетарной системы; его наиболее важная и сложная обязанность состоит в том,

чтобы демократическим путем выбрать ту сферу, которая станет жертвой следующих ограничительных мер. Нам представляется, что подобные трансформации политического деятеля отнюдь не то явление, которое в полной мере было бы достойно называться либерализмом. Другое серьезное расхождение между либеральной базовой идеологией и крупной монетарной системой состоит в том, что если «свободная игра свободных сил» (на основе которой потом возникает реально работающая система), по сути, предсказуема, то «свободная» монетарная система в исключительно важные периоды сознательного и случайного вмешательства (в понимании Карла Шмитта), по большому счету, зависит от политических решений. Разница настолько огромна и важна, что ее теоретическая значимость не обсуждается. Имеющее решающее значение жесткое вмешательство уже в ближайшем будущем породит глубокие проблемы в теории демократии, так как в конечном счете мы также должны учитывать, кто и на основании какого общественного и демократического права осуществляет это вмешательство. Наконец, с точки зрения демократической теории для подобного «чрезвычайного» вмешательства недостаточно одних лишь речей талантливого оратора во влиятельных СМИ о том, какой он «опытный» и «хороший» специалист, и что он может, исходя из этого, принимать законные решения по актуальным проблемам.

Тем не менее, учитывая подобные факты, многие честные и несколько поверхностные критики монетаризма считают, что монетаризм на самом деле не демократичен. И снова мы возвращаемся к скрытому, уже упомянутому нами исходному пункту: для монетаризма реальный социализм, по-другому называемый коммунизмом, остается легитимным, поскольку он еще раз доказывает, что симбиоз политико-демократического и монетарно-ограничительного либерализма может иметь некий «смысл» для существующего социализма. И только для легитимности «либерального» типа мы не находим подтверждений, которые тают, как снег, в свете простейшей критики. Конечно, мы можем смириться с тем фактом, что «либерализм», как и множество других политических терминов, понятие неясное, двусмысленное и безжизненное. Однако для каждого термина мы должны продумать минимальное единство и связь с основной идеологией, а в таком случае это больше, чем вопрос терминологии.

Назвать либерализмом крупную монетарную систему (рассматриваемую теперь с точки зрения реально существовавшего социализма, который к настоящему моменту исчез) на этом основании является обманом в плане профессиональной этики. Существует только один аспект, где крупная монетарная система и неолиберализм имеют нечто общее. Однако эта связь не является неразрывной или прочной, не является она и взаимозависимостью, как это часто представляется. Единственная действительно существующая связь – простое *сосуществование,* которое, однако, не имеет решающего значения и не является чем-то реальным. В совершенно конкретных особых исторических обстоятельствах стали существовать политические концепции либеральной демократии, защищающей права человека, и более замкнутая монетарная система; и при еще более конкретных исторических обстоятельствах это сосуществование политической концепции либеральной демократии прав человека и более замкнутой монетарной системы стало характерной чертой необычной либеральной идеологии и риторики. Эта связь действительно является сосуществованием, поскольку оно, в принципе, может быть отвергнуто обеими сторонами. Мы учитываем случаи, когда более замкнутая

монетарная система может также продуктивно существовать с той же демократией консервативного типа, а также с консервативными вариантами недемократической политической системы (фашизмом и посткоммунизмом).

До сих пор крупная монетарная система описана не в полной мере, хотя она представляет собой удачный и легко *постижимый* предмет для экономики и политики, а также для общества. Она представляет собой экономическую политику либерального толка, хотя не только не является либеральной (мы уже можем сказать об этом совершенно определенно на основании предыдущих рассуждений), но в узком смысле не является и экономической политикой, поскольку имеет мало общего с экономикой как таковой. Это та экономическая политика, или политическая экономика, которая заботится исключительно о финансовых операциях и при этом особое внимание уделяет благоприятным условиям для государственных финансовых сделок, в результате которых, в условиях двойной задолженности государства, большие потоки денег всегда могут быть переведены из государственной сферы в другие. Происходит это не потому, что эти государственные сферы более не нуждаются в денежных ресурсах, а под влиянием более простого многообещающего аргумента – в данных обстоятельствах эти ресурсы легко переводить. Эта фундаментальная концепция крупной монетарной системы отводит каждому актору свою область игры, без чего, как было сказано, он имел бы (а возможно, и нет) дело непосредственно с реальными экономическими процессами, поскольку концепция отражает логику бюрократических и фискальных процедур, которые, впрочем, соответствуют формулировке «мира на бумаге», где реальные экономические процессы могут протекать слишком быстро и (в отрицательном смысле) абсолютно легко.

По этой причине монетарная система по своим признакам – это «экономическая политика», ее экономическая составляющая может существовать (в малой степени) независимо от политики так же, как и политический компонент – от экономики. Необходимо упомянуть тот факт, что здесь мы имеем дело с новым сочетанием экономики и политики. Каждый монетарный (экономический) шаг является политическим, каждый монетарный (политический) шаг – экономическим. Монетарная система имеет дело с экономикой и обществом только в пограничных случаях; естественно, для этой системы небезразлично, пытается ли общество противостоять ей. Для сторонника монетаризма «чрезвычайное обстоятельство», по Карлу Шмитту, – единственное социальное условие, привлекающее его внимание. Его не волнуют даже экономические процессы, то есть они «свободны» и их единственное требуемое обязательство – согласовываться с общими финансовыми условиями. Раз уже зашла речь о «свободе», нужно сказать, что «свободны» не только экономические процессы, «свободны» также социальные процессы и акторы; это в переводе на финансовый язык означает, что они могут делать и проверять на практике то, что им нравится, и все это правильно и законно. Здесь проявляется другое важное отличие от основной либеральной идеологии, поскольку в ее рамках действительно произошло осознание того, что нельзя нарушать *запреты,* чего, как мы указывали выше, совсем не скажешь о крупной монетарной системе. Крупная монетарная система живет с обществом в некоем «супружестве», при этом она может судить о состоянии своего «мужа» только по его страдальческим крикам.

Это – логическое следствие существования крупной системы, которая может соединить политику и экономику настолько крепко, что это приведет к формированию своего собственного языка, который, несмотря на концепцию многих лингвистов-философов, является не «просто» языком, а, говоря кратко, представляет собой систему понятий, смысл которых соответствует первоначальным задачам. Таким образом, язык крупной монетарной системы стирает все различия между макро- и микроуровнями процессов; из этого следует, что школьный персонал и медсестры через свой отказ от «спроса на товары потребления» оплачивают долги армии, отраслей тяжелой промышленности или работы гидроэлектростанций. Таким образом, условием финансового баланса является на языке монетаризма «избыточное потребление», даже если в рассматриваемой стране не достигнут самый низкий уровень потребления западных стран. В этом языке каждый предмет обладает своими рыночными характеристиками: физическими, ментальными, воображаемыми или утопическими. В бесконечном убеждении, что все является (и должно быть) рынком, крупная монетарная система забывает не только свои предыдущие исследования по истории экономики (например, осуществленные Карлом Поланьи), но также и актуальные исследования современных границ рынка. Основной темой становится не отопление больницы, а зуб гражданина (лучше с его экономическими и научными характеристиками), представленный как «связанный с рынком» и «зависящий от рынка». В то время как отдельные простые ответственные граждане должны на работе компенсировать государственные долги за счет своего физического существования, политические деятели и банкиры до настоящего времени никогда не были легально осуждены за планирование долгов. Очевидно, здесь правит закон казино – проиграть как можно больше, и чем больше, тем лучше.

Политика монетаризма утверждает (и в этом есть определенная характеристика действительности), что она «реагирует» на новое социальное государство, которое можно описать, по крайней мере метафорически, как «болезнь общества». Однако на самом деле монетаризм сам по себе является социальной болезнью, он имеет так мало общего с реальными экономическими процессами, социальными запретами и реальными целями основной либеральной идеологии, что подобная классификация должна оказаться вполне оправданной. Если добавить к этим фактам также все демократические и теоретическое проблемы, то мы сможем понять картину еще глубже.

Основная тенденция саморазрушающегося общества – это рост государственного долга, за которым экономика не успевает даже при самых благоприятных конъюнктурных условиях. *Ахиллес не может догнать черепаху.* Следовательно, саморазрушающееся общество – это общество, которое не способно поддержать (посредством государственных институтов) современный высокоразвитый уровень *пост*благополучной цивилизации, которого оно когда-то достигло. И это не просто вопрос экономики. Если шахта будет закрыта из-за нерентабельности, это не приведет к социальному самоуничтожению. Но если государство будет вынуждено сделать значительный шаг назад в области образования или здравоохранения, саморазрушительные тенденции сразу станут очевидными. Поэтому основная проблема саморазрушающегося общества не в экономике: экономический упадок не является главной проблемой, так как за ним следует только экономический рост при более благоприятных условиях.

Мало того, что такой период не способствует накоплению цивилизационных или человеческих ценностей, он зачастую даже не может обеспечить простое существование. С этой точки зрения самоидентичность государства, общества и гражданина подвергается сомнению. Поэтому у государства, общества или гражданина нет возможности улучшить общечеловеческие ценности, им приходится истощать и даже разрушать эти ценности.

Саморазрушающееся общество – это новая и распространенная реальность современности, призывающая к реформированию фундаментальных понятий общественной жизни.

Адекватное *понимание* крупной монетарной системы происходит уже довольно долго – в политике, а также в экономике, – это давняя, постоянная и сложная проблема. Эта проблема понимания очень сложна, так как крупная монетарная система предлагает одновременно несколько граней *одного* общества. Разрушительный характер крупной монетарной системы проявляется постепенно и всегда в определенной последовательности шагов, и очевидно, что эти шаги не связаны друг с другом. С другой стороны, атаки и монетаристские вторжения всегда проявляются в безупречной идеологии неолиберального рационализма. Социальное представление о крупной монетарной системе станет еще более разнообразным, если мы подумаем о том, что монетаристский бульдозер иногда истребляет те социальные институты, которые *фактически* готовы к упадку и более нецелесообразны. Конечно, некоторые логичные, но рискованные шаги делают эти действия монетаризма не вполне законными. Однако, с другой стороны, сразу же проявляется еще одна грань крупной монетарной системы, близкая к успешным разумным действиям «против воли», а именно – жестокость, практически непревзойденная в мирные десятилетия и «не отступающая ни перед чем», которую можно легко разглядеть в нападках на (неизвестное, но близкое) общество. Действительно, жестокость этих нападений доходит вплоть до нарушения запретов, и не так просто найти этому объяснение. Мы уже немного коснулись проблематики нарушения запретов, сейчас более существенным является политический контекст этой жестокости. Совсем не стоит отказываться от мысли, сколько обществ с их фатальными болезнями и потрясенных кризисами выжило бы, если бы они позволили или могли бы позволить себе подобную жестокость, проявляемую крупной монетарной системой. Здесь проблема монетаристского нарушения запретов, о чем мы уже говорили, заключается в том, что в современной истории их уже не нарушают. Отсюда вывод – идеологической основой и условием для нарушения запретов является как раз антикоммунизм.

Конечно, остается вопрос, было ли оправданным нападение на угасающий реальный социализм, надо ли было идеологически поддерживать это нападение аргументами и дружеской помощью. Прежде всего парадокс в том, что антикоммунизм победил, только когда сформулировал эту цель как идеологическое направление и с удивлением обнаружил, что коммунизм благополучно скончался. Если мы будем понимать жестокость в подобном ключе, то скоро проявится еще одна грань крупной монетарной системы, а именно: эффективное и важное качество – способность функционально объединить современные международные процессы. Несомненно, очевидная нехватка способов подобной интеграции привела бы к пониманию, как объединить крупные макроэкономические и другие процессы

в общую картину и распределить по функциям. Огромный успех крупной монетарной системы состоит в том, что это функциональное, а не прямое политическое, господство, в то время как раньше каждое главенство должно было быть по крайней мере внешнеполитическим. Однако эта особенность снова возвращает нас к вопросу о трудности восприятия и способности к интерпретации. Функциональная сила – это не только новое явление, это также инструмент, с помощью которого можно наилучшим образом решить сложные вопросы политической законности.

Если бы мы сейчас обратили свой взгляд на функциональный аспект монетаризма, картина обязательно бы снова изменилась. Появляется образ «повседневного» монетаризма. Конечно, морские баталии случаются не каждый день, не каждый день происходят и монетаристские атаки, это – повседневная жизнь, и она всегда проходит на фоне монетаризма. Мы также не можем быть уверены, что они никогда не повторятся. Абсолютного монетарного мира не существует, это также означает, что война будет продолжаться в обозримом будущем.

Крупная монетарная система не определяет саму себя, таким образом усложняя восприятие и описание. У нее нет объекта или объектов, на которые она опирается, что, впрочем, не означает, что у всех ее компонентов та же судьба. Крупная монетарная система сочетается с господством определенных ценностей в обществе, которые могли бы восприниматься как ее прямое следствие. Она меняет все подсистемы, без чего они бы прекратили свое существование. Крупная монетарная система преподносит себя как «нормальность» и как что-то, чего нельзя подтвердить только с либеральной точки зрения, хотя это «что-то» рождено либеральными принципами. Теперь нам кажется, что это не так.

В этом контексте неолиберализм сильно изменился. После повсеместной победы неолиберализм оставался единственным регулятором глобализации на политико-идеологической сцене, и на пике своего господства в общественно-политическом сознании он стал идентифицироваться со всем существующим социально-экономическим мироустройством. Он пока еще не достиг высокого уровня реализации существующего миропорядка, глобализации и рационализации (в социально-теоретическом смысле), которая также усиливает тенденции, порожденные «попытками распрощаться» с мифами. Если неолиберализм – это результат подобного высокого уровня рационализации в этой теоретической системе, он не должен пройти мимо развивающихся новых форм эмансипации.

Перевод с английского К. А. Бирюковой

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Н. М. Мамедов

В статье выявляются смысл и значения исторического процесса. Показано, что возможные перспективы его развития являются одной из вечных проблем философии. Автор полагает, что исторический процесс определяется происходящим на поверхности нашей планеты коэволюционным по своей сути самоорганизующимся антропосоциокультурогенезом. В итоге он приходит к выводу, что данная картина исторического процесса будет неполной, если не учитывать естественные предпосылки этого всеобъемлющего явления, роль природных факторов в развертывании человеческой деятельности. Концепция устойчивого развития привносит принципиально новые моменты в понимание данного обстоятельства.

Ключевые слова: *исторический процесс, устойчивое развитие, концепция, глобализация, культура, естественные предпосылки исторического процесса, социально-экономическое развитие, экологическое развитие, экологическая проблема, биосфера, ноосфера, гармонизация социоприродного развития.*

Становление концепции устойчивого развития неразрывно связано с осмыслением истории человечества. Универсальным показателем той или иной эпохи, ее духовного, интеллектуального, технологического развития является культура. В этом отношении оправданно считают, что современный экологический кризис – это кризис культуры человечества. Культура, по большому счету, – это совокупность самых различных способов адаптации и организации жизнедеятельности людей в определенной среде (Мамедов 1996). Передаваемые из поколения в поколение опыт и результат этой адаптации и организации в различных формах и видах в совокупности определяют ценности культуры. ***Связь прошлого, настоящего и будущего*** проходит именно в культуре, она как бы останавливает бесследное исчезновение времени, в ее ценностях время замирает, сохраняется для человека в форме прошлого. Настоящее возможно благодаря прошлому, проявляющемуся активно или пассивно в языке, традициях, этических нормах, способах мышления, технике, созданном человеком искусственном мире в целом.

Исторический процесс, с одной стороны, определяется достижениями прошлого, которые воспроизводятся системой воспитания и образования, обеспечивая преемственность в культуре. С другой стороны (и это чрезвычайно важно), рано или поздно человек в своей жизнедеятельности сталкивается с принципиально иными ситуациями, когда опыт прошлого оказывается недостаточным, чтобы выйти из складывающихся кризисных ситуаций. Именно в таких случаях у человека усиливается творческое начало, он творит, чтобы выжить. Но «тайна творческого начала, равно как и тайна свободы воли, являет собой проблему непознавае-

мую», которую наука способна описать, но не разрешить (Юнг 2003: 107). Более того, человек в общем и целом не может однозначно предполагать результат, последствия своего творчества. Он живет в хаотическом мире и зачастую ***изобретает заранее неизвестный путь организации хаоса.***

Человеческий интеллект развивался в процессе творчества. Способность человека делать разнообразные орудия, приспосабливать одни силы природы для борьбы с другими выделили его из животного мира. Так, существенные сдвиги в развитии творческих способностей у древних людей происходили в трудные геологические эпохи, когда отдельные ветви наших предков оказывались на грани вымирания. Лишь благодаря творческим качествам человеку удавалось в таких случаях спастись от гибели. Например, растительный и животный мир на Земле, особенно в ее внетропических областях, претерпел существенную пертурбацию в конце плейстоцена, когда заканчивалось Вюрмское оледенение. В этот период вымерли многие крупные млекопитающие, в кризисном положении оказались и древние предки человека (австралопитеки). В результате исключительно жесткого естественного отбора смогли выжить лишь немногие их популяции. Для австралопитека, физически менее развитого, чем многие виды животных, успех в борьбе за существование мог быть обеспечен только за счет развития умственных способностей (Будыко 1977: 235).

В целом в большой исторической ретроспективе, измеряемой миллионами лет, вырисовывается картина интеллектуальной эволюции человека, согласно которой этот процесс происходил сравнительно высокими темпами обычно при возникновении затруднений в осуществлении поставленных целей. Появление новых идей, способов, средств, позволяющих преодолевать встречающиеся препятствия, совершалось не сразу, а в ходе более или менее длительного развертывания противоречия между наличными возможностями и потребностями в их умножении и усилении, необходимом для решения новых задач.

Способность человека избирательно аккумулировать все ценное, необходимое для будущего, из прошлого, наряду с его способностью созидать принципиально новое, скорее всего, останутся непостижимыми феноменами для философии и науки. Вместе с тем очевидно, что именно эти замечательные способности выделили человека из животного мира и определили возможность становления человеческого общества.

Следует различать развитие *интеллекта человека* от развития *природы человека.* Как пишет К. Ясперс, «сама человеческая природа, этос человека, доброта и мудрость не подвержены развитию… Прогресс может быть в знании, в технике, в создании предпосылок новых человеческих возможностей, но не в субстанции человека, не в его природе…» (Ясперс 1994: 258).

Если природа человека практически не меняется, то можно предположить, что человек не абсолютный продукт истории, а история – во многом творение человека. Можно согласиться с З. М. Оруджевым, что смысл и назначение истории скорее в «очищении» архаичной природы человека, избавлении его от «животного инстинкта силы и слабости», благодаря которому он приспосабливался к внешнему миру (Оруджев 2009: 348).

Попытаемся это показать на примере осознания людьми экологического кризиса и ориентированной на его решение концепции устойчивого развития. В данном случае субъективные предпосылки экологических проблем должны быть сняты в ходе исторического процесса, а понимание человеком подлинного состояния

социоприродной реальности призвано привести к эпохальному культурно-цивилизационному сдвигу, благоприятствующему устойчивому развитию человечества.

Социально-экологические и экономические предпосылки концепции устойчивого развития. Многочисленные исследования, выполненные как в нашей стране, так и в других странах, показали, что мир к концу XX в. подошел к экологическому порогу, требующему радикального изменения ценностно-мировоззренческих, экономических, технологических основ социального развития. Именно в связи с этим в 1992 г. в Рио-де-Жанейро на Конференции ООН по окружающей среде и развитию была одобрена «Концепция устойчивого развития».

В документе «Повестка дня на XXI век», принятом на указанной конференции, была дана оценка планетарной ситуации развития человечества. В ней отмечалось, что противоречия между сложившимся характером развития цивилизации и природой достигли своего предела; очевидна бесперспективность модели развития цивилизации, принятой развитыми странами; благополучие западных стран базируется на нерациональной эксплуатации природных ресурсов планеты, завышенном производстве и потреблении.

Внимание было акцентировано на том, что все основные элементы глобальной социоприродной системы: численность населения, производство продуктов питания, промышленное производство, потребление ресурсов и загрязнение окружающей среды – находятся в состоянии экспоненциального роста.

В целом основными факторами, обусловившими необходимость принятия концепции устойчивого развития, были зафиксированные изменения глобального характера: демографический взрыв на планете; истощение традиционных легкодоступных горючих и минеральных ресурсов; деградация биосферы (сокращение биоразнообразия, пахотных земель и т. д.), а также производные от этих изменений – истощение озонового слоя биосферы и возрастание воздействия на живые организмы космических лучей, вероятность повышения температуры поверхности Земли и др. (Мамедов 2002).

Стало очевидно, что человечество, преследуя одностороннюю прагматическую цель от использования природы, стремительно приближается к глобальному экологическому кризису. Стихийное развитие экономики привело к существенным негативным изменениям качества природных экосистем.

В этом отношении экономические кризисы, периодически охватывающие мир, только при поверхностном рассмотрении можно представить как случайные явления, имеющие роковые финансовые причины. На самом деле это проявление атрибутивных особенностей экономической культуры человечества, ее многогранных составляющих, сложившихся после эпохи Возрождения и определяющих основу капиталистической организации общества. Кризисы такого типа обусловлены принципиально нелинейным характером социально-экономических связей и отношений в капиталистическом обществе, и они периодически возникали всегда, только в наше время они отличаются беспрецедентной тотальностью и масштабностью. И виной этому являются процессы глобализации, интегрировавшие экономические, финансовые и иные структуры отдельных стран.

Причину подобных кризисов не без оснований видят в несправедливом, асимметричном развитии мировой экономики, когда развивающиеся страны являются поставщиками природного сырья и трудовых ресурсов, а развитые – продуктов интеллектуального труда и высоких технологий. Существенное значение при этом имеет и социально-экономическое расслоение внутри отдельных стран, когда

большинство населения находится на грани выживания, а небольшая часть ведет гедонический образ жизни, безответственно транжирит огромные состояния.

Вместе с тем подобные кризисы рельефно высвечивают и глобальную асимметрию в социально-экономическом и экологическом развитии. И это понятно. Экономические кризисы обостряют экологическую проблематику и ухудшают практически все показатели качества жизни людей. Общество сокращает прежде всего инвестиции, нацеленные на сохранение природной среды, на решение проблем образования и здравоохранения.

Экономика в современном понимании охватывает условия и формы производства и обмена товаров, а также способы их распределения. Имеющееся количество природных и людских ресурсов, уровень технических знаний, потребительские предпочтения определяют условия функционирования экономической системы. Исторически экономика развивалась относительно независимо от экологических показателей. В действительности общество всегда зависело от природных ресурсов и состояния биосферы. Только эта зависимость в экономических системах не учитывалась. Глубинная связь экономики и экологии выявилась, когда стало реальным обратное воздействие измененной людьми природы (а не просто природы!) на человека, его хозяйство.

Экологический кризис есть негативный результат традиционной экономической политики. Непосредственной причиной экологического кризиса во многом явилась погоня за узко понимаемой прибылью, когда себестоимость продукции уменьшается за счет загрязнения среды.

В экологизированной экономике цели производства должны определяться скорее принципами экологии и безопасными для здоровья людей условиями труда, нежели только законами прибыли. *Это значит, что производство должно строиться на началах всеобщей пользы, а не утилитарной прибыли.*

Использование различных природных ресурсов (а значит, и их истощение), а также определенное загрязнение среды неизбежны при любой экономической деятельности. Экономист не может изобрести новую технологию, но он может объяснить или даже предсказать влияние изменений технологии на экологические последствия производства (уменьшение или увеличение загрязнения среды, использования природных ресурсов). Он обязан оценить влияние экологических последствий на цены различных товаров и услуг. Отрасли производства должны нести все расходы не только по используемым природным ресурсам, но и по устранению производимого ими загрязнения.

Экономической основой устойчивого развития становится система открытых конкурирующих рынков, цены которых отражают стоимость ресурсов. Устойчивое развитие требует постоянно расширяющегося производства товаров и услуг для удовлетворения потребностей быстро растущего населения. В то же время использование природных ресурсов должно стать рациональнее, а производственные процессы и потребление – экологически чище. Одними правительственными решениями невозможно реализовать концепцию устойчивого развития, так как в производстве и потреблении участвуют миллиарды людей. Правительства должны создавать предпосылки и условия, в которых она будет развиваться.

Важнейшей задачей, стоящей перед мировой экономикой, является определение способов включения экологических издержек в себестоимость производства продукции. Если в ценах на сырье и продукцию не будут заложены социальные издержки и если не будет установлена стоимость используемого воздуха, воды

и земельных ресурсов, которые в настоящее время являются бесплатными приемниками отходов, то ресурсы и дальше будут использоваться нерационально, а степень загрязнения, скорее всего, будет возрастать.

Другими словами, устойчивость социоэкономической системы требует возможности глобального обобщения своих образцов производства и потребления, в частности, с точки зрения критерия текущего и общего удовлетворения экономических, социальных, экологических и антропологических потребностей.

Сейчас признана необходимость взаимосвязанного социально-экономического и экологического развития. И при рассмотрении экологической проблематики нельзя ограничиваться только проблемами окружающей среды. Как подчеркивает Г. Х. Брундтланд в предисловии к докладу ООН «Наше общее будущее», «…это было бы непоправимой ошибкой. Окружающая среда не существует в изоляции от человеческой деятельности, от нужд и желаний людей. И попытки защитить ее, не принимающие во внимание удовлетворение человеческих потребностей, привели к тому, что в некоторых политических кругах к этим попыткам стали относиться как к чему-то наивному, оторванному от жизни… Окружающая среда – это место нашей жизни, а развитие – это наши действия по улучшению нашего благосостояния в ней. Оба эти понятия неразделимы» (Евтеев, Перелет 1989: 15).

Именно такой подход принят за основу концепции устойчивого развития. Не одностороннее наращивание экономики, а обеспечение сбалансированного, двуединого развития экономики и экологии, точнее, социально-экономического и экологического развития, выходит на передний план.

Согласно данной концепции, люди должны таким образом удовлетворять свои потребности, чтобы не нарушались установившиеся в течение миллионов лет основополагающие меры биосферных процессов, не ставилась под угрозу жизнь будущих поколений.

Прошедшее после принятия концепции устойчивого развития время подтверждает, что переход к устойчивому развитию является единственным спасительным путем для человечества. Стало очевидно, что в условиях глобализации стихийное развитие становится еще более опасным. Глобализация как современная мера экономической, технологической, политической, информационной интеграции в мире может обрести гуманистическую ориентацию только при устойчивом развитии.

Социально-экономические структуры, которые сложились в мире после XVII в., были основаны на конкуренции и стимулировали развитие тех отраслей человеческой деятельности, которые приносили прибыль. Разумеется, социально-политические основы современного общества, его система ценностей во многих отношениях иные, чем в эпоху классического капитализма. Идеи демократии, гражданского общества, правового государства, гуманизма определяют лейтмотив конституций многих стран.

В этом плане следует отметить, что сейчас важнейшим реальным инструментом гармонизации общественных отношений в развитых странах стал институт социального партнерства. Благодаря социальному партнерству, по существу, неявно происходит генезис рыночной экономики в социально ориентированную экономику. Социальное партнерство становится одним из индикаторов и действенных способов гуманистически ориентированного социально-экономического развития. Оно отчасти преодолевает исторически опасную дифференциацию, расслоение общества, нейтрализует поверхностный прагматизм, ограниченный экономический, финансовый детерминизм, перекидывая мост сотрудничества между различными слоями и структурами общества.

В целом ныне становится общепризнанным, что решение проблем современной цивилизации связано не только с развитием экономики, науки и технологий, но и с развитием высоких человеческих качеств у жителей нашей планеты. Для гармоничного функционирования институтов демократии, придания гражданскому обществу внутренней целостности необходимо сосуществование разнообразных культурных традиций, ценностных установок. Современное общество должно опираться на многогранное, основанное на доверии социальное взаимодействие, незыблемость моральных обязательств, понимание ответственности перед будущим и другие духовные факторы. Как справедливо отмечает Фрэнсис Фукуяма, эти вещи сейчас «не должны представляться анахронизмом, они суть залог успешного развития» (Фукуяма 2006: 29).

Теоретические истоки концепции устойчивого развития в общем и целом связаны с генезисом идей в философии и социологии относительно перспектив развития общества, уровня и качества жизни людей. Как известно, научный подход к общественному развитию стал формироваться под влиянием успехов естествознания в XVIII–XIX вв. И не случайно в классических концепциях общественного развития преобладает монистический, «линейный» взгляд на исторический процесс. К классическим учениям можно отнести социальные теории К. Маркса, О. Конта, Г. Спенсера. Эти учения следует рассматривать с позиций генезиса идей от хаотического, спонтанного развития общества к гармоническому, управляемому развитию. Так, в учении О. Конта акцент делается на его представлениях о завершающем этапе исторического процесса, когда общество отказывается от теологических и метафизических форм мышления и устремляется по пути накопления положительного (научного знания). На позитивной стадии общественной эволюции, по мнению О. Конта, должно достигаться идеальное, гармоничное развитие состояния общества.

После О. Конта позитивистская философия, как известно, сделала значительный крен в сторону биологизации обществознания. Наиболее сильно это проявилось в концепции английского философа и социолога Г. Спенсера. Он старался рассмотреть общественное развитие сквозь призму категорий эволюции, равновесия, органического роста. Некоторые идеи Г. Спенсера нашли поддержку спустя 80 лет в работах Римского клуба. Так, в докладе «Человечество на перепутье», подготовленном под руководством М. Месаровича, развитие общества допускается только в виде «органического роста», то есть по аналогии с живыми организмами. В концепции устойчивого развития существенное значение имеют идеи динамического равновесия, гомеостазиса.

Фундаментальное значение в философии и социологии имела трактовка К. Марксом активной роли субъекта в историческом развитии. Этим учение К. Маркса принципиально отличается от позитивистской концепции О. Конта и Г. Спенсера, которые человеку отводили роль наблюдателя исторических событий. Если отвлечься от идей Маркса о насильственных способах исторического развития, то реформирование общества в плане перехода к устойчивому развитию немыслимо вне целенаправленной деятельности субъекта, его осмысленной, разумной активности.

Неклассические теории общественного развития, возникшие в середине XX в., обозначили альтернативное осмысление социальной действительности. Они представлены различными концепциями индустриального общества (А. Арон, Ж. Эллюль, Дж. Гэлбрейт и др.). Основной социальный идеал индустриализма – повы-

шение уровня жизни, а растущее благосостояние считается целью и критерием общественного прогресса. Это главная идея всех теорий, обосновывающих идеологию роста и развития.

В конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. в промышленно развитых странах стали проявляться новые социально-экономические и технологические тенденции, которые обусловили появление теорий постиндустриального общества (Д. Белл, З. Бжезинский, О. Тоффлер и др.). Идея постиндустриального преобразования общества дала начало целому направлению социальной философии, занявшейся конструированием «иного» общественного строя. В 70–80-е гг. количество социально-философских работ на эту тему необычайно возросло, объединившись с философскими, экономическими, политологическими и экологическими исследованиями. Попытка создания новой картины социальной реальности получила выражение в конкретных версиях постиндустриального развития – информационного и экологического обществ.

В связи с необходимостью обеспечения экологической безопасности общества стало очевидным, что правомерно смотреть на новое (информационное) состояние цивилизации как на новую технологическую, а не как на духовную, интеллектуальную базу для перехода к устойчивому развитию. Сама по себе информатизация еще не означает обеспечение общества экологической информацией и усвоение ценностей экологической культуры, ведущей к изменению мировосприятия людей. Только в соединении с экологизацией информатизация может предотвратить экологическую катастрофу.

Так, внутренняя логика социально-экономического, технологического развития и осознание подлинной ценности естественных предпосылок социального развития определили постановку вопроса об информационно-экологическом обществе, основные положения которого можно считать предтечей концепции устойчивого развития.

Естественно-научные и математические основания концепции устойчивого развития. Можно сказать, что познание природной и социальной действительности отражает многогранные глубинные связи бытия, которые определяют все более усиливающуюся тенденцию к взаимодействию естественных и общественных наук, интеграцию знаний о природе и обществе. Во второй половине XX в. в центре внимания оказались такие закономерности саморазвивающихся систем, как стохастичность, неопределенность, бифуркации. Лауреат Нобелевской премии И. Пригожин и И. Стенгерс обращают внимание на то, что в настоящее время мы переживаем глубокие изменения в научной концепции природы и в структуре человеческого общества. Эти изменения породили потребность в новых отношениях между человеком и природой так же, как и между человеком и человеком. Традиционное априорное противопоставление научных и этических ценностей становится поэтому неприемлемым (Пригожин, Стенгерс 1986: 44–47).

Императивы нашего времени, стало быть, таковы, что традиционное предметное поле науки должно быть расширено включением в него целого ряда аксиологических предпосылок. Особого внимания в данном случае заслуживает наметившаяся в развитии научного познания тенденция экологизации. Это обусловлено прежде всего ее существенной социальной значимостью и своеобразной эвристической функцией. Под последней мы имеем в виду то, что с этой тенденцией связаны выявление и постановка качественно новых научных проблем, отображающих связи человека и общества с природной средой.

Для комплексного анализа двуединого развития социоприродных и экономических систем важное значение может иметь теория катастроф (Арнольд 1990). Первые сведения о теории катастроф появились в западной печати в 70-е гг. прошлого столетия. Сообщалось о перевороте в математике, сравнимом разве что с изобретением И. Ньютоном и Г. Лейбницем дифференциального и интегрального исчисления.

Математические модели катастроф раскрывают некоторые общие черты скачкообразного изменения режима разных систем в ответ на плавное изменение внешних условий. Так, управление без обратной связи в любой системе приводит к катастрофам: поэтому важно, чтобы структуры, принимающие ответственные решения, зависели от последствий этих решений.

Теория катастроф с математической точки зрения показывает, что устойчивое развитие системы «общество – природа» возможно, если общество возьмет ответственность на себя за будущее природы, а не будет полагаться на ее спонтанное развитие.

В целом достижения современной науки свидетельствуют о том, что неравномерность, дискретность являются общей характеристикой развития материи в целом. Эта закономерность характерна как для элементарных частиц, так и для высшей формы организации материи – социальной (Осипов, Шургалина 1994: 7).

Внутренняя основа нелинейности общественного развития двойственна. С одной стороны, общественные системы подчиняются закономерностям функционирования больших систем, с другой – их динамика складывается под воздействием человеческого интеллекта, способного в каждый период времени по тем или иным критериям производить отбор вариантов развития и направлять его.

Можно сказать, что и в естествознании, и в математике развивались теории и положения, отображающие особенности развития нелинейных систем. Ток идей от естествознания и математики к обществознанию и вообще в интеллектуальную культуру существовал всегда, но этот ток значительно усилился в конце XX в., зачастую определяя характер, особенности стиля научного мышления.

Обобщение концепции устойчивого развития. По мере осмысления проблем и перспектив перехода современного общества к устойчивому развитию стало очевидно, что такой переход возможен при гармоничных социальных отношениях, нравственном совершенствовании людей, изменении человеческих качеств на основе экогуманистических ценностей и идеалов. В целом устойчивое развитие должно характеризоваться экономической эффективностью, биосферосовместимостью, социальной справедливостью. Двуединым индикатором устойчивого развития при этом предстают всесторонняя безопасность и высокое качество жизни людей.

В таком толковании устойчивое развитие соединяет в единую систему экологические, экономические, социальные и культурологические характеристики. Происходит обобщение концепции устойчивого развития, она, по существу, претендует на роль теории исторического процесса, отображающего социальную и природную (социоприродную) действительность в единстве и развитии.

Любая теория исторического процесса обращена не только в прошлое, но и в будущее, она служит основой для понимания прошлого и *канвой для конструирования будущего*. Концепция устойчивого развития призвана раскрыть закономер-

ности социоприродных систем, обосновать пути их развития, отвечающие интересам не только нынешних, но и будущих поколений.

Ценность концепции устойчивого развития заключается в том, что она рассматривает историю как целостный социоприродный процесс, акцентируя внимание на единстве общества и природы. Исторический процесс в таком случае предстает как временная последовательность сменяющих друг друга ***социоприродных*** явлений и событий.

Речь идет о принципиально новом рассмотрении исторического процесса, когда формирование социальных систем и структур, многообразных видов техники и иных составляющих материальной культуры рассматривается с обязательным учетом меры биосферных процессов, экологических границ преобразования природной среды.

Таким образом, концепция устойчивого развития, базирующаяся на категориях эволюции и самоорганизации, претендует на статус универсального учения исторического процесса, отображающего социальную и природную (социоприродную) действительность в единстве и развитии. В этом отношении можно говорить об особой функции истории в научном познании, ведущей к становлению обобщенной науки – *интегративной истории.* Примечательно, что еще в середине XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс в связи с проникновением в естествознание принципа историзма писали: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории» (Маркс, Энгельс 1966: 19).

Действительно, все, что существует, – прошлое, так как любое свершение тут же становится прошлым. Вот почему наука истории изучает «единственную реальность, существующую вне нас и помимо нас» (Гумилев, Панченко 1990: 71).

Если историю рассматривать как развертывающееся во времени социальное бытие, то есть рассматривать историю через деятельность людей, через связи этой деятельности с ее условиями, средствами и результатами, то любая теория исторического процесса в таком случае обращена как в прошлое, так и в будущее.

История в традиционном понимании – это история людей, обладающих сознанием и волей, это история деятельности людей в различных сферах, обусловленных потребностями и ценностно-мировоззренческими установками своего времени. Исторический процесс, однако, невозможен без соответствующих природных предпосылок, необходимых для жизнедеятельности людей, данных природы, служащих ресурсами социального благополучия. История людей и история природы тесно переплетены, и об истории общества без учета природных факторов и условий можно говорить лишь с очень большой долей идеализации. Сейчас очевидно, что сущность исторического процесса определяет временная последовательность сменяющих друг друга ***социоприродных*** явлений и событий.

В той или иной форме на это обращали внимание в истории философии и науки. О влиянии природной среды на здоровье и качество жизни рассуждал еще Гиппократ (трактат «О воздухах, водах и местностях»), значению природных факторов в хозяйственной деятельности уделял внимание Аристотель в «Политике». В Новое время появилась концепция географического детерминизма (Ж. Боден, Ш. Монтескьё), в которой природная среда считалась основным фактором, определяющим особенности общественного развития. В дальнейшем данная концепция была существенно дополнена эволюционными идеями английского историка Т. Бокля (1895) и обобщена русским географом Л. И. Мечниковым. В частности, Л. И. Мечников

писал: «Мы далеки от географического фатализма, в котором нередко упрекают теорию о влиянии среды… Причину возникновения и характер первобытных учреждений и их последующей эволюции следует искать не в самой среде, а в тех ***соотношениях*** между средой и способностью населяющих данную среду людей к кооперации и солидарности (выделено мною. – *Н. М.*)» (Мечников 1924: 69).

В этом отношении следует отметить внимание, которое уделялось в марксистской концепции исторического процесса естественным предпосылкам (природным ресурсам и народонаселению) (Плетников 1987), а в учении Л. Н. Гумилева об этносе – связям с природной средой (Гумилев 1939).

Оправданность рассмотрения объектом истории *развития социоприродных систем* сейчас можно обосновать также исходя из классического философского принципа «единство материального мира» и «антропного принципа», сформулированного в космологии. В таком случае формирование планетных систем во Вселенной, появление жизни, становление человека и общества на нашей планете предстают как часть целостного эволюционного процесса. Современная наука, несмотря на сложность, порой невозможность адекватного объяснения качественных переходов в структуре Универсума в методологическом отношении все же основывается на указанных принципах, поскольку в гносеологическом отношении они позволяют связывать эволюционный процесс с наличием инвариантных законов и тенденций в развитии неживой, живой природы и общества.

Если предположить, что универсальная эволюция имеет социоприродное продолжение, то есть универсальная эволюция в целом ряде отношений носит социоестественный характер, то по-иному предстают перспективы процессов самоорганизации во Вселенной. Иначе выглядит будущее человечества, его взаимодействие с природой Земли и космоса. Учение В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере приобретает совершенно новый смысл. Деятельность человека, его аксиологические основания обретают космическую значимость.

В этом контексте возникает идея *граничных условий,* касающихся деятельности человека, с целью возможностей продолжения процессов самоорганизации в Универсуме. Социум может сохраниться и продолжать свое дальнейшее безопасное существование и развитие только в коэволюционной социоприродной форме. Отсюда следует, что ценности социального развития в условиях возрастания технологического могущества человека не должны противоречить будущему человечества, его безопасной эволюции на Земле и во Вселенной.

Главную роль в разрешении социоприродных противоречий может сыграть предстоящий *управляемый переход* к устойчивому развитию, поскольку в этом случае речь идет о спасении человечества и биосферы. Устойчивое развитие представляет собой переход к новому состоянию социоприродной системы, в которой должны быть исключены широкомасштабные деградационные процессы. Это такой сценарий эволюционного процесса, когда развитие в обществе сопряжено с сохранением биосферы, с коэволюционным взаимодействием с природной средой.

Предпосылки реализации концепции устойчивого развития. Без преувеличения можно сказать, что решение задач взаимосвязанного развития социально-экономической сферы и природной среды окажет существенное влияние на человеческую деятельность, ее содержание в самых различных областях. Речь идет

о наметившейся экологической революции в жизнедеятельности людей, тотальной экологизации их образа жизни.

Для освоения природной среды в соответствии с концепцией устойчивого развития необходимо новое мировоззрение. Основу такого мировоззрения может составить учение В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере. При этом ноосферу, на наш взгляд, следует интерпретировать как становление качественно нового состояния в эволюции планеты, когда процессы и явления биосферы в конечном счете направляются научно обоснованным человеческим интеллектом. Гармонизация взаимодействия между природой и обществом в таком случае предстает как повышение организованности ноосферы.

Императив устойчивого развития подтверждает также необходимость взаимосвязи разума с нравственностью. Достижения разума, оторванные от нравственных начал, как показывает опыт истории, приобретают разрушительный, антигуманный характер. Поэтому условием обеспечения императива устойчивого развития является императив нравственный. Для утверждения этого необходимы нормы морали, права, культуры в целом, ограничивающие спонтанное развитие человеческого общества.

Понятно, что все это немыслимо без соответствующей трансформации общественного сознания, понимания каждым индивидом смысла и значения предстоящих перемен. Поэтому на передний план выходят вопросы социализации подрастающего поколения, изменения ориентации и содержания образовательных систем как в национальных, так и в глобальных масштабах с позиций устойчивого развития. Лейтмотивом всех этих преобразований являются поиски форм и способов проникновения экологических знаний и императивов на различные уровни образовательных структур, их тотальная экологизация.

Культура устойчивого развития. В последние годы в связи с проблемами перехода современного общества к устойчивому развитию усилилось критическое переосмысление традиционных культур, их ценностных установок и идеалов, неадекватность которых к современному состоянию человека, его проблемам привела к жестоким социальным катаклизмам, драматическому противостоянию общества и природы, возрастанию глобальной экологической опасности. Особенности той или иной культуры выражаются в своеобразии доминирующих в ней мировоззрений, идеологий, способов мышления, в специфике технологий, подходов к практическому освоению действительности.

В современных условиях в связи с бурным развитием средств коммуникации в мире сформировалось единое информационное пространство, обусловливающее интенсивное взаимодействие различных культур. Формирующееся ныне информационное общество порождает беспрецедентные перспективы кооперации в духовной сфере. Информационные технологии оказывают мощное давление на духовную культуру, обостряя противоречия между национально уникальными и универсалистскими процессами в культуре. Сегодня особенно остро встает вопрос: как сочетаются культурная самобытность и универсальность, национальное и глобальное?

Современные коммуникации по самой своей сути содержат огромный интегративный потенциал, который создает условия для раскрытия культурной общности. Единое информационное пространство способствует – при сохранении культурного многообразия – становлению общечеловеческой культуры, основанной на

гуманистических принципах, общей озабоченности сохранением естественных предпосылок существования человека, решением проблем устойчивого развития.

Выживание человечества во многом зависит от становления единой экологической культуры, сочетающей в себе ценности национальных культур с общечеловеческими ценностями. Основанием такого единения многообразных культур могут служить экогуманистические ценности и идеалы устойчивого развития общества.

Глобальная озабоченность экологической безопасностью, таким образом, является предпосылкой нового культурного синтеза. Под влиянием реалий современной эпохи изменяется само понятие гуманизма, которое наряду с антропным измерением включает биосферное, отражающее единство человека и природы.

Экологическая культура предстает как новый способ соединения человека с природой, примирения его с ней на основе более глубокого познания. Мерой новой культуры выступают ценности экологической этики. Акцентируя внимание на проблемах биосферы, всего живого, они создают предпосылки действий, ориентированных на сохранение и развитие человеческого и природного бытия. В экологической этике в сферу нравственных отношений, кроме традиционно рассматриваемых отношений «человек – человек», «человек – общество», включается также целый ряд сторон отношений «человек – природа». Основное свойство, присущее экологической этике, связано с тем, что приоритетной в ней остается забота о природных условиях существования будущих поколений. Обращенность в будущее, которая предполагает и заботу о настоящем, отличает экологическую этику от традиционных направлений этики. Положения экологической этики уже сейчас позволяют предположить следующие требования: отказываться от любых действий, которые могут подорвать возможности существования будущих поколений; мера ответственности перед потомками должна быть приоритетной при принятии решений, касающихся состояния природной среды; недопустимо в интересах ныне живущих людей наносить ущерб интересам будущих поколений.

Однако эти и другие положения экологической этики, призванные обеспечить гармонизацию взаимодействия человека и природы, могут быть реализованы, если они практически пронизывают все сферы человеческой деятельности: образование, политику, право, экономику и др. Только в этом случае этические нормы, насыщенные экологическим содержанием, не останутся благими пожеланиями и приблизят становление нового общества.

Фундаментальное значение в этой связи приобретает вопрос: можно ли повлиять на ориентацию и содержание культуры? Управляем ли вообще культурный процесс?

Основу целенаправленных культурных трансформаций может составить формирование соответствующего сознания. Любая человеческая деятельность осуществляется сознательно на основе определенных убеждений, знаний и опыта. Сознание складывается из совокупности разнообразных знаний о мире, человеке, обществе, о способах удовлетворения социальных и индивидуальных потребностей, о других природных и социальных явлениях.

Из знаний в убеждения переходят те элементы, которые затрагивают интересы человека. Для преодоления равнодушного отношения к определенным процессам решающее значение имеет не только наличие знаний, но и заинтересованность субъекта во вмешательстве в данный процесс. Она возникает лишь при определенном совпадении знаний с собственным опытом людей. Только знания о процессах, которые затрагивают некоторые важные стороны жизни человека, приоб-

ретают существенную эмоциональную окраску, превращаются в его убеждения, реализуемые на практике.

Экологизация индивидуального сознания подразумевает изменения в мышлении, потребностях, поведении отдельного человека. Экологизация общественного сознания предполагает экологизацию общественных потребностей, общественного поведения, его форм и уровней.

В экологическом сознании появляются принципиально новые компоненты, связанные со стремлением к устойчивому развитию общества и природы. Если ранее наука отражала внеценностную сущность познаваемых природных объектов, то сейчас экологическое сознание все более выражает ценность объектов в восприятии мира и выявляет их значение для сохранения природных систем. Развитие экологического сознания сопряжено с преобразованием фундаментальных структур познания и органически связано с новым типом рациональности, основанном на взаимообусловленности субъекта и объекта, включающим в содержание знания, методы, концепции в виде определенных приоритетов развития.

Сознание формируется непрерывно: в результате воспитания, образования, многообразных коммуникативных процессов. Определяющую роль выполняет образовательная деятельность, методично формируя индивидуальное и в конечном счете общественное сознание. Цели, методы, содержание социализации индивида, отражая реальные институциональные особенности общества, его конкретные запросы, могут определять также специфику будущей культуры, ее духовные устремления. Это связано с тем, что образование, как и сознание, «не только отражает мир, но и творит его». С одной стороны, образование всегда в той или иной степени соответствует реалиям времени, отражает уровень и структуру общественного сознания и воспроизводит ее. С другой – образование ориентировано на будущее и призвано создавать интеллектуальные предпосылки для социального развития, проявления новых граней сущностных сил человека.

В свете концепции устойчивого развития идеалом образовательных систем становится формирование личности, обладающей определенной внутренней свободой, независимостью в своих мнениях, поступках, строящей свои отношения с окружающей средой на основе понимания ее целостности. Свобода в рамках экологической необходимости – таковой должна быть стратегия личности на рубеже новой цивилизации. Именно эти качества личности общество призвано задавать через образовательные системы.

Целью современного образования становится как знакомство с основами той или иной науки, так и формирование высокой духовности. Принцип «знание ради знания» недостаточен в данной модели образования. Конечно, образованность не обязательно ведет к духовности. Но разностороннее образование служит той базой, на которой может действительно развиться утонченная человеческая культура. Стержневым ее моментом являются культура взаимоотношений между людьми, между обществом и природой, гуманизм в самом широком смысле слова.

Можно сказать, что одной из важнейших целей образования в свете задач перехода к устойчивому развитию становится формирование необходимого комплекса знаний по проблемам развития человека, его взаимоотношений с социальной и природной средой. Это должно помочь индивиду познать общество на разных этапах его истории, осмыслить условия своего собственного существования и существования человечества.

Литература

Арнольд, В. И. 1990. *Теория катастроф.* М.: Наука.

Бокль, Т. 1895. *История цивилизации в Англии.* СПб.: Изд-во Ф. Павленкова.

Будыко, М. И. 1977. *Глобальная экология.* М.: Мысль.

Гумилев, Л. Н. 1939. *Этногенез и биосфера Земли.* Л.

Гумилев, Л., Панченко, А. 1990. *Чтобы свеча не погасла.* Л.: Советский писатель.

Евтеев, С. А., Перелет, Р. А. (ред.) 1989. *Наше общее будущее: Доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию.* М.: Прогресс.

Мамедов, Н. М. 1996. *Культура, образование, экология.* М.: РЭФИА.

Мамедов, Н. М. (отв. ред.) 2002. *Введение в теорию устойчивого развития.* М.

Маркс, К., Энгельс, Ф. 1966. *Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений.* М.: Политиздат.

Мечников, Л. И. 1924. *Цивилизация и великие исторические реки.* М.: Голос труда.

Оруджев, З. М. 2009. *Природа человека и смысл истории.* М.: ЛИБРОКОМ.

Осипов, Ю. М., Шургалина, И. Н. (ред.) 1994. *Переходы и катастрофы: Опыт социально-экономического развития.* М.: МГУ.

Плетников, Ю. К. (отв. ред.) 1987. *Марксистско-ленинская теория исторического процесса.* Кн. 3. М.: Наука.

Пригожин, И., Стенгерс, И. 1986. *Порядок из хаоса.* М.: Прогресс.

Урсул, Т. А. 2005. *Социоприродное развитие в универсальной эволюции.* М.: Проспект.

Фукуяма, Ф. 2006. *Доверие.* М.: АСТ.

Юнг, К. Г. 2003. *Дух в человеке, искусстве и литературе.* Минск: Харвест.

Ясперс, К. 1994. *Смысл и назначение истории.* М.: Республика.

ГЛОБАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ*

С. В. Дубовский

Представлены структура глобального объекта и перечень основных глобальных проблем. Кратко описаны важнейшие фрагменты мирового развития, включая процессы глобализации. Описаны этапы развития глобального моделирования в мире и России. Рассмотрен период развития России на отрезке 1990–2007 гг. с анализом роли перераспределения доходов от населения и государства к экономической элите, а также научно-технического прогресса и цен на нефть. Представлены возможные сценарии мирового и российского развития в первой трети XXI в.

Ключевые слова: *глобальное моделирование, глобальный мир, экономика, социум, система, природные ресурсы, среда обитания, глобальные проблемы, научно-технический прогресс, мировое развитие, население Земли.*

В 2008 г. исполнилось 40 лет со дня основания Римского клуба, который инициировал проведение работ по глобальным исследованиям и глобальному моделированию. Пятый десяток активных исследований в области глобалистики – удобный предлог, чтобы систематизировать наши представления о глобализированном мире и месте России в нем.

Мир как динамическая система

Мир включает в себя следующие основные подсистемы: население, социум, экономику, производство продовольствия, инновационный комплекс, природные ресурсы, среду обитания, страны и регионы мира. Развитие и взаимодействия этих подсистем и их элементов определяют мировую динамику.

Население мира растет, мигрирует между странами и регионами, концентрируется в городах, участвует в экономической деятельности и технологических изменениях, использует природные ресурсы, обеспечивает себя продовольствием и другими жизненными благами, повышает жизненные стандарты, меняет характеристики среды обитания, формы экономической, социальной и политической организации общества, участвует в межстрановых и межрегиональных взаимодействиях. Темпы роста населения меняются с течением времени вследствие изменений образа жизни и среды обитания, эти темпы различны для разных этнических, социальных и религиозных групп.

Социум – та конкретная социальная среда, в рамках которой люди функционируют и принимают решения. Основные элементы социума: политический, социальный и экономический механизмы регулирования человеческой активности,

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 03-06-00052а.

доминирующие социальные и политические идеи, общепринятая система ценностей, отношение к труду, распределение доходов среди населения, восприимчивость к социальным и технологическим новшествам, отношение к среде обитания, демографическое поведение, межэтнические отношения, согласованные цели общественного развития. Возможности общества предвидеть будущие изменения и адаптироваться к ним зависят от этих элементов. Социальные и политические идеи играют роль двигателей общественного развития, помогают прогнозировать, выявлять и преодолевать трудности, противоречия и конфликты.

Экономика постоянно увеличивает производство, обеспечивает население жизненными благами, создает новые рабочие места, обновляет производственные фонды и технологии, использует природные ресурсы и загрязняет среду обитания. Важными частями мировой экономической системы являются подсистемы мирового разделения труда, мировой торговли и финансов, где организуются межстрановые потоки промышленных товаров, продовольствия, природных ресурсов, технологий и капиталов. Темпы долгосрочного экономического роста складываются из темпов демографического роста и темпов роста производительности труда. Эти темпы определяют рост экономической нагрузки на среду обитания и скорость истощения природных ресурсов. Истощение природных ресурсов, не компенсируемое научно-техническим прогрессом, повышает стоимостную ресурсоемкость конечной продукции и тормозит экономический рост.

Производство продовольствия обычно выделяется из экономики как особая подсистема, которая включает в себя четыре биологические системы: пашни, пастбища, леса и водные системы, включая океан. Хотя эти биологические системы испытывают постоянно растущее антропогенное давление, валовой выпуск продовольствия растет за исключением моментов климатических сбоев. Снижение площади сельхозугодий, приходящейся на одного жителя, компенсируется ростом энергозатрат на производство продовольствия. Однако рост населения и рост производства продовольствия не всегда сбалансированы. Когда демографический рост начинает обгонять рост производства продовольствия или меняется экономическая дифференциация среди населения, душевое потребление продовольствия начинает сокращаться прежде всего у беднейших слоев населения и в беднейших странах.

Инновационный комплекс (генератор инноваций, в том числе научно-технического прогресса) рождает политические, социальные, культурные и экономические инновации, а также новые материалы и технологии, которые постепенно вытесняют из экономики устаревшие и неэффективные технологии. В результате замещения старых технологий новыми растет производительность труда и эффективность использования природных ресурсов, снижается энергоемкость продукции и загрязнение среды обитания, истощаемые природные ресурсы замещаются другими ресурсами. Технологический уровень экономики постоянно растет темпами, равными произведению скорости обновления производственных фондов на относительную эффективность новых технологий на новых рабочих местах. Однако темпы научно-технического прогресса являются неравномерными, что порождает длиннопериодические колебания в экономическом и технологическом развитии мировой системы, известные как циклы Кондратьева.

Природные ресурсы (вода, земля, леса, полезные ископаемые и т. д.) делятся на возобновляемые и невозобновляемые. Первая группа ресурсов нуждается в постоянном поддержании их качества и жизненного цикла, а вторая группа –

в новых технологиях для замещения истощившихся ресурсов новыми. Ограниченность природных ресурсов проявляется через долгосрочную тенденцию роста их цен. Себестоимость добычи ископаемых ресурсов обычно растет с ростом уже извлеченных запасов, так как наиболее богатые и доступные месторождения вырабатываются в первую очередь. Объем природных ресурсов, вовлекаемых в антропогенную деятельность, увеличивается вместе с экономическим ростом, однако научно-технический прогресс снижает ресурсоемкость конечной продукции.

Среда обитания (окружающая среда, биосфера) включает атмосферу, океан и сушу. Она является гигантским приемником потока солнечной энергии, которая частично отражается назад в космос, частично идет на нагрев атмосферы и усваивается биотой. В биосфере идут глобальные кругообороты углерода, кислорода, азота, воды, а также циклы биосистем. Наиболее важной характеристикой атмосферы является климат и средняя температура, которая зависит от концентрации углекислого газа и аэрозолей. Антропогенная деятельность меняет все характеристики среды обитания. Рост энергопотребления повышает концентрацию углекислого газа в атмосфере, что ведет к изменению климата и условий производства продовольствия. Расширение сельскохозяйственных земель, кислотные дожди и химические выбросы ведут к сокращению лесов и вообще биоты, что влияет на глобальные кругообороты. Токсичные вещества поступают в окружающую среду как неразрушаемые химикаты и радиоактивные элементы, а затем непосредственно или вместе с продуктами питания поступают в организм человека и влияют на его физиологию. Фреоны из холодильных установок и распылителей преобразуются в верхних слоях атмосферы в хлор и уничтожают защитный озоновый слой.

Мир разделен на **государства и блоки,** на страны богатые и бедные, с высокой и низкой плотностью населения, богатые природными ресурсами и без них, с ядерным оружием и без него. Мир разделен по этническим, идеологическим, религиозным и цивилизационным признакам. Это разнообразие и разделение мира порождает различные интересы и различные подходы к решению одних и тех же проблем. Поэтому тенденция к интеграции при решении глобальных проблем сталкивается с тенденцией к разобщенности. Сама разделенность мира порождает проблему безопасности и гарантий защиты от применения ядерного оружия, способного вызвать мировую экологическую катастрофу. Все множество стран можно представить в виде **глобальной пирамиды,** где наверху находятся технологические и экономические лидеры с так называемым «золотым миллиардом» населения, а внизу – аутсайдеры. Обмен капиталами, трудом, технологиями, товарами и природными ресурсами между странами происходит через структуры **мирового рынка.**

Глобальные проблемы

Человеческая активность реализуется в тонком слое толщиной 10–15 км на поверхности земного шара с радиусом в 6370 км. Неограниченный рост демографических, экономических и технологических характеристик мировой системы, а также рост загрязнений находятся в прямом противоречии с физической ограниченностью природных ресурсов и среды обитания. Этот рост порождает глобальные проблемы как первые проявления ограничений или узких мест на пути неограниченного роста в ограниченной среде.

В качестве первостепенных глобальных проблем обычно называются следующие:

– **перенаселенность** отдельных стран и регионов мира, угроза демографического взрыва, обгоняющего ресурсные и экономические возможности мировой системы, нерегулируемая миграция населения из бедствующих регионов в благополучные и взрывы межэтнической напряженности, растущая демографическая несбалансированность Севера и Юга (1:3 в 1975 г. и 1:4 в 2000 г.), растущая концентрация населения в городах;

– **нехватка продовольствия** для бедных стран и групп населения, высокая численность голодающих и страдающих от неполноценного питания (до 20 % населения), быстрое уменьшение площади сельхозугодий, приходящихся на одного жителя Земли, ограниченные возможности увеличения производства продовольствия при современных технологиях из-за деградации почв в сельском хозяйстве и высоких энергозатрат;

– истощение традиционно используемых природных ресурсов, устойчивый рост мировых цен на энергоносители, будущий переход части современных экспортеров энергоресурсов в ряды импортеров, необходимость перестройки структуры энергопроизводства и энергопотребления в целях экономии энергоресурсов;

– деградация среды обитания в результате роста экономической активности и загрязнений, учащение локальных экологических кризисов и катастроф, потепление климата и возможный подъем уровня Мирового океана, возможное наступление ядерной зимы в результате ядерной войны, разрушение озонового слоя, исчерпание возможностей среды обитания по поглощению отходов антропогенной активности;

– **растущая дифференциация** стран и регионов мира по уровню потребления природных ресурсов и уровню экономического развития, рост численности людей, живущих в условиях недоедания и нищеты, противостояние богатого Севера и бедного Юга;

– **безопасность** развития в условиях перехода от биполярного к монополярному миру с одной супердержавой, безопасность в условиях расширяющегося клуба ядерных держав и роста межэтнической напряженности, в условиях возрастающей глобальной конкуренции за природные ресурсы, локальные военные конфликты и растущие военные расходы.

Научно-технический и социальный прогресс пытается ответить на эти вызовы времени, смягчает глобальные ограничения, помогает мировой системе адаптироваться к ним, но снять их полностью не может. Само мировое развитие слишком инерционно; механизм обратных связей между глобальными проблемами, принятием и реализацией решений по адаптации мировой системы к новым условиям развития еще недостаточно эффективен.

Наглядное представление о возможной динамике мировых макропоказателей на разных этапах подхода к глобальным ограничениям дает следующая иллюстративная макромодель для роста численности населения мира:

$$x'/x = \alpha\,(1 - \beta\,x)(1 - \int_0^t \gamma\,x\,dt), \qquad (1)$$

где $x(t)$ – численность населения Земли; x' – производная по времени от x; α, β, γ – неотрицательные параметры. Первый множитель в правой части (1) равен темпу

экспоненциального роста населения вдали от глобальных ограничений; второй множитель отражает влияние ограниченных, но возобновляемых ресурсов: земной поверхности, солнечной радиации, биоты, пресной воды; третий множитель отражает влияние ограниченных невозобновляемых ресурсов – полезных ископаемых и поглощающих возможностей среды обитания.

Если нет научно-технического и социального прогресса, то в соответствии с (1) первоначальная траектория экспоненциального роста по мере приближения к ограничениям на возобновляемые ресурсы переходит в логисту, а затем логиста по мере исчерпания невозобновляемых ресурсов переходит в траекторию экспоненциального спада. Это означает, что численность населения сначала стабилизируется, а затем начинает уменьшаться.

Реальные режимы развития и взаимодействий элементов мировой системы намного разнообразнее и сложнее. Во-первых, управляющие воздействия, научно-технический и социальный прогресс меняют динамику глобальных процессов. Во-вторых, благодаря сложной структуре мировой системы коллапс одной ее части может сопровождаться процветанием другой. В-третьих, такие факторы, как технологические и социальные новшества, биологические мутации, экологические катастрофы, климатические вариации, социальные и политические конфликты, вносят в поведение мировой системы элементы стохастики. В-четвертых, на квазиэкспоненциальный тренд мирового развития накладываются периодические колебания, которые повышают вероятность катастроф в критических фазах цикла.

Важные фрагменты мирового развития

Отдельные фрагменты мирового развития устанавливаются с помощью изучения долговременных статистических рядов и иногда могут быть описаны с помощью очень простых гипотез и моделей, которые хорошо подтверждаются на историческом интервале времени.

Стабилизация численности населения Земли. Изучение статистических данных показывает, что в большинстве развитых стран темп роста населения сначала монотонно увеличивается до своего максимального значения, а затем монотонно уменьшается, оставаясь положительным. Такая зависимость от времени хорошо описывается вероятностным распределением Коши. Если предположить, что темп роста населения мира подчиняется такому же закону, то модель демографического роста – обыкновенное дифференциальное уравнение с тремя параметрами в правой части. Численность населения получается как интеграл этого уравнения в виде ограниченной функции времени, теоретическая кривая хорошо ложится на статистические данные исторического периода (Капица 1996). Такая простая модель достаточно точно описывает демографическое развитие в периоде роста и стабилизации, но нуждается в модернизации в периоде возможного спада.

Долговременные колебания около тренда развития. Изучая долговременные ряды экономических показателей, Н. Кондратьев (1892–1938) показал существование экономических циклов длиной 50–60 лет. Существование этих циклов было подтверждено позднее с помощью показателей технологической, ресурсной и социальной статистики. Циклы синхронизированы для развитых стран и влияют на развитие развивающихся стран через мировой рынок. Колебания асимметричны относительно тренда и могут быть асинхронными для различных показателей. Механизм возникновения и поддержания циклов связан со взаимодействием эко-

номической активности и технологических новшеств. Совместный анализ исторических событий и фаз цикла показывает, что вероятность проявления социального стресса достигает максимума дважды за один цикл: в окрестностях максимума и минимума волны ВВП. Такая закономерность позволяет прогнозировать критические точки мирового развития. Элементарная модель цикла из двух обыкновенных дифференциальных уравнений и ее привязка к историческому календарю предложена в моих работах (Дубовский 1993: 82–91; 1994; 1995б).

Замещение технологий и ресурсов. Различные технологии и природные ресурсы обычно используются в экономике одновременно, но в разных пропорциях. Например, в энергетике одновременно используются дрова, торф, уголь, нефть, газ, ядерная энергия и другие альтернативные источники энергии; на транспорте используются лошади, автомобили, железные дороги, речной и морской транспорт, авиация, трубопроводы. Каждый ресурс и каждая технология занимают в общем производстве своей отрасли свою относительную долю. Изучение динамики этих долей для базовых ресурсов и технологий показывает, что доля ресурса или технологии сначала мала, затем растет до максимального значения и начинает уменьшаться, уступая рынок другим. Таким образом базовые ресурсы и технологии поочередно становятся на рынке доминирующими, а затем сменяют друг друга. Интервал времени между аналогичными состояниями двух конкурирующих ресурсов или технологий иногда совпадает с периодом кондратьевского цикла. Простейшая модель этого процесса смены поколений ресурсов и технологий, результаты расчетов и статистические показатели представлены в работе Ч. Марчетти (Marchetti 1986).

Потепление мирового климата идет как следствие роста мирового энергопотребления и соответствующего роста выбросов углекислого газа в атмосферу. Увеличение концентрации CO_2 в атмосфере создает так называемый парниковый эффект, то есть снижает отражение солнечной энергии поверхностью Земли, что и вызывает потепление климата. Рост выбросов или концентрации CO_2 задается в модели климата как сценарий. Расчеты на различных моделях климата показывают, что удвоение концентрации CO_2 приводит к глобальному среднему увеличению температуры воздуха на 1,3–3,0 °C. Последствия такого потепления с разбивкой по регионам в свою очередь задаются как сценарий в моделях производства продовольствия и энергопотребления (Моисеев и др. 1985; Хомяков и др. 2001; Тарко 2005).

Возможная ядерная зима. В этом глобальном сценарии рассматриваются последствия ядерной войны, когда возникают пожары, в атмосферу выбрасываются пыль и сажа, наступает длительная ядерная ночь, солнечный свет не достигает поверхности Земли, температура поверхности резко снижается. Возникновение загрязняющего слоя в атмосфере задается как сценарий в модели климата. Расчеты показывают, что главным климатическим эффектом является резкое и исключительно сильное охлаждение воздуха над континентами. Температура падает на 40 °C, длительность периода наступившей ядерной зимы зависит от суммарной мощности ядерных взрывов и в жестком варианте может длиться до года. Величина похолодания практически одинакова при взрывах в 100 и 10000 Мт. В сценариях термоядерного конфликта люди, пережившие первый удар, оказываются в условиях жестокого холода, тьмы, отсутствия воды, пищи и топлива, под воздействием радиации, загрязнителей и болезней, в условиях предельного психологического стресса. Если эти сценарии реальны, то даже ограниченные ядерные конфликты самоубийственны для человечества (Turko *et al.* 1983: 1283–1300).

Стратегическая стабильность. На этапе ядерного противостояния двух сверхдержав (СССР – США) ситуацию хорошо описывала модель обмена ядерными ударами в рамках доктрины взаимного гарантированного уничтожения. В этой модели рассматривается следующий сценарий: одна из сторон наносит одновременно контрсиловой (по ракетам противника) и противоценностный (по городам) удар. Вторая – своими уцелевшими силами наносит ответный противоценностный удар. Пока ядерное оружие и средства его доставки обеих сторон находятся в таком состоянии, что гарантировано взаимное уничтожение или нанесение неприемлемого ущерба, стороны не идут на ядерный конфликт, имеет место стратегическая стабильность. Но вместе с совершенствованием технических средств и изменением геополитической обстановки ситуация меняется: клуб держав, обладающих ядерным оружием, расширяется, это повышает вероятность ядерного терроризма; возникают оборонные системы, которые меняют область гарантированного взаимного уничтожения или нанесения неприемлемого ущерба, что приводит к соблазну нанесения первого удара. Эти проблемы рассмотрены в работах С. А. Бремера, Б. Б. Хьюза, В. А. Геловани и А. А. Пионтковского (Bremer, Huges 1990; Геловани, Пионтковский 1997).

Процессы глобализации включают четыре основных направления: 1) интеграцию национальных экономик в мировую экономику, где через национальные границы свободно перемещаются капитал, труд, технологии, ресурсы; 2) юридическую интеграцию национальных сред обитания в мировую среду, что подразумевает локальную ответственность стран за состояние мировой среды; 3) интеграцию национальных информационных пространств в единое мировое пространство, где унифицируются потоки информации, их идеологическое, политическое и культурное наполнение, отбор и интерпретация сообщаемых фактов; 4) передачу части национальных функций управления в сетевую систему глобальных и региональных центров принятия решений («Большая восьмерка», ООН, НАТО, МВФ, ОЭСР, Всемирный банк, МАГАТЭ, ВТО, ОПЕК и т. д.). Ведущими силами глобализации выступают транснациональные корпорации, которые максимизируют свою прибыль, и национальные правительства, которые отслеживают национальные интересы своих правящих классов. Естественно, что процессы глобализации часто ущемляют интересы населения и вызывают сопротивление. Ввоз дешевого труда в развитые страны и вывоз из них рабочих мест в страны с дешевым трудом ущемляют интересы наемных работников, тормозят научно-технический прогресс в развитых странах, создают анклавы с неинтегрируемыми в социум мигрантами, повышают уровень преступности. Вывоз из страны прибылей тормозит ее развитие. Унификация культурного пространства ведет к потере самобытности и национальных духовных ценностей. Таким образом, процессы глобализации идут при наличии конфликта интересов, ведут одновременно к положительным и отрицательным результатам. Поэтому развивается движение так называемых антиглобалистов, чьи пикеты и демонстрации около штаб-квартир корпораций и мест проведения совещаний глобальных и региональных центров принятия решений стали традиционными (Дубовский 2002а: 173–182; Геловани и др. 2005: 121–127).

Возникновение глобальных моделей

Глобальное моделирование в его современном виде родилось в период с 1968 г. по 1974 г., когда развитые страны с рыночными экономиками были потрясены двумя кризисами. В 1968 г. вдруг совершенно неожиданно от западноевропейских

до североамериканских университетов началось молодежное протестное движение с бунтами и баррикадами. В 1973–1974 гг. страны ОПЕК подняли цены на нефть в 5 раз. Оба потрясения – молодежные бунты и энергетический кризис – прошли на фоне холодной войны и противостояния двух систем. Казалось бы, вполне благополучное западное общество начало задаваться вопросами. Как сохранить социальную интегрированность и социальное партнерство в условиях противостояния социалистическому лагерю? Как долго может продолжаться инерционное развитие с нарастающим вовлечением ограниченных природных ресурсов и деградацией среды обитания? Что будет с мировой системой, если разрыв в потреблении природных ресурсов и уровне жизни между богатыми и бедными странами сократится? Как решать проблемы демографического роста и урбанизации? Как решать проблемы обеспечения продовольствием населения развивающихся стран? Можно ли избежать ядерной зимы, которая наступит в результате обмена ядерными ударами? В ответ на эти и другие вопросы и начались работы по глобальному моделированию и прогнозированию.

В 1968 г. был создан Римский клуб – неправительственная общественная организация, которая начала заказывать исследования долгосрочных последствий глобальных проблем для всей мировой системы, что не могли сделать правительства, сосредоточенные на текущих нуждах своих локальных территорий. Глобальное моделирование возникло с появлением первой глобальной модели «Мировая динамика» Дж. Форрестера (WORLD-2) в 1971 г. (Forrester 1978). Но по-настоящему этот подход стал широко известным после появления получившей широкий резонанс глобальной модели Д. Медоуза и его группы (см. WORLD-3) (Meadows *et al.* 1974). Эта модель, расчеты по ней и выпущенная книга «Пределы роста» (Meadows *et al.* 1972) заметно повлияли на общечеловеческое представление о мире и дальнейшее глобальное развитие. Доклад был издан тиражом 10 млн экземпляров, вышел более чем на 30 языках.

Хотя книга имела громадный успех, она в то же время была подвергнута критике математиками, футурологами, экономистами и социологами. По мнению экспертов, макромодель мировой динамики, созданная авторами, была слишком механистична, в ней не описывалась региональная структура объекта, игнорировались политические и социальные факторы, имели место расхождения с теориями экономического роста, не учитывались адаптационные возможности мировой системы с помощью социального и научно-технического прогресса. Вслед за публикациями Форрестера и группы Медоузов последовали работы американских, немецких, британских, японских, польских, болгарских и других исследователей, которые старались учесть имевшуюся критику. Следующие поколения моделей обязательно включали многорегиональное описание глобального развития и описание мирового рынка.

Модель W-3 представляет собой систему нелинейных дифференциальных уравнений и описывает пять взаимосвязанных секторов: народонаселение, промышленность, сельское хозяйство, невозобновляемые природные ресурсы, загрязнение окружающей среды.

Исследования авторов книги «Пределы роста» направлены на поиски путей, предотвращающих кризисную ситуацию. Здесь они не решают математической задачи синтеза необходимого управления (предварительно сформулировав желательные условия динамики процесса развития), а ищут удовлетворительный результат, последовательно вводя в модель новые предположения.

По их мнению, мир сможет избежать катастрофы только при комплексном введении в ближайшее время следующих мер:

– численность населения искусственно стабилизируется;

– индустриальный капитал растет до 1990 г. и далее также стабилизируется;

– потребление ресурсов на душу населения снижается до 1/8 уровня 1970 г.;

– интенсивность загрязнения среды отходами промышленности и сельского хозяйства уменьшается в 4 раза по сравнению с этими же показателями до 1970 г.;

– время жизни капитала увеличивается в 1,5 раза.

Развитие глобального моделирования в России

Советские ученые практически сразу подключились к исследованиям по глобальному моделированию. Эти исследования велись в Институте системного анализа (в то время ВНИИСИ – ВНИИ системных исследований) под руководством академика Д. М. Гвишиани и в Вычислительном центре Российской академии наук под руководством академика Н. Н. Моисеева. Прежде всего были исследованы возможности управления глобальными социально-экономическими процессами (в рамках предложенных моделей) (Геловани и др. 1975). Было доказано существование управлений, позволяющих (при разных предположениях) отодвинуть, смягчить или избежать негативных последствий глобального развития. Вместе с тем была показана (Геловани, Бритков 1979) высокая чувствительность глобальных моделей к исходным гипотезам, базовой статистической информации. Отсюда следовал вывод, что возможности применения математических методов управления и оптимизации имеют ограниченное практическое применение для такого рода макромоделей.

Поэтому дальнейшее развитие глобального моделирования в нашей стране пошло по пути совершенствования инструментария (Gelovani *et al.* 1980: 149–151) компьютерной поддержки принятия решений для подобного рода плохо формализуемых социально-экономических процессов. Было уделено особое внимание процессам информационного обеспечения (Геловани и др. 1991), поскольку результаты моделирования во многом определяются информационной базой, на которой основываются математические расчеты.

Опираясь на разработанный аппарат, можно было решать конкретные задачи, которые были необходимы для принятия решений. Так, под руководством академика Н. Н. Моисеева была создана модель «Ядерная зима».

В Институте системного анализа в 1984 г. большим коллективом (Д. М. Гвишиани – руководитель, В. А. Геловани, Н. И. Лапин, А. А. Арбатов, В. Б. Бритков, С. В. Дубовский, С. А. Пегов, Л. В. Третьяков, В. В. Юрченко и др.) был подготовлен исследовательский доклад «На пороге третьего тысячелетия (глобальные проблемы и процессы развития СССР)».

В докладе объемом в 300 страниц были представлены результаты компьютерного моделирования мирового развития на период 1980–2000 гг. Моделирование производилось для мира, разбитого на 9 регионов: СССР, Китай, остальные соцстраны, США, Европейское сообщество, Япония, прочие капиталистические страны, страны ОПЕК, остальные развивающиеся страны. Рассматривались следующие сектора экономики: демография, продовольствие, энергоресурсы, природная среда и климат (были предсказаны всемирное потепление, мировая торговля, магистральные направления научно-технического прогресса, прежде всего информационные технологии), социальные процессы. Наряду с компьютерным математи-

ческим моделированием использовался аппарат экспертных оценок. Моделирование проводилось на базе огромного объема актуализированной информации, полученной из ООН, Госкомстата, международных исследовательских организаций.

В СССР значение и необходимость исследований по глобальному моделированию в то время хорошо понимали два человека: Джермен Михайлович Гвишиани (заместитель председателя ГКНТ) и Никита Николаевич Моисеев (заместитель директора ВЦ АН СССР). Оба были не только блестящими учеными в своих областях знаний, но и замечательными организаторами науки. Первый, несмотря на свою занятость в ГКНТ, не только возглавил созданный осенью 1976 г. ВНИИСИ ГКНТ и АН СССР, но и впоследствии стал руководителем проекта «Моделирование глобального развития». Второй организовал исследования ядерной зимы, биосферных процессов и экономического моделирования в ВЦ АН СССР.

Заместителем Д. М. Гвишиани по проекту был В. А. Геловани, который вместе со своими коллегами еще в период работы в Институте прикладной математики АН СССР модифицировал макромодель системной динамики Форрестера и Медоузов. В эту макромодель были введены управляющие воздействия, что позволило существенно расширить и изучить спектр возможных сценариев мирового развития. В проекте ВНИИСИ В. А. Геловани отвечал за всю идеологию и технологию реализации человеко-машинной системы моделирования, в которой объединялись база данных, математическое обеспечение, система моделей, сценарии управления и лицо, принимающее решение, – ЛПР. За объединение моделей, описывающих глобальное развитие, экономический блок и научно-технический прогресс, отвечал С. В. Дубовский, так как к моменту перехода во ВНИИСИ уже имел 8 лет опыта математического моделирования экономических объектов в Институте проблем управления АН СССР (Дубовский и др. 1977), а перед этим – 10 лет математического моделирования космических объектов в ЦАГИ (Дубовский 1975). Во главе групп, отвечающих за другие блоки системы моделей и проблем, стояли: В. В. Юрченко и С. Я. Щербов – демографический рост; Л. В. Третьяков – производство продовольствия; Г. Г. Пирогов – мировая торговля; О. А. Эйсмонт – энергетика; А. А. Арбатов – минеральные ресурсы; С. А. Пегов – окружающая среда; Н. И. Лапин – социальные проблемы; В. Б. Бритков – информационная система. Машинную реализацию на ЭВМ PDP-11/70 единого вычислительного такта всей системы моделей и общие расчеты готовили и проводили С. И. Болоткин, В. М. Васильев и А. Ф. Миронычев.

Создание человеко-машинной системы моделирования под систему моделей глобального развития с помощью междисциплинарного коллектива исследователей, сбор больших объемов информации, создание моделей и математического обеспечения, проведение расчетов, содержательная интерпретация результатов были тогда не только новой и амбициозной, но и чрезвычайно сложной задачей. Во-первых, опыта такой работы в СССР еще не было. Во-вторых, междисциплинарный коллектив говорил на разных языках, предстояло научиться объединять языки концепций и формальных методов. В-третьих, многих необходимых элементов системы моделирования и моделей просто не было, их предстояло разработать. Перечислять все сложности, которые были преодолены, нет смысла, но на одной особенности стоит остановиться.

Дело в том, что участники проекта – гуманитарии (философы, экономисты, демографы и социологи) работали в условиях жестких идеологических ограниче-

ний. Эта несвобода не позволяла гуманитариям рассматривать все возможные сценарии глобального развития, в том числе сценарий, реализованный в СССР в 1991–1993 гг. Большинство контактов с экономистами начинались с их основного вопроса: «Под какую установку разрабатывается проект»? Они не хотели верить, что результаты проекта не сформулированы заранее в соответствии с идеологическими установками, а должны появиться в результате свободных исследований. Демографы категорически отказывались учитывать влияние на рождаемость уровня жизни, они полностью игнорировали бэби-бум в советских городских новостройках, где резко увеличивалась обеспеченность жильем и росла рождаемость. Были также коллеги, считавшие проект опасным для самого существования ВНИИСИ, который мог быть разогнан по идеологическим мотивам. Все это вносило свои сложности в научную и организационную работу.

Что касается специалистов по формальным методам, то они также чувствовали идеологические ограничения, но в меньшей степени. Можно вспомнить случай, когда председатель заседания экономической конференции в МЭСИ с неодобрением отозвался об использованном в работе аппарате «буржуазной эконометрики». После международных конференций авторов иногда вызывали в ГКНТ, где приходилось выслушивать идеологические доносы коллег без раскрытия имен авторов. В закрытых рецензиях на наши сборники трудов иногда звучали обвинения в использовании «буржуазных теорий», в частности кейнсианских. Надо четко сказать, что все эти идеологические нападки исходили только от коллег-экономистов по научному цеху и не имели административных последствий.

Д. М. Гвишиани широко пропагандировал глобальную проблематику. С его подачи переводились и издавались книги Дж. Форрестера и Медоузов. Зарубежные ученые приглашались в СССР, выступали на семинарах и конференциях. М. Месарович представил советской научной общественности результаты американо-германского глобального проекта в Доме дружбы на Новом Арбате. Прошла встреча участников глобального проекта ВНИИСИ с научной общественностью в Политехническом музее. Аналогичную работу проводил Н. Н. Моисеев, дав зеленый свет глобальной проблематике в ВЦ АН СССР. Здесь сформировались такие известные исследователи, как Ю. П. Иванилов, А. А. Петров и И. Г. Поспелов (экономическое моделирование плановых и рыночных систем), А. М. Свирежев и А. М. Тарко (глобальные биосферные процессы), В. А. Александров (ядерная зима). Особенно хочется отметить заинтересованное и благожелательное отношение к проекту ВНИИСИ нашего нобелевского лауреата Л. В. Канторовича, который однажды после сеанса работы человеко-машинной системы ВНИИСИ даже подарил участникам проекта свой портрет с лестной надписью.

Работа по проекту ВНИИСИ сопровождалась активным международным сотрудничеством. Результаты регулярно докладывались на конференциях Международного института прикладного системного анализа в Австрии. Профессор В. Крелле (Боннский университет, Германия) заключил соглашение о сотрудничестве, поддержанное фондом Круппа, и пригласил для работы в международном проекте «Будущее мировой экономики» (Krelle 1989). Был реализован американо-советско-японский глобальный проект по исследованию одних и тех же сценариев глобального развития (Брекке – Геловани – Кайя). Мы также участвовали в международном проекте «Новая московская модель биосферы». По приглашению ЮНЕСКО были написаны и опубликованы статьи по глобальной проблематике для Encyclopedia of Life Support Systems (EOLSS) (Dubovsky 2003a; 2003b).

Проект ВНИИСИ был выполнен в 3 этапа. На первом этапе моделировалось развитие КНР, Японии и США, надо было прогнозировать их экономические и демографические потенциалы. Уже в 1981 г. человеко-машинная система работала и была передана заинтересованным организациям вместе с моделями отдельных стран. В регистрационном журнале посещений системы за 1981 г. зафиксировано 26 сеансов работы с участием представителей высших партийных, советских и плановых органов. Система также была включена в учебный план Академии народного хозяйства. На втором этапе была реализована система моделей мира, описывающая совместное развитие 9 регионов: СССР, КНР, прочих стран социалистического содружества, США, Японии, Европейского экономического сообщества, прочих капиталистических стран, ОПЕК, прочих развивающихся стран. Основные результаты этого этапа изложены в Сборнике трудов ВНИИСИ за 1985 г. и специально подготовленном докладе для высшего руководства страны «На пороге третьего тысячелетия». Со сборником 1985 г. вышла неприятная история. Редактора сборника (С. В. Дубовского) вызвали в Главлит и предложили: или поставить на сборник гриф секретности, или выбросить всю информацию об СССР. Пришлось идти на компромисс – часть информации была снята (демографическая и экономическая), но сборник вышел без грифа.

На третьем этапе мы сосредоточились на уточнении моделей и расчетов, а также на проблемах СССР. Уже было ясно, что страна находится в точке бифуркации.

Теоретические разработки, вычислительные результаты, содержательная интерпретация результатов проекта отражены в 11 выпусках трудов ВНИИСИ за 1978–1991 гг. (Методология… 1978; Моделирование… 1979; Системное… 1980; Человеко-машинная… 1982; Элементы… 1983; Процессы… 1984; Системный… 1985; Глобальное… 1986; Системное… 1988; Глобальное… 1989; Экономический… 1991). Редакторами этих выпусков были Д. М. Гвишиани, В. А. Геловани и С. В. Дубовский. Следует упомянуть содержательный результат, один из самых важных. В отличие от зарубежных проектов, в которых СССР благополучно существовал за пределами 2000 г., в нашем проекте на траектории инерционного развития советские темпы экономического роста к 2000 г. находились в окрестности 2 %. Следовательно, неоткуда было брать те 50 млрд долларов, которые ежегодно переходили из РСФСР в другие советские республики, неоткуда было взять средства на поддержание социалистического лагеря и расширение военно-промышленного комплекса. В такой ситуации неизбежно усиливались центробежные тенденции среди регионально-этнической номенклатуры в областях и республиках и общее стремление советской номенклатуры сменить партийно-карьерный способ существования на имущественно-наследственный. СССР заведомо находился в окрестности точки бифуркации.

Результаты исследований показывали большие проблемы для развития СССР даже при подборе наиболее благоприятных предположений и сценариев. Этот доклад не был опубликован. Руководство страны не решилось опубликовать доклад, который не отвечал прогнозу на светлое коммунистическое будущее.

Сравнение мировой ситуации в начале XXI в. с прогнозами 1970-х гг. прошлого века содержится в книге Д. Медоуза «Пределы роста. 30 лет спустя» (Медоуз 2007).

Возможные сценарии российского экономического роста

Настоящий и будущий российский экономический рост зависит от внутренней экономической политики, то есть от выбора основных внутренних управляющих

воздействий, и от мирового развития как внешнего фактора. Внутреннюю экономическую политику Россия выбирает сама. Мировое развитие является экзогенным фактором, на который Россия существенно повлиять не может за исключением мирового рынка энергоносителей, где возможно управление через картели экспортеров нефти и газа.

К основным внутренним управляющим воздействиям относятся следующие:

1) распределение ВВП на оплату труда, прибыль и налоги;

2) распределение полученной прибыли на инвестиции во внутреннее развитие, личное потребление получателей прибыли и вывоз части прибыли за границу;

3) распределение государственных доходов от экспорта энергоносителей на инвестиции в развитие, текущее потребление и сбережения в иностранных валютах и ценных бумагах (фонды, создаваемые за рубежом, и золотовалютные резервы);

4) инновационные преобразования и рост технологического уровня экономики, ведущие к росту производительности труда.

Эти показатели в рыночной экономике складываются в результате взаимодействий между бизнесом, включая государственные и транснациональные корпорации, профсоюзами и государством, которое проводит налоговую, бюджетную и финансовую политику, устанавливает внешнеторговые пошлины и квоты, реализует национальные программы, регулирует отношения между трудом и капиталом, создает условия для функционирования инновационного комплекса и его взаимодействий с экономикой, организует достижение целей социального государства – доступность для всех граждан продовольствия, жилья, образования и здравоохранения.

Дать прогноз мирового развития даже только на первую треть XXI в. достаточно сложно. Рассмотрим наиболее вероятные сценарии, которые важны для России с точки зрения состояния мирового рынка энергоносителей:

1. Продолжение мирового циклического развития по Кондратьеву. В этом сценарии мировая система проходит через фазы ускорения и замедления темпов экономического роста, во время первой фазы мировые цены на природные ресурсы обычно растут, во время второй фазы – снижаются.

2. Мировой кризис в первой трети века по Форрестеру – Медоузу. В этом сценарии не удается с помощью новых технологий преодолеть истощение и удорожание добычи природных ресурсов. Поэтому мировые цены на природные ресурсы хотя и с колебаниями, но растут.

3. Развитие в условиях взаимодействий цикла Кондратьева и кризиса Форрестера – Медоуза. В этом сценарии цикличность развития не проявляется в полной мере, но и кризис выглядит ослабленным. Здесь под воздействием роста цен на природные ресурсы мировая система снижает темпы экономического роста, что ведет к снижению спроса на природные ресурсы, а это в свою очередь ведет к снижению цен или их стабилизации, когда временно устанавливается новый уровень равновесия.

Мировое развитие

Под феноменом цикла Кондратьева сегодня понимаются периодические повторения характерных экономических, технологических, социальных и ресурсных процессов. Развитие идет волнообразно относительно тренда, причем волны для ВВП, прибыли, фондоотдачи, эффективности новых технологий сдвинуты относительно друг друга. Цикл для волны темпов роста ВВП включает четыре основные

повторяющиеся экономические фазы по отношению к тренду – подъем, процветание, спад, застой – и четыре характерные пограничные ситуации между этими фазами. Эффективность технологических новшеств максимальна в начале фазы подъема и минимальна в окрестности перехода от процветания к спаду. Социальная напряженность достигает максимума дважды за цикл – в окрестности перехода от процветания к спаду и в окрестности перехода от застоя к подъему. Цены на природные ресурсы поднимаются в фазах подъема и процветания и опускаются в фазах спада и застоя, но необязательно. Например, во время энергетического кризиса начала 1970-х гг. мировая экономическая система находилась в фазе спада, но ОПЕК сумел с помощью квотирования добычи нефти поднять цены. Однако в последовавшей затем фазе застоя удержать цены высокими не удалось. В фазах спада и застоя также обостряются тлеющие конфликты, например межэтнические. Средняя длительность периода цикла близка к 53 годам. «Кондратьевский календарь» с историческими наблюдениями и прогнозом на будущее был опубликован в 1993 г.

Дж. Сорос (1996: 393) выделил следующие биржевые крахи фондовых бирж: 1893 г., 1907 г., 1929 г., 1987 г. К этой серии добавляется крах 2008 г. Оказалось, что в соответствии с календарем Кондратьева крахи 1907 г. и 2008 г. приходятся на максимум волны нормы прибыли, а крахи 1929 г. и 1987 г. приходятся на минимум волны нормы прибыли. Крах 1893 г. приходится на окрестность минимума волны ВВП. Эти факты и удачное прогнозирование краха 2008 г. подтверждают правомерность использования цикла Кондратьева в качестве инструмента прогнозирования.

Фаза мирового экономического застоя 1985–1999 гг. сопровождалась относительно низкими ценами на энергоносители, чередой финансовых катастроф в развивающихся странах от Индонезии до Аргентины, обострением межэтнических проблем, распадом СССР в 1991 г. и первым периодом социально-экономической трансформации России. Первый период этой трансформации закончился крахом финансовой пирамиды ГКО-ОФЗ и идеально накладывается на фазу мирового застоя. Конечно, этот факт не означает, что именно мировой застой является основной причиной трансформации. Просто ко многим внутренним и внешним проблемам СССР добавилась еще одна. Советский режим, как в свое время и царский, не сумел адаптироваться к текущим изменениям и оказался нежизнеспособным перед лицом многих проблем.

Фаза мирового подъема 1999–2009 гг. отмечена своими особенностями. Выросли темпы экономического роста во многих развитых и развивающихся странах, особенно у поставщиков природных ресурсов. Мировые цены на нефть к 2008 г. выросли почти в 7 раз. Второй период трансформации России начался с прихода больших денег за экспорт энергоносителей и борьбы за передел этих денег. Российский экономический спад сменился подъемом. Такое точное совпадение прогноза и реального развития позволяет признать использованную методику прогнозирования с помощью календаря Кондратьева вполне успешной. Хотя процессы глобализации в однополюсном мире часто направлены на изменение тенденций цикла Кондратьева или даже на их слом. Попытка коалиции государств во главе с США и Британией поставить иракскую нефть под военный контроль и переломить тенденции мирового нефтяного рынка не удалась, однако такие попытки, без сомнения, будут продолжаться в самых разнообразных формах. Например, может

быть предпринята новая попытка решения той же задачи с помощью снижения потребления нефти странами, подписавшими Киотский протокол.

Следующая фаза процветания по Кондратьеву должна будет длиться от окрестности 2009 г. до окрестности 2022 г., за ней должны последовать фаза спада 2022–2038 гг. и фаза застоя 2038–2052 гг. Следовательно, если циклическое развитие по Кондратьеву продолжится, то снижение цен на природные ресурсы может начаться только в окрестности 2022 г., если экспортеры природных ресурсов не сумеют понизить квоты производства, чтобы не позволить ценам опускаться.

Однако заметим, что против тенденций циклического развития по Кондратьеву работают не только картели, добывающие природные ресурсы, но и процессы глобализации. Начиная с 60-х гг. прошлого века транснациональные корпорации организовали сначала ввоз дешевого труда из развивающихся стран в развитые страны, а затем вывоз рабочих мест из развитых стран с дорогим трудом в развивающиеся страны с дешевым трудом. Естественно, что использование дешевого труда отодвигало разработку новых технологий на задний план. В какой мере это повлияло на цикл Кондратьева, нам только предстоит узнать.

Если следовать прогнозам Форрестера и Медоуза, то в первой трети XXI в. мировая система из-за истощения природных ресурсов и экологической деградации выходит на максимально возможные значения показателей экономического развития, а затем начинает деградировать. В таком сценарии мировые цены на природные ресурсы не должны падать, хотя их кратковременные небольшие колебания относительно тренда всегда должны иметь место. Однако кризисное развитие переводит проблему снабжения природными ресурсами из экономической плоскости в военно-политическую. Обладателям природных ресурсов придется думать об обороне и сохранении суверенитета. Сигналами о возможном начале кризиса мировой системы являются такие явления 2008 г., как регулярные обвалы на фондовых биржах, продолжающийся рост мировых цен на энергоносители, начавшийся рост мировых цен на продовольствие. Однако делать окончательные выводы еще рано, так как у всех этих явлений кроме истощения природных ресурсов могут быть и другие дополнительные причины, например чрезмерная эмиссия долларов США, которая ведет к созданию так называемых «финансовых пузырей».

Внутренняя экономическая политика

Динамика российского ВВП представлена на рис. 1. Здесь построен график ВВП по официальным данным Госкомстата России на отрезке 1990–2007 гг. и график ВВП как регрессии от выработки электроэнергии, добычи нефти и цены на экспортируемую нефть на отрезке 1992–2007 гг.

Российский экономический спад на интервале 1992–1998 гг. последовал за перераспределением доходов от массового потребителя и государства к экономической элите. Тотальное перераспределение собственности начиная с 1992 г. является центральным процессом в российской экономике. Вслед за перераспределением собственности перераспределялись доходы. Суммарные доходы массового потребителя и государства уменьшились к 1998 г. почти втрое, зато экономическая элита стала забирать почти половину валового внутреннего продукта. Это перераспределение доходов привело к резкому изменению объема и структуры платеже-

способного спроса на внутреннем российском рынке. Одновременно, как только российская экономика стала открытой, неконкурентоспособные при сложившемся обменном курсе товары российского производства стали вытесняться импортными товарами. К тому же была потеряна часть рынка сбыта в странах – бывших членах СЭВ и бывших республиках СССР. Доля оплаты труда в ВВП упала с 0,49 в 1990 г. до 0,3 в 1998 г., соответственно коэффициент Джини увеличился с 0,23 до 0,39.

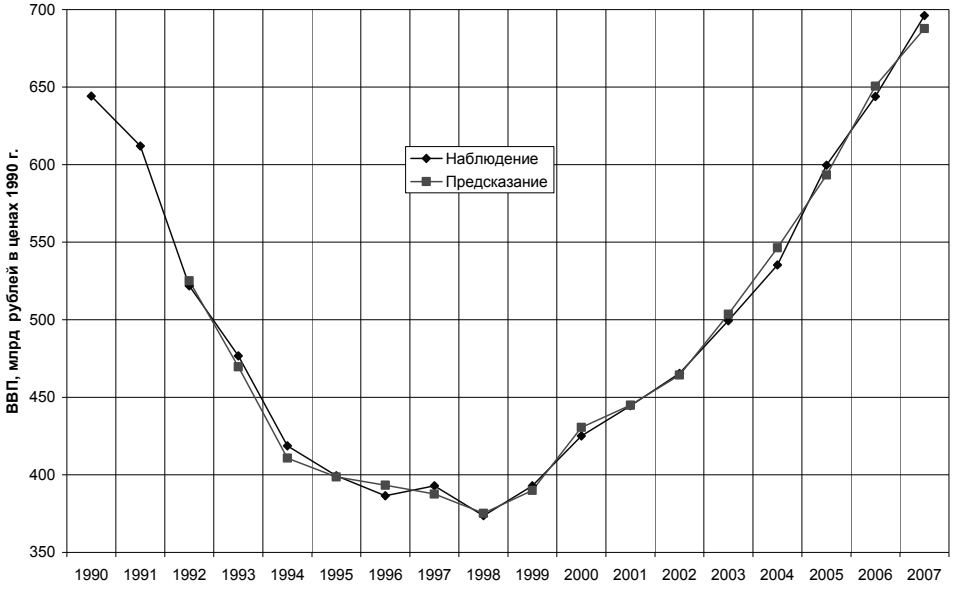

Рис. 1. ВВП – статистика и регрессия от выработки электроэнергии и добычи нефти с заданными коэффициентами эластичности как КПД электродвигателей – 0,95 и двигателей внутреннего сгорания – 0,45, а также от цены на экспортируемую нефть. R = 0,9817; R^2=0,9636; R^2norm. = 0,9610

Когда все трое (массовый потребитель, государство, экономическая элита) вышли на рынок со своими новыми доходами, они предъявили экономике совершенно новый платежеспособный спрос. Производства, ориентированные на спрос массового потребителя и госзаказ, потеряли две трети рынка сбыта и соответственно остановили свои мощности. Зато отрасли, ориентированные на потребности элиты (элитное жилищное и офисное строительство, средства связи, частная охрана, импорт эксклюзивных товаров, сервис для элиты и т. д.), получили многократно расширенный рынок сбыта и начали успешно развиваться. Кроме отраслей, ориентированных на элиту, начали также развиваться отрасли по добыче и переработке природных ресурсов, ориентированные на внешний рынок. Однако суммарное сжатие внутреннего рынка, вызванное перераспределением доходов и экспансией импорта, а также потеря части зарубежных рынков сбыта привели к общему почти двукратному экономическому спаду.

В экономике, где половина мощностей простаивает, новые инвестиции не нужны, поэтому они уменьшились в пять раз. Пятикратное уменьшение инвестиционного спроса привело к пятикратному сокращению скорости обновления рабо-

чих мест и технологий, что в свою очередь повлекло пятикратное уменьшение спроса на продукцию инновационного сектора – отраслевых НИИ и КБ.

Этот режим экономического спада и стагнации был прерван четырехкратной девальвацией рубля в 1998 г. и последующим ростом мировых цен на нефть. Оба события дали импульс к экономическому росту, который начался в 1999 г., достиг максимума в 2000 г. и продолжался в 2001–2008 гг. Девальвация рубля резко увеличила конкурентоспособность российских товаров, так как в результате двукратного сокращения подорожавшего импорта расширился внутренний потребительский рынок для товаров отечественного производства. Повышение цен на нефть принесло в страну дополнительные доходы, частично поступившие на внутренний потребительский рынок и облегчившие обслуживание внешнего долга. Возникла тенденция укрепления обменного курса рубля. Оживление экономики привело к росту инвестиционного спроса. Однако распределение ВВП оставалось неудовлетворительным. К 2007 г. коэффициент Джини вырос до значения 0,42 (продолжало расти расслоение общества на бедных и богатых), доля оплаты труда в ВВП осталась на уровне 0,3 (оценка автора), доля внешнеторгового сальдо (оценка вывоза капитала) оставалась на уровне 0,1–0,12. Если бы не этот вывоз капитала, темпы экономического роста могли быть выше примерно на 50 %.

Для выяснения роли мировых цен на нефть и оценки темпов НТП на отрезке 1992–2007 гг. была использована регрессия:

$$Y = CE^{\alpha} N^{\beta} e^{\gamma p + \delta t}, \qquad (2)$$

где Y – ВВП; E – произведенная электроэнергия; N – нефтедобыча; p – цена экспортируемой нефти; $\alpha = 0{,}95$ (средний КПД электродвигателей), $\beta = 0{,}45$ (средний КПД двигателей внутреннего сгорания); C, γ, δ – оцениваемые параметры. Оказалось, что параметр δ статистически незначим, то есть статистически значимого научно-технического прогресса на рассматриваемом отрезке развития не было. Тот же вывод был получен и для других вариантов регрессии, когда оценивались все параметры, включая α и β. Из формулы (2) следует выражение для темпа роста российского ВВП на отрезке 1992–2007 гг.:

$$\frac{\dot{Y}}{Y} = \alpha \frac{\dot{E}}{E} + \beta \frac{\dot{N}}{N} + \gamma \dot{p} + \delta . \qquad (3)$$

Таким образом, подтверждается утверждение, что своим ростом после 1999 г. российская экономика, в частности, обязана росту мировых цен на нефть и увеличению добычи нефти, также связанному с ростом цен на нефть. Статистически значимый параметр $\gamma = 0{,}0005212$ т/дол. США.

Выводы

1. Если определить магистральный режим развития как такое состояние экономики, в котором установилось рациональное распределение доходов, сбалансированы выпуски и мощности, сбережения и инвестиционный спрос, экспорт и импорт, занятые и трудоспособные, то период начиная с 1992 г. является отходом российской экономики от магистрали, периодом, где ВВП распределялся нерационально, а все четыре основных баланса существенно нарушены. Между тем мировой опыт показывает, что практически все успешные рыночные экономики устойчиво развиваются в окрестности магистрали. Поэтому основная задача управления российской экономикой должна ставиться как задача вывода экономи-

ки на траекторию магистрального устойчивого развития (Дубовский 2004а; 1995а: 3–13; 1999а; 1999б; 2004б; 2004в; Сборник… 1998: 385–392).

2. Решающую роль в этом выходе на магистраль играют инварианты распределения ВВП, которые в успешных рыночных системах обычно находятся в окрестности следующих значений: две трети ВВП – доля оплаты труда, остальное – прибыль предпринимателей. С обеих частей государство берет налоги. Норма накопления, которая сейчас составляет примерно 20 % ВВП, может быть увеличена за счет ограничения вывоза капитала, который составляет примерно 12 % ВВП. Такое перераспределение ВВП увеличит темпы экономического роста и внутренний рынок, что сделает развитие более стабильным, ускорит обновление рабочих мест и технологий, позволит перейти к реальному построению социального государства, где коэффициент Джини должен находиться между значениями 0,25 и 0,35.

3. Темп экономического роста в окрестности магистрали складывается из суммы темпа роста занятости и темпа роста производительности труда. Выше было показано, что производительность труда в России в течение 16 лет не растет, это было связано с незаинтересованностью российской рыночной системы в обновлении технологий. Сохранение такого состояния при серьезном уменьшении доходов страны от экспорта энергоносителей чревато кризисом или даже катастрофой. Поэтому механизм государственного регулирования рынка должен включать в себя формирование у предпринимателей заинтересованности в обновлении технологий. Такая заинтересованность возникнет, если увеличение прибыли, связанное с обновлением технологий и ростом производительности труда, не будет изыматься с помощью налогов, если альтернативные пути увеличения прибыли, например за счет ввоза дешевой рабочей силы, ухода от налогов или использования монопольных эффектов, будут минимизированы. Прямые инвестиции транснациональных корпораций, ведущие к освоению и использованию в России новых технологий, должны приветствоваться и поощряться. Кроме того, российское государство должно взять на себя расходы не только на фундаментальные исследования, но и на часть прикладных исследований. Инновационный комплекс должен поддерживаться государством.

4. Как крупнейший в мире экспортер энергоносителей, Россия имеет нерешенные финансовые проблемы с использованием газо- и нефтедолларов, что выражается в нестабильности обменного курса рубля и непрекращающейся инфляции (Дубовский 2001; 2002в: 202–212; 2002б: 84–96). Оказалось, что стерилизация избыточной денежной массы с помощью ее вывоза в экономики США и Евросоюза не дает желанных результатов. Монополисты, несбалансированная структура экономики, избыточная денежная масса, импорт внешней инфляции, мультивалютная денежная система генерируют двузначную рублевую инфляцию, которая постоянно дестабилизирует экономическую ситуацию. Эта проблема скорее вызвана недостатком отечественного опыта управления финансами в рыночной системе, чем какими-то объективными причинами. Поэтому здесь могут помочь прозрачность финансовой политики, выдвижение квалифицированных кадров и конкуренция идей по финансовому управлению.

5. Мировая система вошла в период подхода к своим физическим границам роста (Он же 2005а; 2005б). Для этого периода характерно ускорение процессов глобализации, нестационарное развитие и обострение конкуренции между участниками процесса за природные ресурсы. В такой ситуации у некоторых участни-

ков процесса возникает желание получить экономические преимущества с помощью политического и даже военного давления на экспортеров природных ресурсов. Поэтому возникает задача противостояния такому политическому и военному давлению. Успешное решение этой задачи возможно, если есть лояльные импортеры природных ресурсов, политическая воля и военная сила.

Литература

Геловани, В. А., Алеев, В. Р., Безруков, Д. И., Бритков, В. Б., Голосов, А. О., Яковец, Т. Ю. 1991. *Система информации для глобального моделирования (СИГМ).* Препринт. М.: ВНИИСИ.

Геловани, В. А., Бритков, В. Б. 1979. Исследование моделей глобального развития методом статистических испытаний. *Сб. трудов ВНИИСИ*. Вып. 8. М.

Геловани, В. А., Бритков, В. Б., Дубовский, С. В. 2005. Информационное клонирование в процессах глобализации. *Общественные науки и современность* 6: 121–127.

Геловани, В. А., Егоров В. А., Митрофанов, В. Б., Пионтковский, А. А. 1975. Об одной задаче управления в глобальной динамической модели Форрестера. *Доклады АН СССР*. Т. 220 (3).

Геловани, В. А., Пионтковский, А. А. 1997. *Эволюция концепций стратегической стабильности.* М.: ИСА РАН.

Глобальное моделирование и информационные системы. *Сб. трудов ВНИИСИ.* Вып. 13. М., 1989.

Глобальное развитие: модели и вычислительные эксперименты. *Сб. трудов ВНИИСИ.* Вып. 16. М., 1986.

Дубовский, С. В.

1975. Гл. 5. Идеальный двигатель ограниченной скорости истечения. *Механика космического полета.* М.: Наука.

1993. Прогнозирование катастроф (на примере циклов Кондратьева). *Общественные науки и современность* 5: 82–91.

1994. Кондратьевский цикл как экономико-технологический маятник с социальными последствиями. *Экономика и математические методы.* Т. 30(1). М.

1995а. Как перевести российскую экономику в окрестность равновесия. *Общество и экономика* 6: 3–13.

1995б. Объект моделирования – цикл Кондратьева. *Математическое моделирование.* Т. 7(6).

1999а. Как перевести российскую экономику в режим устойчивого развития. В: Коптюг, В. А., Матросов, В. М., Левашов, В. К. (ред.), *Новая парадигма развития России*. М.: Academia, с. 235–243 – 1-е изд.; с. 199–208 – 2-е изд.

1999б. Россия на переломе: 1990–2010. В: Скулачёв, В. П. (ред.), *Российская наука: день нынешний и день грядущий.* М.: Academia.

2001. *Прогнозирование инфляции и обменного курса рубля в российской нестационарной экономике.* Препринт. М.: УРСС.

2002а. Глобальная пирамида как результат исторического развития, характеристик социума и состояния среды. *Общественные науки и современность* 4: 173–182.

2002б. Обменный курс рубля как результат денежной эмиссии, внешней торговли и блуждающих финансовых потоков. *Экономика и математические методы*. Т. 38(2), с. 84–96.

2002в. Прогнозирование российской инфляции с учетом ее системной нестационарности. *Системные исследования.* Ежегодник 2000. М.: Эдиториал УРСС.

2004а. Вычислительные эксперименты с макромоделью нестационарной российской экономики. В: Дмитриев, М. Г. (ред.), *Моделирование социально-политической и экономической динамики.* М.: РГСУ.

2004б. От нестабильности к устойчивому развитию. *Системные исследования.* Ежегодник 2002. М.: Эдиториал УРСС, с. 149–161.

2004в. *Энергетика и распределение доходов в экономическом развитии. Математические модели.* Препринт. М.: Эдиториал УРСС.

2005а. Российский экономический рост на интервале 1990–2022. *Материалы САИТ-2005. Труды международной конференции.* Т. 2, с. 97–101.

2005б. Прогнозирование российского экономического роста и финансовой динамики в условиях глобализации и нестабильности. *Общественные науки и современность* 3: 129–136.

Дубовский, С. В., Уздемир, А. П., Шалаев, Ю. В. 1977. *Математические модели экономических процессов.* М.: МЦНТИ.

Капица, С. П. 1996. Феноменологическая теория роста населения Земли. *Успехи физических наук* 166(1): 63–80.

Медоуз, Д. 2007. *Пределы роста. 30 лет спустя.* М.: ИКЦ «Академкнига».

Методология системного анализа. *Сб. трудов ВНИИСИ.* Вып. 6. М., 1978.

Моделирование процессов глобального развития. *Сб. трудов ВНИИСИ.* Вып. 8. М., 1979.

Моисеев, Н. Н., Александров, В. В., Тарко, А. М. 1985. *Человек и биосфера.* М.: Наука.

Процессы глобального развития: моделирование и анализ. *Сб. трудов ВНИИСИ.* Вып. 3. М., 1984.

Сборник научно-популярных статей – победителей конкурса Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) за 1998 г. Б. м., 1998, с. 385–392.

Системное моделирование: модели и методы. *Сб. трудов ВНИИСИ.* Вып. 20. М., 1988.

Системное моделирование процессов глобального развития. *Сб. трудов ВНИИСИ.* Вып. 14. М., 1980.

Системный анализ процессов глобального развития. *Сб. трудов ВНИИСИ.* Вып. 3. М., 1985.

Сорос, Дж. 1996. *Алхимия финансов.* М.: ИНФРА-М.

Тарко, А. М. 2005. *Антропогенные изменения глобальных биосферных процессов.* М.: Физматлит.

Хомяков, П. М., Кузнецов, В. И., Алферов, А. М. и др. 2001. *Влияние глобальных изменений климата на функционирование основных отраслей экономики и здоровье населения России.* М.: Эдиториал УРСС.

Человеко-машинная система моделирования процессов глобального развития. *Сб. трудов ВНИИСИ.* М., 1982.

Элементы человеко-машинной системы моделирования процессов глобального развития. *Сб. трудов ВНИИСИ.* Вып. 3. М., 1983.

Экономический рост и циклы. *Сб. трудов ВНИИСИ.* Вып. 12. М., 1991.

Bremer, S. A., Huges, B. B. 1990. *Disarmament and Development.* New Jersey: Prentic Holl.

Marchetti, C. 1986. *Stable Rules in Social and Economic Behavior.* Laxenburg: International Institute for Applied Systems Analysis.

Turco, R. P., Toon, O. B., Ackerman, T. P., Pollack, I. B., Sagan, C. 1983. Nuclear Winter: Global Consequences of Multiple Nuclear Explosions. *Science* 222(4630): 1283–1300.

Forrester, J. W. 1978. *World Dynamics.* Cambridge, Mass.: Wright Allen Press, Inc. Русское издание: Форрестер, Дж. 1978. *Мировая динамика*. М.: Наука.

Meadows, D. L., Meadows, D. H., Randers, I., Behrens, W. W. III 1972. *The Limits to Growth.* N. Y.: Universe Books; Potomac Associated Book.

Meadows, D. L. et al. 1974. *Dynamics of Growth in Finite World.* Cambridge, Mass.: WRIGHT Allen Press, Inc.

Gelovani, V. A., Britkov, V. B., Yurchenko, V. V. 1980. An Interactive Modelling System for Analysis of Alternative Decisions. In Fick, G. (ed.), *Decision Support Systems: Issues and Challenges* 11: 149–151.

Krelle, W. (ed.) 1989. *The Future of the World Economy. Economic Growth and Structural Change.* Berlin: Springer-Verlag.

Dubovsky, S. V.

2003a. Systems Analysis and Global Sustainable Development. *Encyclopedia of Life Support Systems (EOLSS)*.

2003b. Macroeconomic Growth Models. *Encyclopedia of Life Support Systems (EOLSS).*

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ*

Г. В. Колодко

В статье анализируется постсоциалистический период мирового развития, который определяется автором как «Великая трансформация». Рассматривая ее как замену прежней системы новым институциональным порядком, автор с привлечением значительного фактического материала и во многом на примере польского опыта показывает, как происходит отход от прежней системы и переход к новой в условиях современной глобализации.

Ключевые слова: *трансформация, постсоциалистическая трансформация, реформы, конфликтогенность, социализм, капитализм, конкуренция, неолиберализм, рыночная экономика, глобализация.*

Практически повсеместно считается, что Великая трансформация началась в 1989 г. Стало быть, в 2009–2010 гг. отмечается ее круглая дата. И хотя по этому поводу появилось много интересных публикаций, тем не менее комплексной теории трансформации все еще нет.

С момента окончания исторических заседаний Круглого стола прошел 21 год. Это стало событием, которое, безусловно, изменило ход истории, гальванизируя процесс постсоциалистических перемен, причем не только в экономике. Естественно, продолжавшиеся два месяца и не сопровождавшиеся бурными скандалами заседания варшавского Круглого стола выглядели не только менее телегеничным, но и гораздо менее зрелищным событием, чем падение Берлинской стены. Тем не менее не подлежит сомнению, что без первого не было бы и второго. Во всяком случае, Берлинская стена могла бы еще немножко постоять…

В сущности, 1989 г., хоть он уже и занесен в анналы, – выражение условное, ибо можно отыскать доказательства того, что процесс постсоциалистической трансформации имеет гораздо более глубокие корни. Это относится как к строительству определенных сегментов рыночной экономики, так и к созданию некоторых демократических институтов правового государства. Эти два взаимопроникающих и поддерживающих друг друга процесса шли все 80-е гг., а отдельные их элементы проглядывали и ранее, они имели место в Югославии, Венгрии и в Польше.

* Научно-исследовательская работа, осуществляемая в рамках научного проекта «Системные преобразования и социально-экономическое развитие. Детерминанты, достижения, перспективы», финансируется за счет гранта № N N112 345638, выделенного на 2010–2012 гг. из польских источников финансирования научных исследований.

И что интересно: если в Польше охотно соглашаются с мнением, что процесс трансформации начался именно здесь и именно в 1989 г., то в мировой литературе все чаще можно встретить мнение, что начался он в другом месте и значительно раньше. Так, считается, что поляков в этом эпохальном рывке якобы опередили и русские со своей *перестройкой* 1986 г., и вьетнамцы со своей *doi moi* того же года, не говоря уже о китайцах с начатыми в 1979 г. рыночно ориентированными переменами, когда Дэн Сяопин изрек свою знаменитую фразу о том, что неважно, какого цвета кошка – черного или белого, лишь бы она ловила мышей.

Такая интерпретация содержит неточность, которая возникает из отождествления системных рыночных реформ с трансформацией строя. Реформы сводились к таким институциональным изменениям, которые должны были лишь подкорректировать существующую систему тем, что придали бы ей гибкость, повысили конкурентоспособность предприятий, а в итоге в результате повышения уровня жизни получили бы поддержку общества. В Китае или во Вьетнаме многие экономисты и политики до сих пор убеждены, что именно на это, а не на замену социалистического строя капиталистическим направлены проводимые вот уже целое поколение реформы. Трансформация же состоит в замене прежней системы новым институциональным порядком. В случае реформ речь шла о спасении «реального социализма» путем попыток придания ему экономического и социального смысла в условиях современной научно-технической революции и происходившей в это самое время глобализации. В случае же трансформации речь идет об отходе от прежней системы и переходе к новой.

Это комплексный переход, поскольку постсоциалистическая трансформация представляет собой нечто значительно более внушительное и сложное, чем всего лишь экономическое мероприятие. Это также культурная и политическая трансформация. И в этих областях различий еще больше, особенно между восточноевропейской, балканской, постсоветской и азиатской моделями постсоциалистической трансформации.

Неэкономические аспекты Великой трансформации – политические, правовые, социальные, культурные, психологические – тоже имеют богатую литературу, и в ней противоречий не меньше, чем в литературе экономической. А они огромны. В сущности, это самые большие перемены в истории человечества, потому что никогда еще не изменялось так много и так быстро для столь многих людей. Процесс постсоциалистических системных преобразований охватывает свыше 1 млрд 800 млн людей – от Эльбы до Тихого океана. Примерно столько людей проживало на Земле около двух столетий тому назад, во времена Французской и Американской революций…

Хотя прошло уже практически двадцать лет, трансформация еще не завершена. Правда, в случае с десятком европейских постсоциалистических стран, которые уже вошли в состав Евросоюза в качестве его полноправных членов, большинство аналитиков и исследователей склонны объявлять об увенчании процесса трансформации успехом, поскольку было построено рыночное хозяйство; но стоит ближе приглядеться к сути этого процесса (не только к либерализации и стабилизации, но прежде всего к строительству институтов и микроэкономическим преобразованиям), как становится ясно, что он еще продолжается. А поэтому стоит детальнее разобраться в тех механизмах, которые задействованы в нем, еще и пото-

му, чтобы, оказавшись перед лицом очередных дилемм, быть в состоянии выбрать лучшие из возможных стратегий долгосрочного и равновесного развития, лучшие не только в плане финансов и торговли, но также и в отношении социальных проблем и экологии.

Итак, два десятилетия постсоциалистической системной трансформации за нами. Но действительно ли только два десятилетия? А может, все-таки больше, коль скоро во многих странах, относимых ныне к рыночным экономикам, возникшим в рамках системы планируемого из центра социалистического хозяйства, зачатки этих эпохальных изменений имели место и раньше? В настоящее время на пространстве половины Европы и Азии уже функционируют более или менее развитые рыночные экономики. Но являются ли они на самом деле зрелыми системами при том жалком состоянии продвинутости институциональных реформ, например, в некоторых странах постсоветской Средней Азии, где уровень реформированности меньше, чем в определенных странах Центральной Европы 21 год тому назад, когда мы, поляки, вставали из-за Круглого стола?

Не одна корзина

Лишь эти два вопроса дают представление, насколько огромна и сложна проблематика постсоциалистической трансформации. Особенно если речь идет не только о переходе от планового хозяйства, базирующегося на господстве государственной собственности и бюрократическом контроле, к хозяйству рыночному, опирающемуся на собственность частную и незарегулированную. Речь также идет о трансформации в сторону политической демократии, правового государства, гражданского общества, новой ментальности.

На этом фоне трудно было бы ожидать похожего течения процесса трансформации во всех участвующих в нем странах. Его тем не менее пытаются понять и описать с помощью стандартного набора категорий, что часто, даже слишком часто, ведет к чрезмерным упрощениям, а порой и просто к примитивным обобщениям, в то время как к интерпретации этого процесса надо подходить, имея в виду всю его многогранность и палитру. С другой стороны, выработка универсального видения остается трудной задачей, поскольку разные авторы руководствуются неодинаковыми теоретическими или методологическими ориентирами, более того – исходят из неодинаковых ценностей. Тем не менее это не должно стать препятствием к созданию комплексной теории системной трансформации, этого мегапроцесса нашей жизни.

Естественным образом социалистические страны (теперь их многие называют коммунистическими, но не тогда, когда эта система существовала) на рубеже 80-х и 90-х гг. имели много общих фундаментальных черт. Это дает право многочисленным исследователям поместить весь этот «букет» в одну общую корзину. Но они с трудом там помещаются, потому что в содержательном плане некорректно размещать разные социалистические субсистемы под одной общей вывеской. Ибо различия между Польшей и Румынией конца 80-х гг. имели качественный характер; это были системные, принципиальные, а не второстепенные различия, чего не понимает половина людей из этих стран, потому что их тогда еще не было или они не могут помнить о том, что и как происходило на самом деле. Аналогично обстоит дело и в отношении соседствующих друг с другом Венгрии и Болгарии или,

например, Югославии и Албании. Неодинаковые ценности, разнообразные институты, разная политика, разные уровни развитости (отсталости) суть важнейшие черты качественно отличной стартовой позиции на пути трансформации к истинной рыночной экономике и демократическому правовому государству.

Однако можно сделать некоторые упрощения и определенные допущения, после которых многочисленную группу государств – свыше 30 стран, производящих в сумме около 14 трлн долларов, то есть примерно 20 % мирового ВВП (считая по паритету покупательской способности), – можно подвести под общий знаменатель. Но, делая это, необходимо понимать существенные географические, культурные, экономические и политические различия представленных в этой группе стран. При таком подходе и с учетом этих замечаний можно, учитывая перспективу быстротечного времени, сформулировать несколько наблюдений относительно того, как до сих пор шла трансформация, и сделать несколько выводов на будущее.

Одна ли трансформация?

Неизбежным было распространение импульса, толкавшего интересующие нас страны в направлении рыночного хозяйства, сначала из одной – из Польши, – а потом и из нескольких стран на весь регион Центральной и Восточной Европы и на бывший Советский Союз, а также на ряд азиатских стран. Здесь сработал механизм политического домино, который привел к тому, что даже в странах, которые еще двадцать лет тому назад находились в оковах ортодоксального социализма (коммунизма), таких, например, как Албания и Румыния из тех, что ближе к нам, или таких далеких, как Вьетнам или Лаос, необратимой стала трансформация всей системы. При этом надо сразу отметить, что в этих последних курс на рынок был выбран уже давно, со второй половины 80-х гг., причем скорее под влиянием прорыночных китайских реформ, чем вслед за польским переломом, произошедшим 21 год назад. Но, как уже упоминалось, это все были реформы старой системы, а не трансформация, ведущая к новой системе.

Разные исходные условия, в которых находились экономики в момент старта к великой метаморфозе, оказывали сильнейшее влияние на сам ход процесса трансформации. Условия наиболее благоприятные, сложившиеся вследствие имевших место ранее рыночных преобразований, были в Польше и Венгрии, самые неблагоприятные – в ортодоксальных Албании и Румынии. Более того, эти обстоятельства продолжают играть свою роль, потому что, несмотря на громадный прогресс в сфере строительства рыночной экономики, наследие прошлого отбрасывает длинную тень на современность. Но при этом в разных странах данная тень имеет разную форму и величину.

Большое историческое достижение состоит в том, что, несмотря на внутреннее напряжение и конфликтогенность заключительной фазы холодной войны, удалось провести столь сложный процесс в основном мирно. В основном, потому что, к сожалению, имели место исключения, а их последствия до сих пор дают о себе знать. Тем не менее стоит подчеркнуть, что мало кто заранее, два десятилетия тому назад, был склонен предполагать, что распад Советского Союза (причем в условиях разбушевавшейся инфляции) может пройти мирно. Но последствия той конфликтогенности отягощают ход процесса и в настоящее время. Это видно в самых разных областях: например, с одной стороны, все еще более сильные, чем

в традиционных рыночных системах, сантименты к патерналистской роли государства или, с другой – случаи терроризма, особенно в России и на ее пограничье.

Практика и теория

Постсоциалистическая трансформация в направлении к капитализму обнаруживает себя как реальный процесс, высокодинамичный и многоаспектный, не опирающийся ни на какую целостную зрелую экономическую теорию. Внезапное начало трансформации (а оно было именно таким, внезапным, даже несмотря на довольно далеко для того времени зашедшие рыночные реформы в отдельных странах) поразило подавляющее большинство экономистов, политологов и социологов как на Востоке, так и на Западе. В некоторых странах это было тотальное удивление, охватившее всех без исключения, в том числе и тех, кто был в высшей степени заинтересован в падении прежнего режима и с нетерпением ждал этого. Поэтому основы экономической теории трансформации создавались *in statu nascendi,* по ходу дела. Так, надо было не только анализировать ситуацию и принимать решения, но и изучать и теоретизировать, что от чего зависит, какой должна быть последовательность действий, как оптимизировать соотношение «затраты – выпуск» в условиях быстро и часто непредсказуемо меняющейся действительности. В результате появилась своеобразная экономическая дисциплина, и даже шире – общественно-научная дисциплина, известная под именем «транзитология» (от английского *transition*), то есть наука о переходе. Разумеется, в данном случае имеется в виду переход от плана к рынку, от социализма к капитализму.

И что интересно, генеалогия «транзитологов» двояка. На Востоке это была группа прогрессивных реформаторов, уже давно втянутых в рыночные перемены, как теоретиков, так и практиков. На Западе, в свою очередь, они вышли или из советологов, большинство которых оказались не готовыми к новой действительности, или из более прагматично подходивших к вопросу экономистов главного течения, мейнстрима, подавляющее большинство которых лишь с 1989 г. заинтересовались этим пространством Земли.

Несмотря на отсутствие цельной и однозначной теории трансформации, сам ход трансформации, опирающийся как на на все более глубокие экономические знания, так и на интуитивные находки, в общем оценивается положительно. В общем, потому что имеются самые различные мнения и их усреднение недопустимо, поскольку это означало бы чрезмерное упрощение, а частично и уход от сути проблемы.

Совершенно иные оценки поступают извне, особенно с Запада, у которого до сих пор сохраняются иллюзорное и схематичное представление о строе времен социализма, оценки, отличающиеся от тех, которые формировались внутри системы, на Востоке. Положительные перемены проявляются не только в качественных институциональных изменениях – ибо трансформация касается прежде всего именно этого, – но и в далеко идущих структурных изменениях. При этом имеет место совпадение взглядов – и это правильно – в отношении того, что возможно было бы достижение более ощутимого прогресса, чем отмечался до сих пор. Зато нет такой солидарности – и это плохо – в отношении того, что можно было бы достичь более высоких темпов роста при меньшей дифференциации материального положения разных групп населения. С последней точки зрения трансформацию следует оценить в общем негативно.

Когда будет конец трансформации?

Сравнительные изучения – а именно такие изучения наиболее интересны – проблемы трансформации, учитывающие ее различные геополитические условия, показывают, что этот процесс пока еще не завершен. С одной стороны, легко заметить, как много еще предстоит сделать на пути строительства развитой конкурентоспособной рыночной экономики некоторым балканским странам и ряду постсоветских республик, с другой стороны, могло бы показаться, что десяток постсоциалистических стран, ставших членами Евросоюза, успешно завершил процесс преобразований и что в них уже создана рыночная экономика. Но это не так, поскольку даже в отношении лидеров трансформации еще слишком рано говорить как об институционально и культурно зрелых рыночных системах.

Трансформация еще не стала историей, и она продлится еще много лет. Что же будет определять ее завершение и переход к полнокровной, зрелой рыночной экономике? Наверняка это не один какой-то фиксированный момент, как и в случае человека. Мы, например, можем определенно сказать, взрослый перед нами человек или ребенок, но не так просто определить, когда произошел переход из одной фазы жизни в другую. Даже если человек попытается самому себе дать ответ на этот вопрос в отношении себя самого, он увидит, что это не так просто сделать. Это определяется не каким-то одним событием, а многоплановым и порой длительным процессом. В не меньшей степени это замечание относится к обществу, культуре, государству и экономике.

Что же касается последней, то для того, чтобы называться зрелой рыночной экономикой, она должна быть способна к конкуренции в рамках глобального хозяйства. Она также должна быть способна к равновесному развитию не только в узко экономическом (финансовом, торговом, инвестиционном) смысле, но и социальном (приемлемое для людей и не обращенное против экономической эффективности и способности формирования капитала распределение доходов и богатств) и экологическом (равновесный обмен между человеком и его экономической деятельностью, с одной стороны, и природой – с другой).

Великая метаморфоза – эта великая постсоциалистическая трансформация в направлении к рыночной экономике, политической демократии, гражданскому обществу и новой культуре – продолжается. Учась на богатой практике и теоретических разработках, мы постоянно расширяем сферу нашего знания о механизмах и законах, управляющих этим историческим процессом. Но нам такого знания нужно гораздо больше.

Снова неожиданностью для некоторых (впрочем, для других, которых, правда, гораздо меньше, это не было никаким сюрпризом) оказалось то, что рыночная система – та самая, что возникает в ходе трансформации, но еще больше, – традиционная, капиталистическая, та, что в течение многих лет окружала социалистические страны, – далека от совершенства. Современный мировой кризис – это кризис реального капитализма, к которому ведет системная трансформация, а не реального социализма, с падения которого она началась.

Парадоксально, но только после двух с лишним десятилетий великих системных перемен появляется принципиальный вопрос: к какой рыночной экономике мы должны стремиться в нашей части мира? Ибо реальный капитализм – тот, что есть в действительности, а не тот, что существует в учебниках в виде моделей иде-

альной конкуренции или в иллюзорных неолиберальных утопиях, – многолик. Точно так же, как многоликим был и реальный социализм, известный по собственному опыту все меньшему числу людей. Время делает свое дело. Итак, несмотря на то, что нам кажется, будто мы хорошо знаем, от чего отошли поколение назад, у нас все еще нет полной ясности в отношении того, к чему мы стремимся…

Дороги и бездорожье польской трансформации

Через несколько месяцев после достижения исторических договоренностей Круглого стола в сентябре 1989 г. премьер-министр Тадеуш Мазовецкий в своем программном заявлении сказал, что целью его правительства будет построение социального рыночного хозяйства. И после этого вопрос на какое-то время перестал быть актуальным. Такой оборот стал началом многих проблем, потому что линия политики, которая осуществлялась в течение следующих пяти лет, представляла существенный отход от попытки создать социальную рыночную экономику. Особенно после вызванного шоком без терапии падения начала 90-х гг. трансформация была направлена в сторону неолиберальной модели рынка.

Только после реализации «Стратегии для Польши» удалось направить экономику на путь быстрого роста и ввести хотя бы некоторые из принципов социальной рыночной экономики, прежде всего соединив заботу о повышении эффективности производства с заботой о справедливом распределении плодов его роста. В 1994–1997 гг. при среднегодовом росте реального ВВП на душу населения на 6,4 % в итоге он вырос на целых 28 %. Польшу стали называть «европейским тигром», и больше поляков в этот период возвратилось на родину, чем покинуло ее, то есть наблюдалась картина, обратная тому, что мы имеем сегодня. Тот период отличался также закладкой основ партнерского институционального порядка путем создания переговорной системы с участием всех значимых социальных партнеров, особенно работников (профсоюзов), предпринимателей и правительства.

К сожалению, вскоре, в 1998–2001 гг., происходит возвращение неолиберализма, на этот раз соединенного с течением популизма правого толка, что быстро приводит к очередному краху конъюнктуры и к стагнации, вызванной ненужным переохлаждением экономики. Из-за характерной для тех четырех лет общей несогласованности реформаторских действий затормозилось также строительство социального рыночного хозяйства.

Лишь несколько лет спустя, в 2002–2003 гг., удалось повысить темп роста в результате осуществления «Программы корректировки финансов РП». Сначала тогдашний премьер-министр Марек Белька бросил лозунг: «1–3–5», предлагая такую последовательность экономического ускорения, потом я выступил с лозунгом «3–5–7». И это были не просто слова, именно так и произошло. Если в IV квартале 2001 г. ВВП увеличился на незначительные 0,2 %, то в I квартале 2004 г. он вырос на целых 7,0 %. Принципиальное значение в этом повороте событий имело освобождение от долгов около 60 тысяч предприятий, впрочем, изменение ожиданий в связи со скорым вступлением в Евросоюз тоже сделало свое дело.

Но здесь сразу следует подчеркнуть, что социальная рыночная экономика строится в течение жизни поколений людей, а не за срок полномочий парламента или один или два эпизода работы в правительстве. Для того, чтобы построить социальное рыночное хозяйство такого типа, как, например, в Скандинавских странах, нужны совместные усилия одного, двух или даже трех поколений. Кроме то-

го, должна существовать соответствующая культурная среда, которая, будучи выше второстепенных идейно-политических различий и противоречий сиюминутных экономических интересов, сможет соединить основные группы общества в совместных усилиях во имя определенной высшей цели, в пользу такой ситуации, которая показывает, что возможны одновременно и экономическая эффективность, и социальное единство. А это невозможно без активной и выверенной роли государства, которое неолиберализм объявляет врагом общества номер один, а популизм – инструментом неэффективного распределения. Другими словами, социальное рыночное хозяйство нарабатывает солидный социальный капитал, однако без критической массы этого капитала такое хозяйство построить невозможно.

Польше, несомненно, требуется комплексная долгосрочная стратегия равновесного развития. Ее не могут заменить ни глобализация, ни рынок сам по себе. Развитие при этом должно быть равновесным не только в отношении финансов и торговли, но и в плане общества и экологии. Его основой должен быть высокий уровень сбережений и инвестиций, которые должны финансировать инфраструктурное строительство и защиту природной среды, опираясь прежде всего на внутренние ресурсы страны.

Все это должно сопровождаться экспортной экспансией, направленной особенно за пределы Евросоюза, чем в последние годы сильно пренебрегли. Поэтому экспорт должен стать локомотивом экономического роста, и продукция должна во все большей степени направляться на заграничные рынки разного рода. Не может продолжаться инерция, проявляющаяся в том, что почти 80 % оборота польской внешней торговли приходится на Евросоюз, который производит 20 % мировой продукции, тогда как на остальной мир, производящий 80 % валового планетарного продукта, только 20 %. Но дальнейшая экспансия торговли требует ослабления, а не укрепления злотого, к чему снова идет дело весной 2010 г.

Политика экономического развития

К сожалению, в течение ближайших двух-трех лет, а может, и дольше, у Польши нет шансов существенно ускорить экономический рост из-за общей политической слабости. Единственная надежда на улучшение ситуации – в инициативах снизу, в частном предпринимательстве и местном самоуправлении. Но и этого мало. Необходима также направленная на поддержку роста макроэкономическая политика, неинфляционно стимулирующая совокупный спрос всех трех секторов: домашних хозяйств (населения), предприятий и государства (госсектор). С этой целью Центробанк не должен в ближайшее время повышать процентную ставку, впрочем, опасаюсь, что под давлением так называемого рынка, а точнее говоря, определенных групп интересов, он это сделает.

Необходимы также изменения в уровне и структуре доходов и расходов госбюджета, который должен иметь более прогрессивный, то есть направленный на развитие, характер. Дефицит бюджета и государственный долг растут, но это лишь в минимальной степени связано с разумным стимулированием совокупного спроса, о чем я уже говорил на рубеже 2008 и 2009 гг. И что интересно: правительство проводит бюджетную политику ровно такую, которую оно прежде критиковало и от которой открещивалось.

Существенным инструментом политики нагнетания, а позже и поддержания высокой конъюнктуры должно стать частно-государственное партнерство, осо-

бенно в том, что касается инфраструктурных и экологических проектов, а также инвестиций в социальный капитал. В этой последней сфере должно проявиться развитие, стимулированное во все большей степени так называемой экономикой, опирающейся на знания. Но, если не считать отдельных анклавов, где дело обстоит совсем неплохо, без активного привлечения государственных средств все это останется в сфере благих пожеланий. И это потому, что частный сектор самостоятельно не в силах финансировать соответствующего качества человеческий (и даже шире – социальный) капитал, без которого он сам тоже не может динамично развиваться.

Польская проблема – прежде всего проблема политическая. Текущие конъюнктурные, институциональные и структурные вызовы превышают возможности и способности тех, кто правит страной. Поэтому мы ни через десять, ни даже через двадцать лет не достигнем западного уровня производства, потому что это требует также западной производительности труда. А она и дальше будет расти в высокоразвитых странах, хоть, возможно, и не так быстро, как это было в недавнем прошлом.

Если бы все время начиная с 1994 г., когда произошел перелом негативных последствий шока без терапии и экономика значительно ускорилась, она шла вперед по 5–6 %, то в настоящее время ВВП на душу населения в Польше был бы почти в два раза выше, чем в 1994 г., и примерно на 170 % выше, чем в 1989 г. А так он всего на 80 % выше, чем два десятилетия назад. Если бы такую траекторию экономического роста, по какой мы шли в годы осуществления «Стратегии для Польши», продолжать в последующие двадцать лет, то можно было бы сравнять ВВП на душу населения в Польше с тем, который есть в богатых странах, поскольку при темпе роста производства 6,4 % в год доход удваивается каждые 12 лет. Но это был бы только поток подобной величины, а не уровень жизни, который является функцией не только текущих доходов, но и накопленных в течение многих лет и за многие поколения богатств.

К сожалению, в настоящее время нет возможности быстро вернуться к 5-, а тем более к 6%-ному темпу роста. Экономика Польши в результате неумелой реакции правительства на экономический кризис 2008–2010 гг. и доведения до деструктивного обесценения злотого, прежде чем его курс под влиянием дуновения того же самого кризиса сломался в 2009 г., была ввергнута в структурную стагнацию. Очень быстро, в течение неполных двух лет, правительство довело темпы роста ВВП с 5–7 до 1–3 % и не в состоянии вернуть экономику обратно, на путь быстрого роста.

Создается парадоксальная ситуация, при которой мизерный рост порядка 1–3 %, на который обречена под неолиберальными влияниями Польша на стыке первого и второго десятилетий XXI в., представляется правительственной пропагандой как успех, потому что «есть места, где еще хуже». Но хуже всего то, что на политическом горизонте не видно правительства, которое сумело бы сломать синдром стагнации и ускорить динамику развития. У Польши есть потенциал экономического роста в 5–7 % в год, но нет политического класса, который был бы в состоянии этот потенциал привести в действие ради блага общества. Одного предпринимательства не хватит, потому что одних лишь рынка и свободы недостаточно. Нужны также активная позиция государства и креативная политика.

Мир в движении и польский вопрос

Поэтому не следует тешить себя иллюзиями, что обязательно произойдет скачок, принципиально изменяющий положение к лучшему. Впрочем, к худшему скачка тоже не произойдет. Само по себе ничего не происходит. Не пользуясь шансами, какие дает нам глобализация и Великая трансформация, Польша еще много лет будет оставаться позади развитых стран Запада. И так может быть всегда, если мы будем следовать в фарватере той жалкой политики, какую уже в третий раз после 1989 г. нам предлагает надвисленский неолиберализм – сначала во время шока без терапии в начале 90-х гг., потом, в конце 90-х гг., при ненужном переохлаждении экономики, и теперь, в результате неправильного реагирования на мировой экономический кризис.

Мы снова сошли с пути строительства социального рыночного хозяйства. А есть ли вообще в Польше место для такого строя? Да, есть, и даже очень много. То обстоятельство, что нам не удалось создать социальную рыночную экономику за последние двадцать с лишним лет, не означает, что мы должны отказаться от этой мысли. Видимо, надо еще лет двадцать, а то и больше, потому что это предприятие имеет масштабы поколения. Только при этом надо понимать, что все происходит в эпоху глобализации, то есть мегатренда кумулирующихся процессов либерализации и интеграции, в результате чего рождается взаимозависимая планетарная экономика.

Наши проблемы перестают быть только внутренним вопросом национального государства, общества определенной страны и его властей и элит. Если нам видится в будущем разумная социально-экономическая и политическая система, то она может возникнуть только через соответствующую синергию с изменениями, имеющими место в европейской и всемирной системах. Из этих соображений забота о более светлом будущем для последующих поколений должна выходить за национальные границы. Путь к этому все еще не близок. Возможно, что он даже длиннее, чем казался нам два десятилетия назад. Тем более следует держаться этого пути.

КОНЦЕПЦИИ СЕТЕВОЙ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Н. Н. Кожевников, В. С. Данилова

В формирующейся планетарно-цивилизационной реальности выделяется ее инвариантный каркас – «ноосбиогеосфера», ячейки которой составлены из фундаментальных предельных динамических равновесий, а внутренними структурными уровнями являются «ноосбиогеосферная личность» и «ноосбиогеоценоз». Важнейшие подсистемы ноосбиогеосферы – экологические и культурные сети, они активно участвуют в становлении современной (третьей) научной картины мира.

Ключевые слова: *природное, социальное, духовное, экология, система, ноосбиогеосфера, планетарно-цивилизационное бытие, планетарный, научная картина мира, планетарная сеть.*

1. Формирование системы планетарно-цивилизационных оболочек

В настоящее время начинается активное формирование новой синтетической планетарно-цивилизационной реальности на основе взаимодействия природного, социального и духовного, представляющей собой планетарно-цивилизационное бытие, одной из наиболее простых репрезентаций которого является ноосфера. Для того, чтобы эта синтетическая планетарно-цивилизационная реальность была устойчивой, все процессы и взаимодействия, обеспечивающие ее формирование, должны быть тщательно сбалансированы в соответствующих структурных динамически равновесных фундаментальных ячейках, где энергетические и информационные потоки становятся оптимальными. Понятие «ноосфера» расплывчато и характеризует общую ориентацию на отмеченный выше синтез, поэтому необходимо ввести более конкретное понятие – «ноосбиогеосфера», представляющее собой совокупность фундаментальных ячеек планетарно-цивилизационного бытия, их инвариантный каркас. Ячейки ноосбиогеосферы являются конструкциями из фундаментальных предельных равновесий, в пределах которых обретают устойчивость различные явления и процессы (Данилова 2004: 50–64).

В ноосбиогеосфере выделяются по крайней мере три организационно-структурных уровня, связанных отношениями гомоморфизма. Основной ячеей микроуровня является ноосбиогеосферная личность, мезоуровня – ноосбиогеоценоз, макроуровень характеризуется самой ноосбиогеосферой, которая взаимодействует со всеми планетарными явлениями, замыкая их в единое целое. Она направляет потоки вещества, энергии, информации, обеспечивающие всестороннее переплетение физических, химических, биологических, геолого-географических, психических, духовных процессов в конкретных формах их существования, формируя тем самым общепланетарные сети.

«Нообиогеосферная личность» начинается с формирования «нообиогеосферного человека», ощутившего ритмы ноосферы и нообиогеосферы, их отдельные проявления и начавшего к ним стремиться. «Нообиогеосферная личность» находится в динамическом равновесии с инвариантными каркасами окружающей среды и мира в целом благодаря своей активности, мобильности, умению выявлять эти инварианты. Формирование нообиогеосферной личности ускорит процессы биологической эволюции человека, однако прежде всего это коснется изменений в духовной сфере, активизирует «понимающие методики», все виды адаптации. «Нообиогеосферная личность» станет духовным катализатором цивилизации, будет способствовать направлению ее развития в устойчивое русло, но она сама нуждается в социальной поддержке.

«Нообиогеоценоз» – это саморегулирующаяся система, в которой биогеоценоз, нарушенный вмешательством человека, замыкается вместе с антропоценозом, социоценозом в «расширенный биогеоценоз». Его устойчивость достигается благодаря безотходному круговороту вещества, энергии, информации в охватываемых ими пределах. Он объединяет в гетероциклы самоорганизационные процессы из различных геосфер, обеспечивая тем самым допустимое взаимное развитие человека, техники и природы (Данилова 2004: 50–64).

Нообиогеосфера может быть представлена как исходная концептуальная схема, способная устойчиво взаимодействовать со всеми земными оболочками и подсистемами. Достигнув определенного предела сложности, она будет направлять взаимодействие всех идентифицированных к настоящему времени оболочек, среди которых прежде всего следует выделить: пневматосферу, антропосферу, техносферу, социосферу, социобиогеосистему, наукосферу, рациосферу, интеллектосферу, педосферу, агросферу, биотехносферу, фитосферу, фитогеосферу, литобиосферу, панбиосферу, парабиосферу, террабиосферу, стратобиосферу, апобиосферу, эубиосферу, экосферу, географическую среду, географическую оболочку, географическую систему, абиосферу, криосферу, аэросферу, геоэкосистему, термосферу, инфосферу, семиосферу, оптимосферу.

Нообиогеосфера связана с равновесием-паутиной, представляющей собой дальнейший этап в развитии концепции фундаментальных динамических равновесий и образующейся за счет хаотических процессов (обменных процессов различных типов) на всех иерархических уровнях природы, преобразовывая системы и структуры в пределах этого уровня. В равновесии-паутине сама сеть взаимодействий оказывается важнее их источников, так что основные ресурсы энергии, информации, духовности содержатся в сети образующих ее взаимодействий (Кожевников 1997).

Динамические равновесия в различных планетарных оболочках характеризуются синхронизацией частот, инвариантными структурами, планетарным масштабом взаимодействий. В каждой из них формируется некоторый организационный предел (порог сложности), после которого начинают развиваться сетевые коммуникации. Стихийно возникающие оболочки преобразовываются в систему оболочек, охватываемых едиными планетарными гиперциклами, при этом некоторые оболочки играют роль посредников-медиаторов, обеспечивающих синтез между процессами из этих сфер, благодаря которым их реальное бытие становится гомоморфным основным элементам нообиогеосферы. Синтез между ячейками нообио-

геосферы и планетарными оболочками способен обеспечить устойчивые ориентиры для допустимого развития человечества.

Существование всех природных образований и процессов происходит между тремя предельными фундаментальными равновесиями, которые остаются недостижимыми. С одной стороны, это внутреннее идентификационное динамическое равновесие, стремящееся к идентификационному пределу, с другой – равновесие со всеми средами, окружающими исследуемое природное образование. Третьим фундаментальным пределом является полное время существования природной системы, включающее длительные периоды ее зарождения, а после завершения жизненного цикла – перехода в иные формы существования (послесмертие).

Имеется множество примеров стремления к подобным пределам в неживой и живой природе, обществе, сфере духовного. В неорганическом мире идентификацию можно отождествить с самоорганизацией, которая происходит во всех природных неживых системах, поскольку все процессы стремятся к минимуму энергии и вещества. Системы оптимизируются, освобождаясь от всего лишнего, и обретают необыкновенную устойчивость. Достаточно сказать, что возраст большинства галактик, звезд – миллиарды лет, Солнцу – 5 млрд; все эти объекты будут существовать еще миллиарды лет. Состав гидросферы претерпевает незначительные изменения 4 млрд лет, а атмосферы – 1,8 млрд лет. В органической сфере самоорганизация выражена не менее ярко, что подтверждается теорией эволюции, ее различными концепциями и моделями. Здесь также следует отметить необыкновенную оптимальность отдельных органов, особей в целом и устойчивость видов, которые существуют миллионы лет (встречаются виды, существующие сотни миллионов лет). Имеются ярко выраженные пределы живого: идентификационный, связанный с генотипом, коммуникационный, опирающийся на фенотип. Генотип и фенотип никогда не бывают идеальными, но соответствующие им системы стремятся к оптимизации их структур.

Идентификационный и системно-целостный (коммуникационный) пределы направляют процессы, в которых участвует природная система, остаются идеалами, достижимость которых возможна только в мысленных экспериментах, предполагающих выход в сферу трансцендентального. Для того, чтобы достичь «идентификационного предела», система должна быть полностью изолирована от окружающей среды и обрести свое внутреннее предельное фундаментальное равновесие; однако в реальных условиях сразу же возникают вопросы: по каким параметрам эта изоляция должна осуществляться, что определяет конкретный тип динамического равновесия и соответствующей репрезентации, характеризующей уровень используемого в ней предела? Системно-целостный предел после достижения определенного уровня организации своей структуры стремится направить систему на «достраивание» ее до полной устойчивости.

Использование этих равновесий приводит к троичному подходу, который метафорически можно представить так: «взгляд в пределах системы или из системы», «взгляд из окружающей среды», «взгляд из окружающего мира». Последний представляет собой, например, взгляд с соседнего структурного уровня организации мира, позволяющий оценить «полное время жизни системы». Все это связывается с универсальной методологией троичности, которая имеет широкое распространение в религиях, искусстве, естественно-научных дисциплинах (теории систем). В рамках такого подхода духовность или идею Бога также можно рассматри-

вать с точки зрения троичного взгляда как систему, состоящую из экзистенции, транценденции и самого «Я», существующего в данный конкретный момент. А среди определений личности такой подход прекрасно иллюстрирует определение, в котором личность состоит из «индивида», «другого» и устойчивого взаимодействия между ними. Под «другим» понимаются: «Бог», «учитель-наставник», «друг» и т. п.

Каждый из отмеченных выше пределов является мощным аттрактором. Если ориентироваться только на один предел (попасть в поле притяжения одного аттрактора), то возникает консервативная концепция, которой свойственны незыблемые понятия и мировоззрение «догматического уюта». Однако необходимо использовать все три предела, на определенных «срезах развития» исследуемой системы – два. Только тогда на основе этих фундаментальных динамических равновесий может сформироваться устойчивая картина мира.

2. Онтологическое основание планетарно-цивилизационных сетей

Ноосферогеосфера как совокупность ячеек, образованных уравновешенными взаимодействиями геосфер (внутренними и внешними), – это инвариантный каркас всей совокупности «планетарно-цивилизационных оболочек». Она имеет несколько фундаментальных подсистем – предельных оболочек-сетей, способных направить дальнейшее развитие человечества. Это пневматосфера – оболочка планетарной духовности и экосфера – планетарная совокупность экологических сетей, обеспечивающих устойчивость непосредственно самих взаимодействий между ячейками динамических равновесий неживого, живого, социального, духовного. Пневматосфера формирует духовные инварианты при посредстве фундаментальных ячеек ноосферогеосферы и обеспечивает их взаимосвязь с каждой из планетарных оболочек. Устойчивая взаимосвязь с планетарной духовной оболочкой скоро станет критерием дальнейшего допустимого развития любой природной системы.

Экологическая общепланетарная сеть в полной мере раскрывается на основе современного толкования понятия «ценоз», а также вводимого и исследуемого нами понятия «равновесие-паутина». Ценоз – это некая совокупность, населяющая участок поверхности Земли, характеризующаяся определенными отношениями и приспособленностью к окружающей среде, где существуют, во-первых, внутренние отношения между элементами и, во-вторых, приспособленность к внешней среде (Кудрин 1998).

Равновесие-паутина наиболее наглядно проявляется в экологических, духовных (пневматосфера) и культурных сетях. Формирование экологической сети на основе ячеек, характеризуемых полным уравновешиванием всех возможных взаимодействий в их пределах, соответствует толкованию экологии в своем самом широком смысле как науки о гармонизации взаимодействий (связей) системы с окружающей ее средой. Подобное уравновешивание объединяет три фундаментальных типа равновесий природной системы: внутри системы, системы с окружающей средой, системы с соответствующими природными системами соседних структурных уровней (уровня). Только в результате полной взаимодополнительной компенсации этих равновесий возникает ячейка экологической сети.

Дальнейшее развитие человечества будут направлять общепланетарные сети культуры, которые сформируются в результате процесса «аскетизации» всех существующих культур, выявления их идентификационного и системно-целостного пределов. Все отдельные культуры отдадут этим сетям свои сущность и параметры идентификации. Общепланетарные культурные сети будут обладать максимальной гибкостью, способностью со временем преобразовываться в конкретные структуры, и именно в них будет происходить основная работа по координации всех остальных сетей гуманитарной сферы. В многослойно-сетевую структуру культуры как планетарной суперсистемы (планетарной культуры) в качестве элементов должны войти ядра традиционных культур, поскольку все существующие и существовавшие культуры принципиально различны, но взаимодополнительны, каждая из них незаменима для дальнейшего развития цивилизации, и именно при таком их использовании возможна реальная интеграция человечества. Люди, активно взаимодействующие с несколькими культурами, способствуют тем самым вовлечению фундаментальных граней этих культур в общепланетарную сеть.

Экономический успех западных обществ, образованность и эмансипация женщин лишают семью экономических функций, а слом традиционных ценностей утверждает в семье более безличные связи. Мир внутренней сложности современного индивида часто не соответствует внешней сложности окружающего его мира. Осваивать свой внутренний мир человеку очень трудно, у него не хватает на это ни умения, ни сил. В то же время рынок готов предложить ему многочисленные «рецепты» мыслей, чувств, стереотипы поведения, ценности, и индивид пользуется этими примитивными моделями, симулякрами, заменившими его подлинное существование. Однако в информационном обществе востребованными окажутся именно личности, которых будет просто не хватать для того, чтобы реализовать все необходимые для развития человечества проекты. Должна появиться профессия «смотритель культурной сети», поскольку эти сети, хотя и формируются в значительной степени стихийно, будет нуждаться в постоянных обновлении, развитии, текущем ремонте и т. п.

Экологические и культурные сети, если они станут заботой всего человечества, вернут человека в истинную систему координат. Культурные сети будут способствовать развитию отдельных личностей и всего человечества, предстанут как необходимый этап их эволюции. Только благодаря подобным сетям человек сможет понять свое высшее предназначение и в максимально возможной степени освоить его. «Человек сетевой» – «Homo web» – станет важнейшим этапом эволюции человека, и только такая перспектива спасет человечество от неминуемой деградации и гибели. На основе этих сетей возможны наиболее полная интеграция человечества, сохранение самобытности и разнообразия культур, гармонизации процесса дальнейшего развития человечества.

3. Третья научная картина мира

Термины «научная картина мира» и «картина мира» имеют различные толкования. Будем исходить из того, что «картина мира» содержит в себе общие представления о мире, его устройстве, типах и взаимосвязях содержащихся в нем объектов. Естественно возникает потребность в уточнении понятия «мир» – это человек и окружающая его среда в их взаимодействии. Здесь наиболее важным явля-

ются акценты в восприятии природы, которые делаются не на первичном ее кодировании посредством органов чувств, а на результатах вторичной перекодировки исходных данных посредством знаковых систем. Картиной мира в строгом смысле слова может считаться лишь научная картина мира, под которой понимается «целостный образ предмета научного исследования в его главных системно-структурных характеристиках, формируемый посредством фундаментальных понятий, представлений и принципов науки на каждом этапе ее исторического развития» (Степин 2003: 32).

Среди научных картин мира выделяют «общенаучную» и специальные (дисциплинарные онтологии). Первая представляет собой обобщение представлений, полученных в специальных науках, о Вселенной, живой природе, обществе, человеке. Специальные картины мира – физическая, химическая, биологическая, географическая, геологическая, техническая и т. п. – характеризуют собой предметные области отдельных наук. Иногда выделяют промежуточные картины мира, например социальную и естественно-научную, но для решения принципиальных вопросов исследуемой проблемы можно ограничиться двумя отмеченными выше типами.

«Обобщенный системно-структурный образ предмета исследования вводится в специальной научной картине мира посредством представлений 1) о фундаментальных объектах, из которых полагаются построенными все другие объекты, изучаемые соответствующей наукой; 2) о типологии изучаемых объектов; 3) об общих особенностях их взаимодействия; 4) о пространственно-временной структуре реальности» (Там же). «Через отнесение к научной картине мира специальные достижения науки обретают общекультурный смысл и мировоззренческое значение. Например, основная физическая идея общей теории относительности, взятая в ее специальной теоретической форме (компоненты фундаментального метрического тензора, определяющего метрику четырехмерного пространства-времени, вместе с тем выступают как потенциалы гравитационного поля), малопонятна тем, кто не занимается теоретической физикой. Но при формулировке этой идеи в языке картины мира (характер геометрии пространства-времени взаимно определен характером поля тяготения) придает ей понятный для неспециалистов статус научной истины, имеющий мировоззренческий смысл» (Там же: 34).

Широко известны основные исторические этапы становления научной картины мира. Первой была «научно-механистическая картина мира», которую создавали ученые – физики, астрономы: Г. Галилей, И. Кеплер, И. Ньютон, О. Кулон, Г. Х. Эрстед, В. Вебер; математики: Р. Декарт, Л. Эйлер; химики: А. Лавуазье, М. В. Ломоносов, Д. И. Менделеев. Огромный вклад в становление этой картины внесли философы Т. Гоббс, Г. В. Лейбниц, И. Кант, Ж. О. Ламетри, П. Гольбах и др. Среди фундаментальных понятий этой картины следует отметить «материальную точку», «принцип дальнодействия», «механические часы», однозначность, единственность решений.

«Вторая научная картина мира» основывается на вероятностных представлениях в описании физического, биологического, технического миров. Затем методы, основанные на исследовании случайного, неопределенного, стали использоваться в информационной и социальной сферах знания. Вторую научную картину мира создавали М. Фарадей, Дж. Максвелл, Л. Больцман, Ч. Дарвин, Г. Мендель, А. Эйнштейн, Н. Бор. У ее истоков стояли Б. Паскаль, Я. Бернулли, П. Лаплас. Ос-

новными понятиями здесь становятся «вероятность», «неопределенность», «нормальное гауссово распределение», «концепция близкодействия».

«Третья научная картина мира» тесно связана с постнеклассической наукой и находится в стадии формирования. Ее связывают с глобальным эволюционизмом, резким усилением междисциплинарного синтеза знаний, стремлением к новому универсализму. Реальности материального и идеального миров начинают объединяться в единую развивающуюся и самоорганизующуюся структуру. Среди наиболее фундаментальных понятий следует назвать такие: «самоорганизация», «динамическое равновесие», «динамический хаос», «ценоз», «диссипативные структуры», «сложность», «ноосфера». Эту картину мира создавали Г. Хакен, И. Пригожин, В. Мандельброт, В. И. Вернадский, Н. Н. Моисеев, В. С. Степин и многие другие.

В формировании «картины мира» можно выделить следующие основные структурные элементы: 1) выявление набора (ядра) основных понятий, анализ их основных свойств; 2) формулировка исходных постулатов; 3) разработка фундаментальных концепций; 4) появление теоретических моделей; 5) обретение практических приложений для этих моделей. Научные картины мира рассматриваются и как основания науки. «В качестве важнейших компонентов, образующих основания науки, можно выделить: 1) научную картину мира; 2) идеалы и нормы научного познания; 3) философские основания науки» (Степин 2003: 188).

Изложенное выше убеждает нас в том, что «третья научная картина мира» должна быть связана с современным универсализмом, формироваться посредством самоорганизации, иметь дело с параметрами, не зависящими от конкретной онтологической сферы или структурного уровня организации природы. Все это могут обеспечить концепции предельных динамических и сетевых равновесий. Сети способствуют тому, что мир становится все более и более ясным, «прозрачным», организованным, «предсказуемым». Сетевая картина обладает огромным эвристическим потенциалом и имеет безграничные практические приложения. Само «сетевое мировоззрение» способствует осмыслению фундаментальных проблем.

Поскольку «третья картина мира» еще находится в стадии формирования, то ее необходимо рассматривать в совокупности с новой синтетической планетарно-цивилизационной реальностью, представляющей собой планетарно-цивилизационное бытие. Индивиды, ориентированные на это бытие, активно взаимодействующие с научной картиной мира, будут способствовать тем самым вовлечению различных граней отдельных культур в общепланетарную сеть.

Общепланетарные сети следует рассматривать как необходимый этап эволюции человечества. Только благодаря подобным сетям человек сможет понять свое высшее предназначение и в максимально возможной степени освоить его. Только перспектива формирования «Человека сетевого» – «Homo web» – спасет человечество от деградации и гибели. Человек со временем растворится в сетях, но это будет происходить осознанно, добровольно, как единственный выход сохранения своего реального существования и в значительной степени определяется общими закономерностями развития всех онтологических сфер природы.

Мир в сознании современного человека постепенно начинает делиться на две части: сетевую и несетевую. Первая часть направляет развитие второй, преобразует ее в соответствии со своей структурой. Это бесконечный процесс, который будет постоянно вовлекать в свою орбиту все новые структурные уровни, качества,

взаимодействия. Для сетей нет границ, поскольку они связывают материальное и идеальное, корпускулярное и полевое, неживое и живое, душевное и духовное, синхроническое и диахроническое. Благодаря сетям оказывается возможной реконструкция прошлого и моделирование будущего. Для любого исследования можно сконструировать сеть, способную самым надежным способом проникнуть куда угодно, в любую гипотетическую сферу. Это связано с тем, что в сетях исследование идет от зацепки к зацепке начиная с самого простого факта (феноменологический подход). При этом всегда существуют обратные связи, можно вернуться назад, пойти другим путем, повторить уже пройденный путь и т. п. Сети удобны также тем, что у них могут быть промежуточные рабочие звенья, которые по мере использования могут «отмирать», уступая место более совершенным, оптимизированным участкам сетей.

Со временем может получиться так, что совокупность планетарных сетей, направляемых в своем развитии экологическими и духовными сетями, станет основанием новой планетарной религии, достоинства которой будут заключаться в ее гибкости, способности стать индивидуальной (личностной) для каждого отдельно взятого индивида и в то же время оставаться общечеловеческой.

Литература

Данилова, В. С. 2004. Философское обоснование концепции ноосферы. *Вестник МГУ*. Серия 7. *Философия* 2: 50–64.

Кожевников, Н. Н. 1997. *От равновесия к равновесию.* М.: Мысль.

Кудрин, Б. И. 1998. *Технетика: новая парадигма философии техники (третья научная картина мира).* Томск: Изд-во Томского ун-та.

Степин, В. С. 2003. *Теоретическое знание.* М.: Прогресс-Традиция.

ЧТО НАС ОЖИДАЕТ В ОБОЗРИМОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ?

Б. С. Есенькин

Автор задается вопросом о сути современной глобализации и анализирует ее возможные последствия для раздробленного мира, раздираемого различными интересами и противоречиями. По ряду позиций человечество уже вышло за рамки предельных возможностей планеты, и хотя Земля пока еще терпит пренебрежительное отношение к ней, продолжаться так дальше не может. Мировому сообществу еще предстоит пройти путь от дифференциации к своему единству, и современные технологии, прежде всего информационные, делают такой вариант развития вполне реальным. Но последнее слово все-таки за человеком.

Ключевые слова: *глобализация, глобалистика, глобальные проблемы, человечество, кризис, информация, информационная революция, современный мир.*

На протяжении последних лет глобализация все больше и больше привлекает внимание к своей сущности, требуя тщательного осмысления, и это несмотря на то, что глобалистика оформилась как самостоятельная наука, а количество публикаций по данной проблематике практически увеличилось вдвое. Однако многие продолжают задаваться вопросами: что же такое глобализация? Как она связана с основными проблемами современности? Когда и почему она началась? В каком направлении и в каких формах будет развиваться? Глобализация – это хорошо или плохо?

И это неудивительно, ведь восприятие данного процесса характеризуется многогранностью познания мира – от идеалистических воззрений на универсум до негативных суждений об исчезновении социального индивидуума как уникального организма. Глобализация как отражение современного мира, вбирая многие свойства мировых процессов, не может быть простым продолжением существовавших на предшествующих этапах интеграционных общемировых тенденций. Поэтому и однозначность этого термина исключена.

Естественно, в настоящее время распространена точка зрения на глобализацию как на процесс дезинтеграции традиционных основ государств, систему порабощения, транснациональную политику. Но есть и иные подходы к ее осмыслению, и не только с позиции определенной стороны жизни общества: социальной, политической, экологической и т. п., – а с философской: всеохватывающего понимания действительности, осознания мира как целого и единого. Пожалуй, в этом и раскрывается семантика терминов «глобализация» и «глобалистика».

Так, в переводе с французского языка «global» означает «всеобщий», «универсальный», «всесторонний», «полный», «всемирный», «охватывающий весь земной шар», а производная «-изация», как отмечает профессор Елена Земская, определяет новые процессы действительности или обозначает «процесс наделения тем, что

называет базовая именная основа». То же относится и к аффиксоиду «-истика», только он служит для «построения названий новых наук, отраслей знания, деятельности человека» (Земская 2009: 65, 140).

Такое стремление к «культурному универсуму», пожалуй, может стать основанием для определения нашей планеты «общим домом», где процессы и проблемы оказываются едиными для всех людей, иначе говоря, глобальными, изменяющими наш быт, культуру, науку, образование, промышленность, экологию и, конечно, бизнес, который с убыстряющейся скоростью перемещается по разным континентам и странам. Невольно сравниваешь этот процесс с описанием Великого переселения народов, когда из-за изменений условий среды обитания человек вынужден либо приспосабливаться, искать новые возможности, обретать новую родину, либо вымирать (Гумилев 1972: 44–52).

Так, по-новому, но с нарушением экологии и социальных сфер, глобализация «разворачивает» деятельность заводов, фабрик, предприятий и т. п., неся человечеству очередные не до конца понятые проблемы и ущемления. Под предлогом материального благополучия и безопасности виртуально стираются границы индивидуальности. А потребительские элементы, направленные на получение экономической выгоды, прибыли и власти, казалось бы, перекрывают все, но вместе с тем вызывают различные телесные и духовные болезни, преследующие нас и планету.

Это и *разрушение экосистемы* – глобальные изменения климата, истощение природных ресурсов, губительное влияние человека на окружающую среду (промышленные аварии, загрязнения отходами, войны и т. п.), увеличение численности населения и, как следствие, производства и потребления, особенно энергетических ресурсов.

К числу глобальных проблем также относят *влияние мировой экономики на национальную,* связанное с появлением глобального информационно-финансового пространства, системы валютных расчетов между странами, международного рынка труда, глобальных корпораций, глобальной предпринимательской культуры, новых потребительских ценностей, движимых современными коммуникационными технологиями, убыстряющими все жизненные процессы.

Наконец, более глубинные – это *трансформация культуры народов, религий, человеческих ценностей,* уничтожающая традиции поведения в обществе и семье; *изменение социальных систем,* влекущее деформацию социальных прав, норм и гарантий, ущербность в перераспределении социальных благ и возможностей, конфликты между различными слоями населения; *политическое ослабление государств* со становлением глобального монополизма.

Во всяком случае, все эти проблемы, создаваемые самим человеком, взаимосвязаны и затрагивают всю многогранность нашей жизни. Мы можем иметь различные точки зрения на развитие и становление демократического общества в разных странах с различным управлением и восприятием мира, отсюда и иллюзия «некорректности» в отношении к современному миру. Представляется, надо «смотреть в корень», где нарушается восприятие определенных закономерностей и взаимосвязи «Земля – человек – космос», где природа как единый живой организм выступает созидателем, а особь – разрушителем.

Человечество вышло за рамки дозволенного, но Земля пока еще терпит наш паразитический образ жизни, предупреждая о глобальных изменениях, которые

уже происходят и будут происходить… А общество продолжает выделять огромные финансовые ресурсы на «латание дыр», которые трудно заделать, так как идет постоянная битва между государствами за преимущественное владение природными ресурсами. Это один из фрагментов, который, к сожалению, иллюстрирует разрушение экологии и неоправданное уничтожение животного и растительного мира[1].

Страны, как писал известный историк Пирс Брендон, постоянно жаждут территориального расширения, движимые «атавистическим инстинктом», они всегда будут стремиться к власти и богатству, ибо «жажда завоеваний – часть человеческой природы» (Брендон 2010: 831). И в этой битве, казалось бы, за лучшее качество жизни общество наступает на окружающий мир, часто избирая простой путь к обустройству своего пространства и забывая о Всевышнем. И вроде бы все «сходит с рук», но это лишь иллюзия. Возмездие уже близится. И доказательство тому – различные природные катаклизмы и регулярные кризисные явления, появление «мыльных пузырей», которые со временем лопаются, и человечество страдает от потери своих промышленных и финансовых ресурсов.

При этом мировые финансовые кризисы также становятся закономерными, их регулярность начинает учащаться (и это несмотря на знание исторического среза). Тем не менее мы «наступаем на те же грабли». Мы говорим «системный кризис в отрасли» – подразумеваем перепроизводство, «кризис в России» – думаем о зависимости от импорта, «глобальный кризис» – рассуждаем об экспорте нефти, газа, металла и других полезных ископаемых…

Кризис обостряет социально-политические проблемы, заставляет поднимать острые международные дискуссии о расточительстве, недостаточном контроле над использованием природных и финансовых ресурсов, особенно в развивающихся странах, которые с каждым годом потребляют все больше и больше, отсюда и промышленные отходы, захламляющие нашу Землю, создавая экологический вопрос: «быть или не быть?»

Так, бесконечные конфликты с природой делают мир уязвимым. И сегодня мы находимся в непредсказуемом «дрожжевом» состоянии, вступив в борьбу за качество нашей жизни. И это не связано с бедностью как социальным феноменом, характеризующим экономическое положение личности, а обусловлено необузданными затратами государств на свою безопасность.

Такие безалаберность и нестабильность приводят к неадекватным действиям, противоречиям, обострениям, с одной стороны, и интегрирующим действиям – с другой, требуя глобальной управляемости. Возможно, главенствовать будут страны с бóльшим интеллектуальным потенциалом, развивающимся на основе достижений науки и техники, позволяющих намного опережать другие государства. Обладая глобальными информационными ресурсами, которые транслируют достижения в компактном виде, каждая личность будет иметь возможность получать необходимую информацию.

Возможно, мир разделится, окунется в постоянное движение межстрановых, национальных, межрегиональных конфликтов – Америка, Европа, Азия… Возможно, кризисы вызовут новые и более опасные угрозы современной системе ми-

[1] Примером этого, в частности, может быть авария на буровой вышке в Мексиканском заливе компании Mariner Energy.

ра. Возможно, история Крестовых походов[2] возобновится, и будет проводиться глобальная миссия цивилизационной идентичности, оружием которой станет уже не меч, а интеллект, глобально управляющий умами и поступками, влияющий на политику и бизнес, утрату чистоты веры, разрушая цивилизационные устои.

Такое нарушение равновесия требует принятия стратегии выживания или новых решений, позволяющих преодолеть сложившиеся трудности. В этом плане кризисы становятся некими импульсами, побуждающими к действию. Увы, человечество получило их предостаточно... Осталось, пожалуй, мгновение, за которое оно должно научиться глобально рассуждать и принимать соответствующие решения, не нарушающие баланс. Ведь мир – «большая лодка» во вселенском океане, где все сущее, обусловленное законами природы, обязано сохранять «золотую середину» и гармонию во взаимоотношениях.

Это необратимый процесс трансформации мира, где глобальные изменения становятся причиной его зарождения и разрушения. Например, гипотеза появления и исчезновения Вселенной, которая, по мнению ученых, возникла более 13 млрд лет назад от Большого взрыва и может погибнуть от Большого сжатия (Хокинг 2007: 98–104). И такая точка зрения закономерна для большинства примеров созидания, отражающих то, насколько мы прогнозируем наш мир.

Глобалистика, к сожалению, пока «повисает» в недосказанности и слабом общении, благодаря которому могли бы рождаться продуктивные идеи и теории. Естественно, эту проблему пытаются решить различные научные и образовательные учреждения, предпринимая попытки создания научных школ путем введения специальных учебных предметов и организации форумов, саммитов, конференций. Таким образом, они формируют своего рода дискуссионный клуб, где можно, рассуждая, искать истину в клубке человеческих взаимоотношений. Но и этого мало для непрозрачного современного мира, где скорость движения информации возрастает, требуя повышения ответственности каждого из нас, особенно ученых, которые призваны увидеть, осмыслить и подсказать.

Так, стремясь к познанию, мы укрепляем общество, и, как сказал знаменитый английский историк Эдуард Гиббон, «мы заполняем молчащую пустоту, которая предшествует нашему рождению, связывая себя с авторами нашего существования, кажется, что мы жили в наших предках» (Gibbon 1960: 3, цит. по: Брендон 2010: 13). И живем, создавая более эффективную систему функционирования для всех его членов, где информация становится инструментом управления различными индивидуальными, общественными и природными ресурсами. Это жизненно важный элемент, ориентирующий человека в обществе, вплетающийся в контекст жизнедеятельности любого индивидуума, независимо от его национальности, статуса, вероисповедания, образования, пола, возраста.

Свершившаяся информационная революция, охватившая весь мир, «переворачивает» принятые устои, заставляя трезво посмотреть на окружающую действительность, размытость границ цивилизаций, перемещение информации в космос, формирование киберкультуры и многое другое, что требует от нас не воинственных действий, а дружбы, всеобщих усилий по воспитанию нового сознания чело-

[2]«… Я завоюю Восток и Запад и повсюду распространю религию Христову!» (из речи Никифора Фоки, цит. по: Виймар 2008: 11).

века[3]. В этом плане необходима не только мировая экологическая, экономическая, культурная, социологическая, демографическая, информационная политика и соответствующие законодательства, главное – изменение отношения личности к себе и планете. Пожалуй, в этом плане особое значение следует отвести анализу факторов и показателей восприятия стран (Петренко 2010: 341–377), а также возможностям их корректировки для создания сбалансированных отношений между сообществами.

Постановка такой задачи должна, наверное, стать ключевой при построении глобалистической цивилизации. Для большей убедительности приведем пример: представим планету многоквартирным домом, где каждый из нас, ограждаясь от проблем, запрется в своей квартирке и будет лишь «перемывать кости» другим соседям, нанося «дипломатические удары исподтишка», тем самым разрушая установленную еще издревле систему ценностей... Конечно, писать и рассуждать об этом легко. А как осознать и претворить в жизнь?

Предпринимаются различные подвижки в этой области: создаются междисциплинарные направления, появляются новые возможности в изучении экологических проблем Земли, разрабатываются экологические стандарты для промышленных объектов и т. д. Но этого недостаточно. Не выработана философия, объединяющая, а не разделяющая народы по их убеждениям. Нет диалога, сознательности, ответственности. Нет этики в использовании информации.

Доступность информационных ресурсов, ускорение процесса их получения и обработки, приобретение потребителями новых возможностей приводят не столько к объединению, сколько к дифференциации на микро- и макроуровнях: личности – семьи – предприятия – государства – планеты. Эта проблема становится еще более острой, когда посредством массмедиа выделяются различия между регионами, подчеркивается расслоение общества, иллюстрируется концентрация капитала и новейших технологий в высокоразвитых странах.

Более того, Интернет, снимающий границы в общении, увеличивающий с каждым днем объем информации, приводит к повышению скорости поступления данных не только на глобальном общечеловеческом уровне, но и на уровне отдельного предприятия и человека (рис. 2). Естественно, что это вызывает проблему в восприятии и переработке информации. Так, с начала и до середины XX в. сумма накопленных знаний возрастала вдвое, а в последующее время удваивалась каждые десять лет. Например, ежегодный прирост знаний в России составляет более 6–7 %, а Всемирная паутина (World Wide Web) уже вовлекла свыше 40 млн россиян (рис. 1).

Понятно, что мы стали получать огромное количество сведений, с одной стороны, «купаясь» в них, с другой – захлебываясь и погружаясь в «трясину хлама». В этих условиях меняется процесс человеческого мышления. И, увы, подобная информационная бессистемность не в лучшую сторону влияет на мировоззрение

[3] Весьма интересна в этом плане ускоряющаяся динамика информационно-технологического развития цивилизации, схематично представленная А. И. Смирновым: так, жизнь человечества длится более 50 000 лет, в течение которых сменилось более 1 600 поколений, из них 1 100 жили в пещерах; 800 – применяли огонь; 400 – использовали энергию животных; 300 – владели «силой» воды и ветра; 150 – применяли письменность (12 – печатные технологии); 16 – использовали порох; 8 – измеряли время; 6 – использовали искусственные источники энергии; 4 – пользовались электромоторами; 2 – владеют атомной энергией и телевидением; 1 – применяют космические, компьютерные, телекоммуникационные и интернет-технологии.

поколений, формирующихся под воздействием низкокачественной информации, которая буквально обрушивается и давит на человека уже в такой мере, что возникает проблема информационного загрязнения, требующая создания и поддержания информационной экологии общества. Поэтому и нужен «интеллектуальный движок», который сумел бы отсеять все лишнее, а мы могли бы воспользоваться только полезной информацией, стать «гурманами» информационной «пищи». Это, пожалуй, объясняет то, что более половины граждан Российской Федерации считают необходимым введение регулирования интернет-среды (Демина 2008).

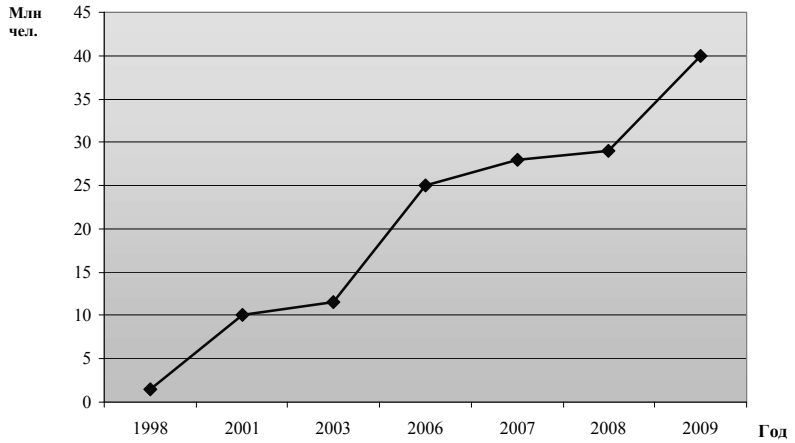

Рис. 1. Рост пользователей интернет-ресурсами в России

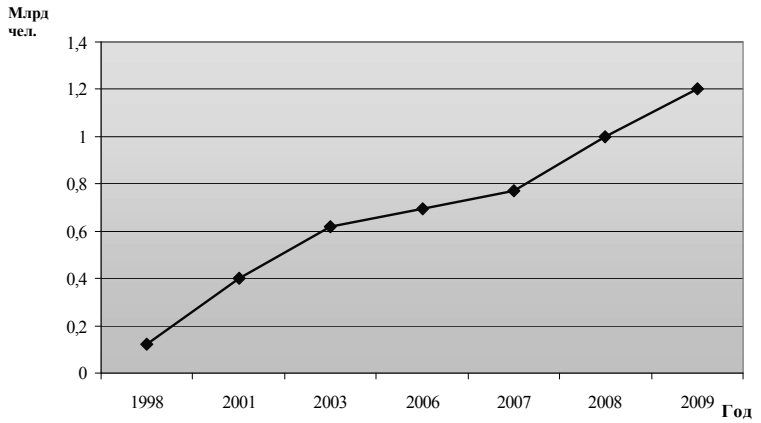

Рис. 2. Рост пользователей интернет-ресурсами в мире

Безусловно, как подчеркивают многие специалисты, необходимо создание правовых механизмов для данного пространства, особенно в целях предотвращения нарушений прав личности, распространения спама и вредоносных программ, размещения запрещенной законом информации и защиты интеллектуальной собственности. Однако без преодоления технологического отставания и повышения

информационной грамотности крайне сложно будет запустить эти механизмы в действие, повысить инновационную активность российских компаний, исследовательских институтов, образовательных учреждений. А это уже достаточно существенная проблема, поскольку подобное отставание может стать необратимым, замедляя научно-технический прогресс и интеллектуальное развитие страны.

Мир ушел далеко вперед, и нам предстоит проделать серьезную работу, чтобы выйти на очередной виток преодоления нашего несовершенства. А современный мир – это информация: компьютер – человек – бизнес, законы, политика, безопасность, экономика, финансы, технологии, культура и многое другое, находящееся как в реальном, так и в виртуальном отображении. Это постоянное поле «сражения» за информацию, чему и способствуют различные компьютерные системы и технологии, которые могут как совершенствовать жизнь человека, так и разрушать ее. Собственно говоря, проявление этого мы видим и в компьютерном терроризме, и в тотальном контроле, и в изобретении новых возможностей обмена информаций.

Подобные «баталии» заставляют каждого быть очень внимательным к происходящему, осознавать, что мы можем утратить наш мир, природу, наш генофонд… Провозглашение глобалистических лозунгов, принятие тех или иных действий в рамках единых программ не должны наносить ущерб национальным культурам. «Не навредить!» – это закон любого индивидуума, основа для формирования общего информационного, политического, экономического пространства.

Литература

Брендон, П. 2010. *Упадок и разрушение Британской империи. 1781–1997.* М.: АСТ Москва.

Виймар, П. 2008. *Крестовые походы: Миф и реальность священной войны.* СПб.: Евразия.

Гумилев, Л. Н. 1972. Изменения климата и миграция кочевников. *Природа* 4: 44–52.

Демина, Ю. 2008. Интернет без границ не нужен половине граждан. *РБК Daily* 10 декабря.

Земская, Е. А. 2009. *Словообразование как деятельность.* 4-е изд. М.: ЛИБРОКОМ.

Петренко, В. Ф. 2010. *Многомерное сознание: психосемантическая парадигма.* М.: Новый хронограф.

Хокинг, С. 2007. *Мир в ореховой скорлупке*. СПб.: Амфора.

Gibbon, E. 1960. *Memoirs of My Life.* Oxford.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

АРКТИКА – ТОЧКА БИФУРКАЦИИ В РАЗВИТИИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

И. И. Мазур

Автор статьи рассматривает Арктику как одну из ключевых точек пересечения различных интересов в развитии глобального мира. Уже обозримое будущее оказывается в зависимости от того, как будут реализованы эти интересы. С такой поливариантной ситуацией возможных путей развития, именуемой в синергетике точкой бифуркации, связаны траектория дальнейшего развития Арктического региона, мировые интеграционные тенденции, приоритеты основных акторов мировой экономики и политики в полярном регионе, национальные интересы приарктических и других государств. Процессы глобализации выдвигают на первый план проблемы суверенитета государств, установления их юрисдикции над природными ресурсами и транспортными маршрутами, устойчивого развития Арктического региона в целом.

Ключевые слова: *Арктика, бифуркация, глобализация, устойчивое развитие, международные отношения, глобальный климат, арктический шельф.*

Арктика занимает одно из приоритетных мест в глобальной повестке дня, ее геополитическая и экономическая роль в мире непрерывно растет. С Арктическим регионом связаны долгосрочные интересы многих стран мира. Через полвека Арктика может стать самой крупной кладовой энергоресурсов и ключевым транспортным узлом планеты. XXI в. нередко называют «веком Арктики»: именно в начале нового века определились перспективы освоения региона, а также появились инвестиционные ресурсы для реализации крупномасштабных арктических программ. Огромные природные богатства, потенциальные ресурсы нефти и газа, а также транзитные возможности делают контроль над циркумполярным регионом геополитическим приоритетом для многих государств современного мира.

С начала XXI в. изменения, происходящие в Арктике, имеют глобальные последствия для мировой экономики и политики. Именно поэтому Арктика является одной из точек бифуркации в развитии глобального мира. С процессом бифуркации связаны траектория дальнейшего развития Арктического региона, мировые интеграционные тенденции, приоритеты основных субъектов мировой экономики и политики, играющих доминирующую роль в полярном регионе, национальные интересы приарктических и других государств мира.

Глобализация в Арктике

В конце XX в. напряженность в отношениях между странами периода холодной войны уступила место стремлению к международному и региональному сотрудничеству. Если раньше в арктической геополитике доминировали вопросы национальной безопасности, военные и оборонные аспекты, то ныне на первый план выдвинулись экономические и гуманитарные проблемы. Подобная тенденция выражается в сотрудничестве по охране окружающей среды, делам коренных народов, а также в научных исследованиях и др. Изменение взаимоотношений между Арктикой и внешним миром связано с тем, что военно-стратегическая роль региона дополнилась его стратегической ролью в глобальной экономике – прежде всего благодаря богатству природных ресурсов и формированию международных интегрированных транспортных коридоров. Экономика Севера все теснее интегрируется в глобальную мировую систему, а значение Арктики возрастает в связи с расширением спроса на стратегические минералы, нефть и газ, с усилением интереса к региону транснациональных консорциумов, а также с развитием технологий, облегчающих доступ к источникам сырья. Интеграция при создании современной инфраструктуры во многом регламентируется национальными программами, предусматривающими привлечение к реализации проектов транснациональных корпораций.

Арктика не может быть изолирована от глобального развития, но ей свойственна особая региональная динамика, порожденная политическими изменениями после холодной войны. Международные отношения в Арктике базируются на межправительственном и межрегиональном сотрудничестве. Регион настолько же плотно вовлечен в процессы глобализации, насколько демонстрирует явные признаки регионализации. Международное сотрудничество в Арктике расширилось на многих уровнях. Помимо правительственного сотрудничества в рамках Арктического совета оно включает новые формы взаимодействия коренных народов, региональных правительств, парламентариев, а также неправительственных, научных, образовательных и культурных организаций. Направленность на социальную стабильность и экологическую устойчивость характеризует новый геополитический подход, который может способствовать выходу Арктики на влиятельную позицию на международной арене, особенно в экологических вопросах.

В процессах глобализации и решении проблем, относящихся к суверенитету государств, установлению их юрисдикции над природными ресурсами и транспортными маршрутами, а также режиму военно-стратегического присутствия в Арктике, активную роль играют:

• Арктические государства: правительства, парламенты и государственные учреждения (в том числе Вооруженные силы) России, Норвегии, Дании, Канады, США, Исландии, Швеции и Финляндии.

• Межправительственные организации: Арктический совет, Совет Баренцева/Евроарктического региона, Совет государств Балтийского моря, Северный совет и Совет министров северных стран и др.

• Международные неправительственные организации: Арктический совет атабасков, Саммит арктических лидеров, международный Гринпис, Международный комитет по арктическим наукам, Международная федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, Циркумполярная конференция инуитов, Северный форум, Северный исследовательский форум, Совет саамов, Ассоциация зимних городов и др.

• Администрации регионов: провинций, округов и муниципалитетов; организации коренных народов и неправительственные организации отдельных стран.

• Транснациональные корпорации: горнодобывающие, нефтегазовые, транспортные, телекоммуникационные и др.

Активно развивается региональное сотрудничество между коренными народами, местными региональными правительствами и общественными организациями. Сотрудничество строится на традициях социальных и торговых связей между коренными народами и обществами. Новые международные участники придали процессу особую динамику, при которой трансграничная кооперация создает новый ресурс развития. Отчасти это связано с политическими и институциональными изменениями в северном управлении, принесшими больше самоуправления и автономии. Арктическая геополитика совершила поворот от государственного доминирования и милитаризации к ориентации на человека и общественные структуры.

Северные коренные народы играют важную роль в ослаблении напряженности в Арктике. Однако населяемые ими территории имеют стратегическое значение в военном и природно-ресурсном отношениях. Гибельные последствия разработок природных ресурсов и трансграничного распространения загрязняющих веществ привлекли внимание международных природоохранных организаций. На фоне отступления проблем военной безопасности на второй план все отчетливее осознаются общие цели охраны окружающей среды и развития. Экологический ущерб от прошлой и текущей военной и промышленной деятельности наряду с серьезными расхождениями интересов государств и коренных народов сделали защиту окружающей среды острой международной проблемой и выдвинули ее на арену внешней политики государств Арктики.

Быстро возрастающая геополитическая, ресурсная, экономическая и экологическая роль Арктики требует от мирового сообщества и приарктических государств разработки принципиально новых подходов к освоению территорий. В связи с началом крупномасштабных разработок природных ресурсов, освоения территорий и создания новых транспортных путей возникли существенные проблемы, порожденные несовершенством законодательства в отношении контроля над загрязнением окружающей среды. Усилия Арктического совета и международных организаций направлены на разработку общей правовой основы регулирования всех основных видов хозяйственной и иной деятельности человека в Арктике. Необходимо формирование правовой системы, которая учитывала бы современные реалии и на основе как международных, так и национальных интересов могла бы создавать условия для успешного решения вопросов межгосударственных пространств и выделения рыбоохранных зон, хозяйственной деятельности, охраны окружающей среды, соблюдения прав человека и др.

Арктические споры

Столкновение интересов в Арктике связано с потенциальными стратегическими выгодами, которые определяются географическим положением северных вод и прилегающих к ним участков суши. Наличие в Арктике значительных природных ресурсов издавна вызывало в регионе конфликтные ситуации разной степени интенсивности. Изначально их участников интересовали промысловые богатства северных вод (рыба и морские млекопитающие). В дальнейшем по мере проведения геологоразведочных работ внимание многих государств мира привлекли энер-

горесурсы. По данным ООН, только разведанные запасы арктических месторождений нефти составляют более 100 млрд тонн (что соответственно в 2,4 и 2,1 раза превышает разведанные ресурсы России и Саудовской Аравии).

По прогнозам, в результате таяния арктических льдов уже к середине XXI в. северные морские пространства станут судоходными, через них будут проходить до 40 % мировых транспортных путей. Все это существенно облегчит добычу полезных ископаемых и удешевит перевозки.

Кроме того, арктические территории имеют стратегическое значение не только в природно-ресурсном и экономическом отношениях, но и в военном и экологическом аспектах.

Пространство нашей планеты разделено на две категории: территории, контролируемые суверенными государствами, и зоны, которые никто не контролирует. Большая часть Мирового океана относится ко второй категории.

Международно-правовой статус пространств Северного Ледовитого океана во многом определяется его особым географическим положением, резко отличным от положения всех других морских пространств. В 1920-х гг. он был разделен на пять полярных секторов, принадлежащих прибрежным государствам (СССР, Норвегия, Дания, США и Канада).

В 1982 г. ООН приняла Конвенцию по морскому праву, согласно которой суверенитет приарктических государств распространяется на их исключительные экономические зоны, расположенные в 200 морских миль от побережья. В пределах такой зоны прибрежным государствам разрешено разведывать и разрабатывать залегающие на дне природные ресурсы. Недра морей и океанов за пределами экономических зон являются общим наследием человечества, и любое государство мира имеет право подать заявку на разработку участка дна моря.

Все приарктические государства считают Северный полюс своим; отсюда шутка: скоро ООН доложит человечеству о шести Северных полюсах – русском, американском, канадском, датском и шведском, а шестой полюс откроет тот, у кого хватит влияния и денег на доказательства.

В июле – августе 2007 г. в ходе экспедиции «Арктика-2007» под руководством А. Н. Чилингарова исследователи погрузились в двух подводных аппаратах на дно Северного Ледовитого океана в районе Северного полюса и установили там российский флаг.

История притязаний различных арктических стран на полярные владения восходит к началу XX в. В 1909 г. Канада первой законодательно закрепила за собой территорию от побережья до Северного полюса. В 1924 г. права на Арктику предъявили США, объявив, что полярное дно является подводным продолжением Аляски. В 1920-х гг. СССР, Норвегия, Дания, владеющая Гренландией, США и Канада выдвинули концепцию о «полярных секторах», согласно которой все земли и острова, находящиеся в пределах полярного сектора соответствующего государства, а также постоянные ледяные поля, припаянные к берегу, входят в состав государственной территории. Под полярным сектором понимается пространство, основанием которого является северная граница государства, вершиной – Северный полюс, а боковыми границами – меридианы, соединяющие Северный полюс с крайними точками северной границы территории данного государства. России принадлежит самый большой сектор – около трети всей площади шельфа Арктики. Эти районы не находятся под суверенитетом государств и не входят в состав государственных территорий, но каждое прибрежное государство имеет суверен-

ные права на разведку и разработку природных ресурсов прилегающих к нему континентального шельфа и экономической морской зоны, а также на охрану природной среды этих районов. В 1926 г. СССР определил границы своих полярных владений от Кольского полуострова через Северный полюс до Берингова пролива. В 1950-х гг. Канада через Международный суд ООН попыталась узаконить свои полярные владения. Суд постановил, что территории от канадского побережья до Северного полюса отойдут Оттаве, если за 100 лет никто не докажет свои права на них. В 1970 г. Канада согласилась на установление разграничительной линии в районе залива Мэн в соответствии с принципами Женевской конвенции 1958 г. о континентальном шельфе. В 1977 г. Канада установила 200-мильную рыболовную зону и официально объявила о своих территориальных водах в данном районе. В 1984 г. спор по заливу Мэн рассматривался в Международном суде ООН. По решению суда две трети вод залива Мэн отошли к США, треть – к Канаде. Кроме того, США и Канада должны урегулировать вопросы, связанные с Северо-Западным проходом. До настоящего времени сохраняется давний спор Дании и Канады относительно крошечного необитаемого острова Ханса (Туркупалук), который расположен между Гренландией и Землей Баффина во льдах Северо-Западного прохода, соединяющего Тихий и Атлантический океаны.

В 1990 г. было подписано соглашение между Россией и США «О линии разграничения морских пространств», призванное окончательно определить морские границы Советского Союза и Соединенных Штатов в Чукотском и Беринговом морях. В результате шельф Берингова и Чукотского морей де-факто делится между Россией и США в пропорции 30:70 соответственно. США ратифицировали это соглашение, Россия – нет.

Долгое время поводы для конфликтных ситуаций создавало отсутствие окончательной делимитации российско-норвежской границы в Арктике. В 2010 г. удалось достигнуть прорыва в российско-норвежских отношениях по вопросу о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане. Установление четких границ зон юрисдикции России и Норвегии создает благоприятные правовые условия для освоения нефтегазовых ресурсов арктического континентального шельфа, а также рыболовства в бывшем спорном районе.

В начале XXI в. на первый план вышла дискуссия об уточнении юрисдикции государств в арктических широтах. Один из основных споров развернулся вокруг подводного хребта Ломоносова протяженностью 1,8 тыс. км и средней шириной 200 км, который пролегает в Северном Ледовитом океане от России до Канады. В 2001 г. Россия представила в Комиссию ООН по границам шельфа заявку, включающую научные данные о том, что по геологическому строению хребет Ломоносова является продолжением ее континентального шельфа. В случае признания этих материалов обоснованными Россия получит право на расширение своей исключительной экономической зоны на 1,2 млн км^2. Однако, по мнению экспертов Комиссии ООН, представленных данных недостаточно. В связи с этим Россия проводит дополнительные геологические исследования, чтобы представить убедительные научные данные, подтверждающие континентальную природу хребта Ломоносова.

Приарктические государства предпринимают активные шаги по расширению своего научно-исследовательского, экономического и даже военного присутствия в Арктике. Ведущие морские государства уже заявили о своей готовности к разра-

ботке арктического шельфа. Страны-претенденты снаряжают экспедиции, цель которых – заявить о правах на максимально возможные акватории. Исследовательская активность в Арктике постоянно возрастает: Норвегия в 2004 и 2006 гг. проводила буровые работы в Баренцевом море, США с 2000 г. исследуют арктическое морское дно. В Северном Ледовитом океане к северу от мыса Бэрроу на Аляске и Чукотском море проводятся совместные американо-канадские исследования по проекту «Границы континентального шельфа». Канада первая из приполярных государств начала патрулирование арктических территорий. Кроме того, канадцы запустили спутниковую систему «Радарсат-2», обеспечивающую наблюдение за Арктикой. Цель Канады – обеспечение своих позиций в регулировании судоходства по Северо-Западному проходу (СЗП), то есть пути из Европы в Азию вдоль северного побережья Канады. В 2009 г. многонациональная команда на шведском ледоколе «Oden» проплыла от Шпицбергена до Северного полюса для уточнения положения хребта Ломоносова. Открыли свои исследовательские станции в Арктике Китай, Германия, Индия и Швеция.

Арктика как глобальный экологический ресурс планеты

Арктика играет решающую роль в глобальных экологических вопросах. Долгое время она служила научной лабораторией, в том числе экологической. Арктический регион часто называют «ключевым районом», подразумевая определяющее влияние на планетарный климат, глобальные геофизические и биологические процессы. Специфические особенности арктической окружающей среды служат индикаторами глобальных экологических воздействий, таких как изменение климата и трансграничный перенос загрязнителей на большие расстояния.

Ожидается, что в XXI в. изменение климата в полярном регионе будет одним из самых значительных среди всех регионов на Земле и может вызвать экономические и экологические последствия планетарного масштаба. Предполагается, что освобождение поверхности Северного Ледовитого океана ото льда позволит превратить его в важнейшую круглогодичную транспортную артерию. Масштабное загрязнение воздушного пространства и моря, радиоактивность и климатические изменения создают серьезные проблемы для Арктики, северных народов и сообществ.

С точки зрения реализации нефтегазовых проектов Арктика – один из наиболее сложных регионов в мире. Связано это с географической удаленностью, крайне низкими температурами, сложной ледовой обстановкой, уязвимой окружающей средой и присутствием коренного населения, обеспокоенного любым вмешательством извне.

Нефтегазовые проекты в Арктике должны предусматривать защиту экосистем и живой природы. На суше последствия загрязнения среды промышленными отходами могут ощущаться в течение десятилетий, причем пораженной может оказаться вся цепочка производства пищевой продукции, весьма уязвимой в этом плане отрасли экономики. Растительность Арктики чувствительна к загрязнению и медленно восстанавливается. Растения, подвергшиеся негативному воздействию, оказывают в свою очередь отрицательное воздействие на птиц и млекопитающих за счет уменьшения объемов пищи для них и числа мест обитания. Морское бурение, дноуглубительные и ряд других работ производственного характера отрицательно влияют на жизнь морских организмов.

Мировой океан все в большей степени превращается в мировую свалку из промышленных и бытовых отходов, радиоактивных и химических захоронений.

Много лет бытовало представление о неограниченных возможностях самоочищения морских вод. Знаменитый французский океанограф Жак Ив Кусто, который в течение многих лет изучал моря и океаны, пришел к обоснованному заключению о надвигающейся экологической катастрофе глобального масштаба, так как море, по его мнению, стало «сточной ямой», куда стекают отходы человеческой деятельности, и потому «из этой сточной ямы уходит жизнь».

Мировая общественность не случайно уделяет первостепенное внимание предупреждению и ликвидации разливов нефти в море. Большинство крупных разливов имеют трансграничный характер как по непосредственному выносу нефти на побережье, так и по последствиям вредного хронического воздействия на морскую флору и фауну.

Особое значение для арктических и прилегающих регионов приобретает проблема загрязнения моря нефтью и нефтепродуктами в связи с интенсивным развитием нефтегазовой отрасли в Арктике. На этапе разведки и эксплуатации морских месторождений самую большую опасность представляют аварийные ситуации на буровых скважинах и плавучих платформах – нефтегазовые фонтаны из скважин, возникающие при этом пожары, внезапное разрушение оборудования и трубопроводов, ошибочные действия персонала, разрушение несущих конструкций и др.

Крупнейшая техногенная катастрофа произошла 20 апреля 2010 г. в Мексиканском заливе на нефтяной платформе Deepwater Horizon (компании British Petroleum – BP). В результате взрыва погибли 11 нефтяников, сама платформа затонула, начался масштабный разлив нефти из скважины на дне океана. Мексиканский залив превратился в «мертвую зону», особый вред был нанесен штатам Луизиана, Миссисипи и Алабама. Президент США Б. Обама назвал утечку нефти «беспрецедентной экологической катастрофой». Компания BP заявила, что берет на себя полную ответственность за последствия аварии на нефтедобывающей платформе в Мексиканском заливе. Общая утечка нефти составила 5 млн баррелей, причем собрана или уничтожена была лишь десятая ее часть. Значительный объем нефти остался лежать на глубине. Стоимость всех мер, принятых BP по устранению разлива нефти, оценивается в 8 млрд долларов.

Многие коренные народы Арктики – а их численность составляет около 400 тыс. человек – продолжают всецело полагаться на традиционные способы существования, что ставит их в полную зависимость от арктической экосистемы в вопросах питания, проживания и сохранения самобытности их культуры. Реализация нефтегазовых проектов, безусловно, приносит свои выгоды для местного населения, например связанные с увеличением числа рабочих мест, однако многие жители испытывают в этой связи и определенные неудобства и проблемы. Поэтому задача, стоящая перед государствами, граничащими с Арктикой, заключается в поиске путей разработки ее энергетических ресурсов и одновременного обеспечения защиты окружающей среды и сохранения культуры и укладов местного населения.

Глобальные климатические изменения могут породить и межгосударственные противоречия, которые связаны с поиском и добычей энергоносителей, с использованием морских транспортных путей, биоресурсов, с дефицитом водных и продовольственных ресурсов. Страны Арктического региона разрабатывают национальные и региональные климатические программы, направленные на адаптацию к неблагоприятным последствиям климатических изменений. Проблема экологической безопасности северных и арктических регионов постоянно находится в фо-

кусе внимания международных организаций и структур, правительств различных стран, научных центров и общественных движений.

Арктическая зона России

Россия всей своей историей, жизненными и национальными интересами неразрывно связана с Арктикой. Незримая линия Полярного круга протяженностью более 20 тыс. км пересекает огромные пространства страны и географически определяет границу российской Арктической зоны с территорией континентальной суши и островов более 3 млн км^2 и шельфа более 4 млн км^2. Российское государство не только владеет самыми крупными территориями и акваториями в Заполярье, но и является несомненным лидером по потенциалу «арктической экономики» в связи с формированием мощного нефтегазового комплекса и обладанием ресурсами твердых полезных ископаемых мирового значения.

В 2008 г. президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым были утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». В этом документе определяются основные национальные интересы Российской Федерации в Арктике: использование Арктической зоны в качестве стратегической ресурсной базы Российской Федерации, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны; сохранение Арктики в качестве зоны мира и сотрудничества; сбережение уникальных экологических систем Арктики; использование Северного морского пути в качестве национальной единой транспортной коммуникации Российской Федерации в Арктике.

У России в начинающейся геополитической игре есть свои «козыри». Среди них – Штокманское газоконденсатное месторождение с запасами газа 3,7 трлн м^3 (которое находится в суверенных водах России) и подводный хребет Ломоносова. Важно отметить, что разработка месторождения «Штокман» открывает перспективы освоения всего арктического шельфа России. Проекты такой сложности еще никогда и нигде не реализовывались, поэтому в освоении «Штокмана» будут участвовать лучшие в своем классе компании мира. В 2008 г. для разработки месторождения создан международный консорциум Shtokman Development (51 % акций принадлежит «Газпрому», 25 % – французской Total и 24 % – норвежской Statoil). На первом этапе планируется ежегодно добывать 22 млрд м^3 газа, половина из которого пойдет на производство сжиженного природного газа, а вторая часть будет транспортироваться по трубопроводу в Европу. «Газпром» пытается структурировать будущее сотрудничество в «Штокмане»: кроме французской и норвежской компаний он приглашает китайских и других партнеров, сохраняя свои лидирующие позиции, так как общие капитальные затраты предварительно оценены в 250–300 млрд долларов. Найти и освоить такие объемы в одиночку не под силу даже «Газпрому». Американские эксперты тактику «Газпрома» охарактеризовали как наступление на Северный полюс, что, по их мнению, может привести к пересмотру мировой энергетической политики, когда широкое использование газа даст России особые преференции.

Для проведения широкомасштабного исследования Арктики, сбора убедительных доказательств континентальной природы арктического шельфа требуются значительные финансовые ресурсы. Но кроме увеличения затрат на научные исследования шельфа России предстоит «генеральная уборка» того «наследия», ко-

торое осталось от советского освоения Арктики. СССР вложил огромные средства в полярные исследования, создал самую мощную в мире систему метеостанций в полярных широтах, еще больше средств потребовалось на создание рубежей обороны, сетей связи и наблюдений систем ПВО и ВВС. Десятки лет в Арктику завозилось все, что нужно для ее освоения, для жизни и деятельности людей, но фактически ничего из отходов с арктической территории не было вывезено. В апреле 2010 г., во время своего пребывания на архипелаге Земля Франца-Иосифа, премьер-министр РФ В. В. Путин заявил, что необходимо очистить этот регион от заброшенных свалок токсичных отходов, пустых бочек, а также различной техники, ставшей бесхозной после распада СССР.

Стратегия освоения Арктики

Повышенный интерес к региону обусловлен в первую очередь возможностями добычи здесь руд и углеводородного сырья. Для разработки крупнейших месторождений требуются значительные долгосрочные инвестиции и применение новейших технологий, поэтому проекты реализуются консорциумами из компаний мирового уровня. Для формирования нефтегазового комплекса в Северном море силами четырех государств потребовалось около 40 лет. Столько же времени своего «звездного часа» дожидались открытые месторождения полуострова Ямал до проектируемого начала их эксплуатации в 2010–2030 гг. Не менее сложные проблемы связаны с освоением Таймыра, Полярного Урала, архипелага Новая Земля, севера Якутии и Чукотки – каждый из этих регионов по территории превышает многие европейские государства и содержит месторождения ценных руд мирового значения.

Кардинальные изменения в экономической структуре Арктики связаны с формированием мощного нефтегазового комплекса как на суше, так и на море. Морская деятельность в значительной степени регламентируется международным правом, однако неоднократно поднимался вопрос о необходимости принятия специального закона, учитывающего специфику арктических морей и предусматривающего меру ответственности за их загрязнение. Арктика обладает ресурсами нефти и газа, сопоставимыми с Персидским заливом, но находится в несоизмеримо более сложных природных условиях. Для освоения потенциальных ресурсов потребуются не только применение новейших технологий, но и адаптация их для проектов, не имеющих аналогов во всем мире.

Научно-технический прогресс достиг уровня, когда проекты, которые совсем недавно казались фантастикой, становятся реальностью. Темпы освоения в основном будут определяться не техническими возможностями, а конъюнктурой мирового рынка и реальной политикой государств. «Энергетическая стратегия России до 2030 г.» направлена на постепенный переход от ресурсной политики к высокотехнологичным и инновационным технологиям. Во второй половине XXI в. приоритетными станут направления нефтехимического производства и экспорта готовой продукции, соответственно ускорение выполнения чрезвычайно сложных морских проектов по добыче и экспорту сырой нефти и газа теряет смысл.

Период освоения Арктики методами эксплуатации изолированных месторождений закончился. На смену пришла концепция комплексного освоения территорий в соответствии с долгосрочными национальными программами развития ин-

фраструктуры территорий. Большое значение для их эффективной и взаимовыгодной реализации приобретает партнерство государства и частного бизнеса.

Проблемы справедливого распределения доходов, с учетом национальных и общественных интересов, можно решить путем совершенствования форм и содержания лицензионных соглашений. Государственная прерогатива – экспертиза проектов, контроль и мониторинг над выполнением технических и экологических требований, а также включение в контракты пунктов, предусматривающих защиту интересов региональных властей и местного населения. Вопросы окружающей среды давно вошли как обязательная составляющая технического обоснования проектов.

Формирование интегрированных информационных и спутниковых систем, единых транспортных сетей и выполнение крупных проектов международными консорциумами – изменения, свидетельствующие о консолидации как арктических, так и соседних государств. Для решения проблем охраны окружающей среды необходимо расширение международного сотрудничества, основные принципы которого разрабатывает Арктический совет.

Предстоит создать не только единые стандарты по предельным выбросам загрязняющих веществ и глобальные системы мониторинга, но и контролирующие структуры, наделенные полномочиями по взысканию штрафов за принесенный ущерб. Целесообразно создание международной арктической службы быстрого реагирования, которая обеспечит привлечение специальной техники и высококлассных специалистов для ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и аварийных выбросов загрязняющих веществ. Одним из источников финансирования деятельности этой службы может стать обязательное экологическое страхование производств, характеризующихся повышенными экологическими рисками.

Современная концепция освоения Арктики базируется не только на принципиально новых возможностях научно-технического прогресса, но и на осознании человечеством необходимости бережного отношения к природе. Будущее поколение не должно получить в наследство планету, изуродованную в угоду промышленному развитию.

Экстремальные природно-климатические условия освоения Арктики, чрезвычайная уязвимость и медленная восстанавливаемость природных арктических экосистем, несовершенство правового регулирования территориальных споров – все это требует нетрадиционных организационных и технико-технологических решений и, естественно, влечет за собой привлечение колоссальных финансовых средств. Но это возможно только при условии объединения интеллектуально-финансовых ресурсов планеты, то есть формирования единого платежного субъекта. Ни в одной стране мира на это не хватит ни техники, ни технологий, ни материально-финансовых ресурсов, то есть задачи освоения ресурсов Арктики столь грандиозны, что многие из них можно будет осуществить только в XXII в., при условии создания к тому времени инфраструктурной базы для освоения и эксплуатации углеводородных месторождений Арктики.

Современные условия развития мира характеризуются обострением противоречий между глобальными, региональными и национальными интересами государств практически во всех сферах их взаимоотношений. В Арктике это проявляется более явно и жестко. Поэтому главный вопрос для приарктических государств, а также для всех потенциальных участников освоения природных ресурсов

Арктики – это обеспечение национальных интересов. Вместе с тем необходимо использовать интеграционный потенциал стран, образующих центры экономических и коммерческих связей, с учетом интересов широкого круга членов мирового сообщества. Для освоения Арктики необходимо формирование своего рода планетарного субъекта, реальное объединение ресурсов всего мирового сообщества, интеграция усилий приарктических государств и всех заинтересованных стран. Масштабность стоящих задач по освоению полярного региона требует выработки сбалансированной стратегии их решения, исходящей из взаимосвязанности проблем национальной безопасности государств и социально-экономического развития Арктического региона в целом.

Можно предположить, что в будущем труднодоступные природные ресурсы в Арктике, Антарктиде и других районах Земли, а позднее и на Луне станут достоянием всего человечества, их освоение, добыча и распределение будут регулироваться глобальными соглашениями.

Человечество уже осознало степень и масштабы угроз, которые несут обществу неограниченный промышленный рост, бездумная эксплуатация природных ресурсов, экологические катастрофы.

Устойчивое развитие Арктического региона

Быстро возрастающее значение Арктики требует от мирового сообщества и приарктических государств разработки принципиально новой арктической политики, направленной на обеспечение устойчивого развития полярных территорий. Интеграция Арктики в глобальное политическое и экономическое пространство связана с решением важнейших задач освоения полярного региона. Среди них – рациональное размещение производственных отраслей (прежде всего нефтегазовой отрасли), отвечающее новым территориальным, экономическим и демографическим условиям; защита и восстановление окружающей среды (включая уникальные природные комплексы); охрана традиционных форм жизнедеятельности коренных народов Арктики, их права на промыслы, на закрепление за ними природных комплексов, с которыми связаны проживание этих малочисленных народов и традиционные формы их занятий.

Устойчивое развитие в Арктике призвано ориентировать хозяйственную деятельность на удовлетворение нынешних экономических и социальных потребностей, не ставя под угрозу экологическое состояние и ресурсную базу Арктики в будущем. Упор на удовлетворение потребностей означает, что центральным элементом концепции устойчивого развития выступает принцип справедливости и особое внимание уделяется сохранению возможностей для будущих поколений. Требуется разумное управление ресурсами Земли для будущей экономической деятельности, а одним из аспектов является сохранение и рациональное использование природных ресурсов.

Устойчивое развитие Арктического региона – сложный процесс согласованной политики и сотрудничества в первую очередь приарктических государств. Решение территориальных споров, разработка принципов использования биологических ресурсов и создание международных транспортных коридоров – важнейшие вопросы арктической политики. Совместные усилия государственных структур и общественности призваны обеспечить гармоничное развитие территорий с сохранением экологического равновесия Арктического бассейна.

Литература

Барсегов, Ю. Г., Корзун, В. А., Могилевкин, И. М. и др. 2002. *Арктика: интересы России и международные условия их реализации.* М.: Наука.

Головнев, А. В. (ред.) 2007. *Доклад о развитии человека в Арктике* / пер. с англ. Екатеринбург; Салехард.

Грамберг, И. С., Лаверов, Н. П., Додин, Д. А. 2000. *Арктика на пороге третьего тысячелетия: ресурсный потенциал и проблемы экологии.* СПб.: Наука.

Гранберг, А. Г., Пересыпкин, В. И. 2006. *Проблемы Северного морского пути.* М.: Наука.

Додин, Д. А. 2005. *Устойчивое развитие Арктики: проблемы и перспективы.* СПб.: Наука.

Додин, Д. А. (гл. ред.) 2007. *Минерально-сырьевые ресурсы Российской Арктики: состояние, перспективы, направления исследований.* М.: Наука.

Емельяненко, В. 2007. Ледяная лихорадка. *Профиль* 29(537). Интернет-ресурс. Режим доступа: www.profile.ru/items/?item=23729

Колодкин, А., Галандин, С. 2007. Российский флаг на Северном полюсе. *Международная жизнь* 9: 3–15.

Мазур, И. И., Мазур, И.-мл. (гл. ред.) 2011. *Арктика: история, современность, горизонты будущего.* М.: Изд. центр «ЕЛИМА».

Anderson, A. 2010. *After the Ice: Life, Death, and Geopolitics in the New Arctic.* N. Y.: Harper Paperbacks.

Byers, M. 2010. *Who Owns the Arctic? Understanding Sovereignty Disputes in the North.* Vancouver: Douglas&McIntyre.

Emmerson, Ch. 2010. *The Future History of the Arctic.* N. Y.

Howard, R. 2009. *Arctic Gold Rush: The New Race for Tomorrow's Natural Resources.* London; N. Y.: Continuum.

Williams, G. 2010. *Arctic Labyrinth: The Quest for the Northwest Passage.* Berkeley: University of California Press.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС: РЕСУРСНЫЙ И ЭВОЛЮЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ

В. В. Снакин

Анализируется динамика народонаселения планеты, продовольственных и энергетических ресурсов. Обобщаются основные закономерности аутогенной эволюции экосистем с целью понимания механизмов функционирования биосферы и выявления роли в них антропогенного фактора. Анализ показывает, что современные глобальные процессы соответствуют аутогенному пути (саморазвитию) и нет достаточных научных оснований утверждать наличие глобального экологического кризиса при современном уровне природопользования.

Ключевые слова: *экологический кризис, демографический переход, продовольственные и энергетические ресурсы, глобальные экологические процессы, эволюция экосистем, саморазвитие экосистем, проблемы ноосферы.*

Введение

Экологическое неблагополучие на многих территориях мира, загрязнение и непомерное потребление природных ресурсов, наличие «горячих экологических точек», волнения по поводу изменений климата вполне естественно порождают предположения о глобальном экологическом кризисе и даже о возможном коллапсе нашей цивилизации, о возможной гибели человечества и даже биосферы. Насколько оправданны такие предположения? Чего здесь больше: политической рекламы, попыток реализовать корпоративные интересы или реальных необратимых катастрофических изменений природы?

Одна из первых работ алармистского плана «Пределы роста» (Meadows *et al.* 1972), выполненная в рамках Римского клуба, прогнозировала наступление порожденного неуемным потребительством человечества глобального экологического кризиса до конца XX в. В дальнейшем рамки наступления кризиса и гибели человечества этими же авторами были отодвинуты на более отдаленные сроки (Медоуз и др. 2007).

Попытаемся рассмотреть проблему возможного наступления глобального кризиса с позиций имеющихся данных о росте народонаселения, об обеспеченности ресурсами, с одной стороны, и положений эволюционной теории – с другой.

Ресурсный аспект

Прежде всего остановимся на первопричине многих отмечаемых негативных процессов на Земле – **росте численности человечества.** На сегодняшний день можно с уверенностью констатировать, что экспоненциальный рост народонаселения планеты, порождающий перенаселение, сменился противоположной для большинства развитых государств проблемой депопуляции, то есть превышением смертности над рождаемостью.

Кривая численности населения на Земле в течение последней тысячи лет круто устремилась вверх, при этом за XX в. численность человечества возросла почти в 4 раза (с 1,65 до 6,06 млрд), что носило характер демографического взрыва. Однако для нас важнейшим является современный отрезок кривой численности человечества, показывающий принципиальное изменение в динамике человеческой популяции: кривая выходит на стадию насыщения.

Мы живем в период так называемого *демографического перехода* – начала процесса стабилизации народонаселения путем перехода численности населения Земли в целом от экспоненциального роста (демографического взрыва) к стабилизации и сокращению (депопуляции). Демографический переход пережили все страны, только в разное время. Развитые страны первыми вступили в стадию демографического перехода. В развивающихся странах в целом сокращение прироста населения началось только после 2000 г. Так, ежегодный прирост мирового населения уменьшился с 1,7 % в 1987 г. до 1,1 % в 2007 г. По имеющимся прогнозам (Медоуз и др. 2007; Капица 2008), предполагается *стабилизация численности* населения Земли к концу XXI в. на уровне 10–12 млрд человек. В настоящее время население мира растет только за счет роста населения развивающихся стран.

Насколько долговременны наблюдающиеся тенденции? Как долго еще будет расти народонаселение Земли? А главное, чем обусловлены имеющиеся тенденции?

В таблице 1 приведена статистическая обработка информации по различным странам с населением, превышающим 30 млн человек, то есть свыше 80 % населения Земли (Мир… 2005). Анализ материалов и соответствующих коэффициентов корреляции показывает, что рост населения еще продолжается на территории государств, представляющих около 46 % населения Земли (там, где число детей на одну женщину 2,2 и более), высокий показатель уровня жизни (высокий уровень ВВП) отрицательно влияет на рождаемость и число детей на одну женщину (–0,70 и –0,59 соответственно).

Рост уровня ВВП в наибольшей степени коррелирует с рождаемостью. Однако эта эмпирически отмечаемая взаимосвязь не может объяснить механизм демографического перехода. Почему же растущий уровень жизни способствует снижению рождаемости? Попытаемся ответить на этот вопрос после рассмотрения теоретического аспекта эволюции.

Таблица 1

Коэффициенты корреляции между демографическими показателями стран с населением свыше 30 млн человек

Показатели	Численность населения	Число детей на одну женщину	Рождаемость	Смертность
Число детей на одну женщину	0,06	–	0,97	0,07
Рождаемость	0,06	0,97	–	–0,001
Смертность	–0,001	0,07	–0,001	–
ВВП на душу населения	–0,11	–0,59	–0,70	0,02

Более острая демографическая ситуация (депопуляция), сложившаяся в России и на постсоветском пространстве, обусловлена «вторым эхом» Великой Отечественной войны (неродившиеся внуки погибших россиян). В настоящее время «второе эхо» завершается, и в стране наметился рост рождаемости (по всей вероятно-

сти, от теперешних 1,1–1,2 ребенка на одну женщину до более характерных величин этого показателя для стран Европы – 1,4–1,5 ребенка[1]).

Проблема продовольствия со времен Т. Мальтуса (1766–1834), обнаружившего несоответствие между геометрическим ростом населения и арифметическим приростом продовольствия, принципиально изменилась. Несмотря на мировую тенденцию снижения площади пашни, особенно в расчете на душу населения, как по причине роста этого населения, так и по причине интенсификации сельскохозяйственного производства с выводом из сельскохозяйственного оборота части деградированных, малопродуктивных и охраняемых земель, мощность сельскохозяйственного производства одних только США (а сейчас и Аргентины) может при необходимости обеспечить продовольствием население всей Земли. В целом человечество уже производит достаточно пищи, чтобы накормить население всей планеты, но слишком часто она оказывается не в том месте, где особенно необходима либо недоступна, либо не может храниться достаточно долго. В целом намечается постепенное решение продовольственной проблемы: хотя абсолютная численность голодающих остается на недопустимо высоком уровне, доля их неуклонно сокращается – с 37 до 13 % за период с 1950 по 2002 гг. (ГЕО-4… 2007).

Проблема минеральных ресурсов особенно остра в области энергетических ресурсов. Энергетика – это самый большой загрязнитель планеты. Среди энергоресурсов важнейшим является *нефть*. По имеющимся оценкам, мировые запасы нефти составляют: утвержденные запасы 174 млрд т + 270 (предполагаемые запасы) + 750 млрд т (в битумах) (Глобальная… 2006). При ежегодном мировом потреблении в 5 млрд т этих запасов должно хватить на сотню лет.

Мировые запасы *природного газа* – 350–400 трлн м^3. При ежегодной добыче 2,8 трлн м^3 здесь также можно говорить о столетней обеспеченности. Если иметь в виду потенциальные месторождения и перспективы освоения грандиозных запасов газогидратов, то эту обеспеченность можно как минимум удесятерить.

Угли составляют 87,5 % прогнозных ресурсов ископаемого топлива Земли. Мировые доказанные запасы природного угля по своему энергетическому эквиваленту превышают суммарные запасы нефти и газа и обеспечивают современный уровень добычи (4,8 млрд т) в течение более 300 лет, а с учетом потенциальных запасов (свыше 4800 млрд т) – на гораздо более длительный срок (Там же).

Ядерная энергетика за 50 лет своего развития в мировом энергобалансе достигла 7 % (прогноз на 2050 г. – 14 %, к концу XXI в. – 26 %). Большие перспективы связываются с промышленными разработками в области термоядерного синтеза – относительно безопасного вида ядерной энергетики, обеспеченного запасами водорода (дейтерия и трития) на многие тысячи лет. К 2012 г. во Франции (г. Кадараш) совместными усилиями (ЕС – ЕВРАТОМ, Япония, Россия, США, Китай, Индия, Южная Корея) планируется построить первую в мире термоядерную электростанцию – экспериментальный термоядерный реактор, или ИТЭР (International Termonuclear Experimental Reactor), – по сути, открывающую новую эру производства электроэнергии.

При том что энергоемкость продукции имеет тенденцию к снижению, с учетом развития энергосберегающих технологий и растущего использования возобновимых ресурсов шансы решения энергетических проблем человечества на длительную перспективу вполне удовлетворительны.

---

[1] Для простого воспроизводства среднее значение этого показателя должно составлять примерно 2,1 ребенка на одну женщину.

Ресурсы климата в полной мере находятся во власти нашего светила. Об исчерпании этого ресурса можно говорить только в гипотетическом аспекте. Как бы мы ни преувеличивали возможности человечества в области так называемых глобальных изменений климата (загрязнение атмосферы, парниковый эффект и т. п.), основной вклад в динамику температуры нашей планеты вносят процессы, происходящие в недрах самого Солнца.

Некоторый рост температуры, наблюдаемый в последнее время на Земле (на 1 ºС для территории России за последнее столетие, по данным Росгидромета), – всего лишь «земное эхо солнечных бурь». Согласно наблюдениям ученых НАСА (США), глобальное потепление наблюдается не только на Земле, но и на Марсе (Портнов 2008), где деятельность человека пока не имеет места. Нет также никаких существенных доказательств того, что повышение температуры обусловлено ростом концентрации углекислого газа в атмосфере; скорее всего, все как раз наоборот: с отмечаемым ростом температуры растет содержание углекислоты в воздухе за счет выделения ее из Мирового океана, где этого углекислого газа в 50 раз больше, чем в атмосфере.

Даже аномально жаркое лето 2010 г. (особенно для территории России), по-видимому, обязано катаклизмам, произошедшим на Солнце. По сведениям британского научного еженедельника New Scientist, 1 августа на поверхности светила ведущими астрофизическими обсерваториями мира были зарегистрированы две гигантские вспышки. Они сопровождались двумя мощнейшими взрывами, приведшими к высвобождению огромных масс энергии, то есть речь идет о некоем подобии «космического цунами».

Более того, по мнению многих специалистов, мы живем в эпоху похолодания и наблюдающееся потепление есть лишь небольшое отклонение от этого процесса. Так, в частности, В. М. Веласко Эррера (Институт геофизики Мексиканского университета) утверждает, что примерно через 8–10 лет солнечная активность может понизиться и в последующие 60–80 лет нас ожидает «малый ледниковый период».

Динамика озонового слоя планеты, также ответственного за состояние планетарного климата, по всей вероятности, обусловлена также не деятельностью человека, а усилением глубинной водородно-метановой дегазации, разрушением озона водородом из жидкого ядра Земли (Сывороткин 2010).

В любом случае наблюдаемые флуктуации в динамике температуры, содержания углекислого газа в атмосфере, площади «озоновых дыр», колебаний уровней Черного и Аральского морей находятся в пределах, отмечаемых за период существования нашей цивилизации. А отклонения от среднего значения, в том числе и аномальные, – вполне естественное проявление природных процессов.

Очевидно, что наличие и даже доминирование в глобальных процессах потепления гелиокосмических факторов не снимают с повестки дня негативное воздействие антропогенного фактора на состояние окружающей среды и процессы аридизации суши, в основе которых – не только загрязнение биосферы, но и деградация лесов, и неумеренная, провоцирующая эрозию и дефляцию распашка естественных ландшафтов, откачка подземных вод и другие нежелательные процессы.

Эволюционный аспект

Развитие экосистем происходит под воздействием внутренних причин (прогрессивная, когерентная или *аутогенная эволюция*) или под влиянием внешних факторов, носящих порой разрушительный характер (*аллогенная эволюция*). Движущей силой аутогенного развития экосистем является не противоборство различных видов и особей, а их способность ко взаимополезному симбиотическому сосуществованию в форме сообществ, приспособленных к условиям данной территории.

При этом прогрессивное развитие экосистем сопряжено с сокращением производства энтропии и выражается следующими закономерностями: биомасса увеличивается; отношение биопродуктивности к биомассе сокращается; общее разнообразие увеличивается; конкуренция уменьшается; целостность системы и замкнутость биогенного круговорота веществ возрастают; производство мортмассы сокращается (табл. 2).

Таблица 2

Тенденции изменения основных характеристик экосистемы в ходе аутогенной (прогрессивной) эволюции (по: Одум 1986; Красилов 1992; Снакин 2008 и др.)

Энергетика экосистемы
1. Возрастает биомасса (B) и количество органического детрита.
2. Возрастает валовая продукция (P) за счет первичной; вторичная малая изменяется.
3. Уменьшается чистая продукция.
4. Увеличивается дыхание (R).
5. Соотношение P/R приближается к единице (равновесию).
6. Соотношение P/B уменьшается.
Биологический круговорот
7. Круговороты элементов становятся все более замкнутыми.
8. Увеличивается время оборота и запас биогенных элементов.
9. Возрастает коэффициент цикличности (возобновление/вход).
Виды и структура сообщества
10. Меняется видовой состав сообщества.
11. Возрастает богатство как компонент биоразнообразия.
12. Возрастает выравненность как компонент разнообразия.
13. r-стратеги в широких масштабах заменяются K-стратегами.
14. Усложняются и удлиняются жизненные циклы.
15. В значительной степени развивается симбиоз.
16. Конкурентное давление уменьшается.
Устойчивость экосистем
17. Возрастает стабильность экосистем.
18. Снижается упругая устойчивость экосистем к внешнему воздействию.
Информационная компонента
19. Рост информационной насыщенности за счет увеличения биоразнообразия и роста взаимосвязей между видами и компонентами среды.
Общая стратегия
20. Возрастает эффективность использования энергии и биогенных элементов.

Закономерен и сам процесс смены стадий развития экосистем, то есть сукцессии. На первых этапах развития преобладают пионерные виды – малоприспособленные к окружающей среде, низкоконкурентные с высокой репродуктивной способностью (r-стратеги, так называемые эксплеренты, по терминологии Л. Г. Раменского, не отличающиеся большой заботой о потомстве). На развитых стадиях эволюции (климаксной стадии) доминируют сукцессионные виды, максимально приспособленные к среде, высококонкурентные, негэнтропийные с меньшей плодовитостью, но проявляющие большую заботу о потомстве (K-стратеги, или виоленты, по Л. Г. Раменскому).

Прогрессивная (когерентная, аутогенная) эволюция сменяется периодами некогерентного (аллогенного) развития (великими вымираниями, геобиологическими кризисами), вызываемыми природными катаклизмами, в частности дрейфом континентов (снятие биогеографических барьеров при объединении) и космическими катастрофами. В такие периоды указанные выше закономерности нарушаются, происходит резкое сокращение видового разнообразия, смена доминирующих видов и т. д. Соответственно перестраиваются стратегия популяций, характер отбора, а это в свою очередь приводит к изменениям на генетическом уровне, к новому витку видообразования.

Сопоставление теоретических положений и эмпирических материалов позволяет получить представление о характере современных глобальных процессов. Действительно ли можно говорить о наличии глобального экологического кризиса на планете? Или речь идет об аутогенном, прогрессивном развитии биосферы, а кризисные явления имеют лишь локальный характер?

Сохранение биоразнообразия – одна из приоритетно рассматриваемых глобальных экологических проблем. Человек систематически подавляет биологические виды – частью целенаправленно, уничтожая «вредные» виды, но главным образом в результате чрезмерной эксплуатации природных ресурсов и нарушения местообитаний. Имеющиеся ориентировочные оценки (точные расчеты провести невозможно из-за незаконченности инвентаризации биоты[2]) утверждают, что за последние десятилетия исчезла примерно пятая часть представителей растительного и животного мира (Красилов 1992).

Причины вымирания видов до сих пор дискуссионны. Ч. Дарвин считал вымирание видов и целых групп видов почти неизбежным следствием естественного отбора. История биосферы изобилует периодами массовой катастрофической гибели видов, несопоставимыми по масштабам с современными тенденциями. При этом обвинения в истреблении видов в адрес человека слишком часто представляются необоснованными. Это вполне очевидно в случае с исчезновением морской (стеллеровой) коровы, которая в отличие, например, от морского котика никогда не была объектом промысла. Более реальна та версия, что морская корова к моменту ее описания Стеллером уже почти вымерла, а командорское стадо было последней ее популяцией (Чайковский 2006; цит. по: Трифонов 2009). Также неизвестны причины вымирания морской обезьяны, открытой тем же Стеллером; во всяком случае, вымирание это происходило без малейшего участия человека.

В целом исчезновение только части видов можно связать с деятельностью человека. Причины исчезновения большинства видов остаются неизвестными (Трифонов 2009). Деятельность человека пока лишь в какой-то мере может ускорить (загрязнение окружающей среды, уничтожение биотопов) или замедлить (ботанические сады, зоопарки, криоконсервация семян и т. п.) этот процесс, но отменить его не в силах.

Таким образом, в отношении динамики разнообразия невозможно сделать однозначный вывод. С одной стороны, имеются сведения об исчезновении видов, с другой – можно утверждать, что, уничтожая многие естественные местообитания, человек создает новые техногенные территории и условия, то есть новые местообитания, давая толчок видообразованию. К этому нужно добавить достижения селекции, создавшей многочисленные подвиды сельскохозяйственных и домашних растений и животных, а также новые возможности генной инженерии.

[2] Некоторые виды исчезают, так и не будучи описанными человеком. Число видов оценивается величиной примерно 14 млн, а описаны лишь 1,5 млн (ГЕО-4… 2007). На таком фоне количественные оценки в потере биоразнообразия весьма дискуссионны.

Анализируя *биокультурное разнообразие,* важно отметить, с одной стороны, сокращение разнообразия жизненных укладов и культурных традиций. Коренное население тундры, тропических стран, пустынь безвозвратно утрачивает навыки традиционного природопользования. В то же время растет сложность мироустройства, народного хозяйства, приемов и методов использования природных ресурсов, резко возросла информационная компонента, что в целом делает картину мирового разнообразия все более сложной и насыщенной.

Наблюдаемое потепление климата может стать причиной **изменения биопродуктивности экосистем** в сторону повышения в тех районах, где позволяют условия увлажнения[3]. Согласно теоретическим положениям, в условиях аутогенной эволюции должен наблюдаться рост ежегодной первичной биологической продукции. К сожалению, мы пока не располагаем обобщением экспериментальных данных на этот счет в глобальном масштабе, чтобы сделать конкретные выводы о динамике этого процесса. Тем не менее обобщение имеющихся экспериментальных данных свидетельствует о стимуляции продукционного процесса при росте парциального давления углекислого газа (Robinson *et al.* 2007 и мн. др.). При этом, несмотря на значительные нарушившие биопродукционный процесс в естественных ландшафтах действия человека (сведение лесов, опустынивание, «запечатывание» почв антропогенными объектами, создание огромных водохранилищ и т. п.), можно говорить о высокой продуктивности культивируемых видов растений и животных благодаря направленной селекционной работе, об отвоевывании все новых высокопродуктивных территорий у морей и пустынь. В целом продуктивность сельскохозяйственных территорий, занимающих существенную часть биосферы, неуклонно увеличивается: так, урожайность пашни в 80-е гг. прошлого века составляла 1,8 т/га, а через 20 лет – 2,5 т/га (ГЕО-4… 2007).

Проблема с лесными угодьями также имеет тенденцию к положительному решению. Степень лесистости Европейской территории России возрастает (Лесистость… 2007). Отмечается также рост лесистости в целом для территории Европы и Северной Америки: по 0,1 % прироста в год, хотя среднемировые данные пока свидетельствуют о потерях 0,24 % за год (ГЕО-4… 2007).

Таким образом, деятельность человека в отношении биопродуктивности ландшафтов планеты также носит разнонаправленный характер, а имеющиеся оценки не дают возможности достоверно оценить динамику изменения этого показателя в глобальных масштабах. Во всяком случае, нет количественных подтверждений тому, что развитие по этому процессу идет в кризисном направлении.

Смена стратегии размножения в процессе эволюции (замена r-стратегии на К-стратегию) в существенной мере объясняет феномен рассмотренного выше демографического перехода. Общая тенденция снижения энтропии с неизбежностью ведет от расточительной высокой репродуктивной способности (r-стратегии) к более экономной и эффективной К-стратегии, когда количественные показатели большого числа потомков уступают качественному воспитанию меньшего числа более приспособленных, лучше обученных и потому более перспективных детей. В демографическом переходе заложена возможность ускорения передачи информации не только на генетическом, но и на социальном уровнях.

Возможно, что демографический переход является предпосылкой скорого решения наукой геронтологических проблем и наблюдаемое снижение рождаемо-

[3] При упоминавшемся повышении температуры для территории России отмечается также увеличение водности ее рек: в целом на преобладающей части страны годовой сток в последние два десятилетия XX в. существенно превысил норму (Георгиевский, Шикломанов 1996). Отмечается также рост увлажнения атмосферы в целом для земного шара (ГЕО-4… 2007).

сти – спасительный механизм предотвращения перенаселения благодаря растущей в целом по миру средней продолжительности жизни.

Сквозная тенденция аутогенного развития – **снижение устойчивости и увеличение стабильности экосистем** – помогает понять ситуацию со все увеличивающимися убытками народного хозяйства от *стихийных бедствий.* С ростом сложности природно-техногенных систем уменьшается их устойчивость к внешнему воздействию. Кроме того, на росте стоимости ущерба в мировом масштабе от стихийных бедствий в денежном выражении, несомненно, сказывается также неуклонно увеличивающаяся стоимость антропогенных элементов в ландшафте.

Заключение

Анализ современных экологических процессов с позиции эволюционизма позволяет утверждать, что, несмотря на значительное воздействие человека на биосферу, нет достаточных оснований утверждать, что сегодняшнее состояние взаимодействия биосферы и техносферы в глобальном масштабе описывается закономерностями кризисного развития. Коэволюция биосферы и человеческой цивилизации в настоящее время происходит в рамках аутогенного, когерентного развития, и имеющиеся теоретические наработки помогают объяснить природу глобальных процессов, а также могут лечь в основу соответствующих прогнозов развития человечества.

К сожалению, экспериментального научного материала не всегда достаточно для убедительного анализа. Поэтому необходимо развивать фундаментальные основы экологии, расширять наши знания о тонких механизмах функционирования экосистем, чтобы иметь возможность глубже понять причину происходящих природных процессов и надежнее предсказать их изменения в результате тех или иных антропогенных воздействий.

Человек, как всякий биологический вид, изменяет экосистемы, приспосабливает их соответственно своим природным потребностям. И это происходит в рамках саморазвития. В этом смысле антропогенный фактор в биосфере в принципе нельзя рассматривать как чужеродный (аллогенный) фактор, ибо человек сам есть часть природы, пусть и очень мощная.

Вполне естественно, что всякий доминирующий вид существенным образом изменяет облик своего местообитания. Человечество преобразило «лик Земли», и в этом нет ничего необычного: так дуб обусловливает своеобразие дубравы, динозавры в свое время создали неповторимые картины юрского периода. Как всякая система, современная биосфера и взаимосвязанная с ней цивилизация видоизменяются, эволюционируют, а скорость эволюции и направление во многом заданы самой природой, но в чем-то зависят от нас. От того, насколько быстро и научно обоснованно мы будем решать встающие перед человечеством экологические, ресурсные, биомедицинские, социально-экономические проблемы, насколько научимся контролировать последствия собственной деятельности, зависит наше благополучие, в том числе и благодаря приспособлению к природным циклам и аномалиям.

Что касается ресурсных аспектов, то решение продовольственной проблемы в полной мере укладывается в эволюционную схему: возрастание биомассы (сельскохозяйственной продукции), увеличение замкнутости циклов (малоотходные технологии), рост адаптации, сокращение конкуренции и т. п. (см. табл. 2). В то же время отмечаемые еще в ряде регионов голод и недоедание имеют прежде всего социально-экономические, а не экологические корни.

Нет оснований также драматизировать ситуацию в отношении исчерпаемости традиционных энергетических ресурсов. Запасов угля, природного газа и нефти

вполне достаточно для переходного периода развития технологий применения новых видов энергоресурсов (альтернативные источники, ядерная энергия).

Природа в значительной степени противостоит человеку. Бесконечно разнообразная, она постоянно изменяется, преподнося очередные сюрпризы как положительного, так и негативного (природные катаклизмы) плана. Благодаря растущей информированности мир каждый день узнает о новых стихийных бедствиях в разных уголках планеты. Но в этом нет ничего нового и необычного.

Природные процессы имеют циклический характер, и роль человека в них пока не носит определяющего характера. Природа развивается в соответствии со своими далеко не всегда понятными человеку законами и механизмами. Если же говорить о ноосфере как о сфере, управляемой человеческим разумом, то здесь кризисные явления налицо в силу нашего пока еще глубокого неведения. Человечеству еще очень далеко до разумного контроля процессов в нашей биосфере.

Имеющиеся попытки исправления ряда глобальных природных процессов (например, Киотский и Монреальский протоколы к соответствующим международным конвенциям) пока могут быть положительно оценены только в смысле отработки человечеством приемов самоорганизации в геополитическом аспекте. Преимущественная опора в этом случае на принцип презумпции виновности антропогенного фактора вряд ли полезна человечеству.

Этот вывод вовсе не означает отрицания негативных воздействий человека на природу, но тем не менее отмечаемые изменения в биосфере во многом благодаря ее высокой буферности и динамичности до сих пор находятся в пределах колебаний ее параметров, отмечаемых еще до проявления активной деятельности человечества.

Очевидно, что главным принципом природопользования должен стать принцип минимизации воздействия человека на окружающую среду. Экологическая ситуация во многих регионах Земли существенно ухудшена благодаря антропогенному фактору. Слишком часто мы становимся свидетелями, по сути, региональных экологических катастроф. Для того, чтобы региональные катастрофы не стали глобальными, необходимо, чтобы деятельность по восстановлению ландшафтов, деградированных по вине человека, в результате техногенных катастроф, приобретала все более обширные масштабы. Важно развивать научные основы этой деятельности в рамках экологии природовозрождения (Дежкин и др. 2007).

Что же касается принципов охраны природы, то вряд ли мы вполне искренни, когда говорим о защите природы. Скорее при этом мы хотим защитить себя. Да и природа не особенно нуждается в нашей защите. Биосфера в любом случае выживет (феномен атолла Бикини[4] свидетельствует об этом). В этом смысле И. В. Мичурин был гораздо честнее и правдивее со своим изречением: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача» – правда, с забытым

[4] На атолле Бикини, расположенном в Тихом океане, в 1946–1958 гг. США произвели 67 ядерных взрывов, включая испытание водородной бомбы «Касл-Браво», которая сильно разрушила остров. Жители были вывезены на другие атоллы, и Бикини стал с тех пор необитаемым. В 1954 г. ученые, исследовавшие полуторакилометровый кратер, образовавшийся после взрыва в 1950 г. водородной бомбы, обнаружили под водой вместо безжизненного пространства полностью восстановленную подводную экосистему: в кратере процветали большие кораллы высотой 1 м и диаметром ствола около 30 см, плавало множество рыбы. Животный мир атолла представлен в основном летучими мышами и полинезийскими крысами, случайно завезенными европейскими мореплавателями. Из пресмыкающихся водятся крокодилы, змеи, ящерицы, а также на островах обитают 70 видов птиц и насекомых. Среди морской флоры 238 видов разноцветных водорослей и морской травы, 180 видов кораллов и более 800 разновидностей рыб. В 1996 г. атолл Бикини открыли для посещения дайверами. В 2010 г. Комитет всемирного наследия ЮНЕСКО внес атолл Бикини в «Список объектов всемирного наследия».

лысенковцами[5] продолжением: «Но к природе необходимо относиться уважительно и бережно и по возможности сохранять ее в нетронутом виде». Природа знает свое дело, и она заставляет нас вернуть осушенные торфяники[6] болотам, тем более что мы их в должной мере не используем.

В целом проведенный анализ современных глобальных процессов показывает, что природа пока еще оставляет человечеству хороший шанс на будущее продолжить путь прогрессивного саморазвития, по крайней мере, при сохранении современного уровня природопользования.

Литература

ГЕО-4. Глобальная экологическая перспектива. Окружающая среда для развития. Найроби (Кения): ЮНЕП, 2007.

Георгиевский, В. Ю., Шикломанов, И. А. 1996. Оценка влияния возможных изменений климата на гидрологический режим и водные ресурсы территории бывшего СССР. *Метеорология и гидрология* 11: 89–99.

Глобальная энергетическая безопасность. Энергия будущего: научно-аналитический журнал / гл. ред. И. И. Мазур. М.: изд. Центр «Елима», 2006.

Дежкин, В. В., Снакин, В. В., Попова, Л. В. 2007. Экология природовозрождения. *Использование и охрана природных ресурсов России* 4: 3–11.

Капица, С. П. 2008. Демографическая революция и Россия. *Век глобализации* 1: 128–143.

Красилов, В. А. 1992. *Охрана природы: принципы, проблемы, приоритеты.* М.: ВНИИприрода.

Лесистость. *Национальный атлас России.* Т. 2. *Природа. Экология.* М.: Роскартография, 2007.

Мир в цифрах 2005: Карманный справочник. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2005.

Медоуз, Д., Рандерс, Й., Медоуз, Д. 2007. *Пределы роста. 30 лет спустя* / пер. с англ. М.: ИКЦ «Академкнига».

Одум, Ю. 1986. *Экология:* в 2 т. М.: Мир.

Портнов, А. 2008. Марсианские хроники. *Государственное управление ресурсами.*

Снакин, В. В. 2008. *Экология и природопользование в России:* энциклопедический словарь. М.: Academia.

Сывороткин, В. Л. 2010. Странное потепление. *Государственное управление ресурсами* 4(58): 22–32.

Трифонов, О. В. [Б. г.] Почему вымирают виды? К 150-летию выхода книги Ч. Дарвина «Происхождение видов…». Интернет-источник. Режим доступа: www. evoluts.ru/index. php/anti/164-2

Чайковский, Ю. В. 2006. *Наука о развитии жизни. Опыт теории эволюции.* М.: Т-во научн. изданий КМК.

Meadows, D. H., Meadows, D. L., Randers, J., Behrens, W. W. 1972. *The Limits to Growth.* N. Y.: Universe Books.

Robinson, A. B., Robinson, N. E., Soon, W. 2007. Environmental Effects of Increased Atmospheric Carbon Dioxide. *The Journal of American Physicians and Surgeons* 12(3): 79–90.

[5] Так называемое «мичуринское учение» было создано под патронажем Т. Д. Лысенко после смерти И. В. Мичурина.

[6] Именно непродуманное осушение торфяников стало основной причиной пожаров и смога в жаркие московские лета 1972 и 2010 гг.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ВЕНЧУРНОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

М. А. Федотова

В статье обсуждается одна из важнейших проблем современного мира – обеспечение инновационного развития в условиях значительной неопределенности и возрастающих рисков посредством венчурного инвестирования. Тема, предельно актуальная для мира в целом и для России в частности, рассматривается в статье не только с позиции эффективного управления финансами и экономикой в целом, но и в контексте существующего российского законодательства, где обнаруживаются существенные изъяны; автор предлагает конструктивные подходы к их устранению.

Ключевые слова: *венчурное инвестирование, инновации, экономика, финансы, глобальный рынок, рыночная экономика, государство, бизнес, право, законодательство.*

Способность к нововведениям, восприимчивость к инновациям – необходимое условие эффективного развития любой экономической системы и ее конкурентоспособности в условиях глобального рынка. Овладение навыками инновационного прогнозирования, стратегического управления новыми техническими знаниями, государственной поддержки бизнеса и науки, особенно на современном этапе, когда конкуренция на мировых рынках товаров и услуг приобретает все более жесткий характер, означает благополучное развитие национальной экономики и общества в целом. В этой связи вопрос выбора своевременной и практичной инновации требует особого внимания и серьезного анализа.

Отбор инноваций преследует двоякую цель: с одной стороны, открыть путь именно тем нововведениям, которые направлены на обогащение и замену устаревших элементов экономической, социальной, политической и т. п. систем, а с другой – оградить развитие общества от опасных инноваций. Отбор может происходить как в результате рыночной конкуренции, где выживает сильнейший, так и посредством использования целевых программ государства. Но и в том и в другом случае цель всегда одна – поддержать прогрессивные и отбраковать опасные инновации. Вместе с тем отделить одно от другого, в особенности на стадии формулирования идей, порою довольно трудно, а то и вовсе невозможно, так как нередко то, что изначально кажется привлекательным и многообещающим, в итоге оказывается невыполнимым или фикцией, тогда как, казалось бы, несбыточные, бесперспективные идеи способны привести к ошеломляющему успеху. Готовых решений

или каких-то проверенных рецептов поведения в подобных случаях не существует, что только усиливает ситуацию неопределенности, значительных рисков и повышенной опасности.

Однако наряду с явными минусами здесь заключены и значительные плюсы, ибо, действуя в зоне повышенного риска и неопределенности, можно, конечно, потерпеть неудачу, но можно и получить беспрецедентные результаты, выйти на прорывные направления развития, а то и вовсе сделать фундаментальные открытия. Таким образом, вполне очевидно, что инновационный тип развития требует особого отношения к принятию решений в условиях повышенного риска и неопределенности, а также предполагает создание и развитие системы венчурного (то есть особо рискованного) инвестирования, о чем более подробно пойдет разговор ниже. Теперь же отметим, что венчурное инвестирование как особая отрасль экономики, связанная с особо рискованными финансовыми операциями, зародилось во второй половине прошлого столетия и к настоящему времени сложилось в мире как самостоятельное направление инвестирования со своей спецификой и инфраструктурой, отличной от традиционных направлений инвестиционной деятельности. Иными словами, венчурный капитал представляет собой элемент инновационной инфраструктуры, объединяющий владельцев капитала и авторов новых технологий в секторе стартующих инновационных проектов. Все это ставит принципиально новые задачи не только перед бизнесом, но и перед государством, а потому особого внимания заслуживают всевозможные институты развития как в нашей стране, так и за рубежом.

Особую роль в инновационной деятельности, несомненно, играют инвестиционные фонды, опыт создания которых в развитых странах представляет особый интерес. Так, например, интересен опыт исследовательского союза штата Джорджия (GRA) в США, который был создан в 1990 г. в форме партнерства государственного и частного секторов шести исследовательских университетов штата Джорджия с правительством штата и частными производителями. Финансирование Союза осуществляется из частных и региональных фондов штата Джорджия. Участие в деятельности Союза знаменитых ученых и их коллег позволило привлечь в этот штат более 350 млн долларов в виде федеральных грантов в НИОКР, что в свою очередь позволило создать более 20 новых технологических компаний в штате. Работает венчурная лаборатория (VentureLab), задача которой – «раскрутка» новых технологических предприятий. С этой целью было инвестировано 6,5 млн долларов в 73 технологии/открытия и в 52 компании, созданные с 2002 по 2006 г. Функционирует созданный в 2008 г. венчурный фонд. Размер фонда – 40 млн долларов (10 млн – от штата, 30 млн – от частных предприятий). Фонд финансирует компании, реализующие инновационные идеи исследовательских институтов штата Джорджия. Как правило, финансируются проекты в сфере медицины и биологических наук, находящиеся на стадии «start-up». Фонд посевного финансирования штата Джорджия был организован в 1999 г. для создания и инвестиционной поддержки компаний в сфере передовых технологий, он инвестировал 5,7 млн в 18 компаний, что позволило привлечь 177 млн долларов частных инвестиций – соотношение 31/1.

Опыт Финляндии также поучителен, ибо за 50-летний период финская экономика претерпела колоссальную структурную перестройку, в результате которой доля экспорта товаров с высокой добавленной стоимостью увеличилась с 16 % до 63 %. В настоящее время экспорт составляет около трети ВВП страны, причем более половины его приходится на страны Европейского союза. Значительным

достоинством инновационной системы Финляндии является тот факт, что в стране создана целостная комплексная система финансирования инновационной деятельности, покрывающая все стадии развития инновационного проекта: от генерации знаний до роста и расширения состоявшегося инновационного бизнеса. При этом созданная система финансирования инновационной деятельности в стране основывается как на государственном, так и на частном финансировании. Интересным является соотношение государственного и частного финансирования инновационной деятельности в Финляндии на разных стадиях развития инновационного проекта. На стадии фундаментальных исследований доля государственного финансирования инновационной деятельности составляет 54 % (доля частного финансирования – 46 %). На стадии, когда бизнес развился и выходит на международные рынки, доля государственного финансирования сокращается до 2 % (доля частного финансирования – 98 %). В рамках программы по развитию инноваций усилиями SITRA организована поддержка инновационных проектов предпосевной стадии (SITRA's PreSeed services), целью которой является финансирование самых ранних стадий реализации инновационных проектов. SITRA участвует в финансировании 20 международных венчурных фондов, интерес которых сосредоточен на самых ранних стадиях инновационных проектов (фонды посевного финансирования), и 15 венчурных фондов Финляндии.

Весьма интересен и опыт Сингапура, так как это небольшое островное государство является одним из лидеров по уровню ВВП на душу населения. Затраты на НИОКР в Сингапуре превысили 2,3 % ВВП. Фундаментальные исследования поглощают 21 % общих расходов на НИОКР, прикладные – 32 %, а на опытно-конструкторские разработки приходится 47 % выделяемых средств. Фонд венчурного капитала (Venture Capital Fund) был организован Комитетом по экономическому развитию (Economic Development Board [EDB]) в 1985 г. Эта деятельность параллельно подкреплялась рядом мероприятий по развитию инновационного предпринимательства в стране. Фонд соинвестирования бизнес-ангелов (Business Angel Fund Coinvestment Scheme) был создан в 1999 г. для стимулирования бизнес-ангельских инвестиций в высокотехнологичные проекты и ускорения развития технологической деятельности в Сингапуре. Фонд осуществлял инвестиции в высокотехнологичные проекты совместно с бизнес-ангелами, тем самым снижая их инвестиционные риски и обеспечивая более высокую отдачу на вложенные средства.

Принимая во внимание зарубежный опыт, следует отметить, что переход российской экономики на инновационный путь развития невозможен без формирования факторов, способствующих поддержке инновационного потенциала страны. Только комплексное развитие национальной инновационной системы позволит России войти к 2015–2020 гг. в пятерку стран – лидеров по объему ВВП, имеющих технологически обновленную диверсифицированную экономику.

В этих условиях кажется правомерным создание специализированных венчурных фондов и привлечение к их работе научных организаций с целью коммерциализации научных разработок. Одним из таких элементов и инструментов инновационной системы является институт венчурного инвестирования (венчурные фонды), совмещающий в себе как финансовые инструменты поддержки, так и консультационно-управленческие функции. Венчурные фонды, аккумулируя капитал, не только инвестируют его в малые инновационные проекты, но и участвуют в управлении, преследуя цель расширить производство и таким образом максимизи-

ровать прибыль. Хорошие перспективы для развития такого рода деятельности появились с принятием Концепции долгосрочного социально-экономического развития страны до 2020 г., где говорится о переходе российской экономики к инновационному типу развития. Одним из приоритетных направлений этой Концепции является как раз развитие венчурного финансирования в России.

Первые венчурные фонды в нашей стране появились в 1994 г. по инициативе Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР). В последние годы Правительство Российской Федерации активно работает над развитием инновационной инфраструктуры, организованной посредством различных форм государственной поддержки, включая систему финансовых и нефинансовых институтов развития, которым отводится особое место в обеспечении поддержки инновационной деятельности. С их помощью становятся возможными полноценная коммерциализация научно-технических результатов и обеспечение роста производства новой и усовершенствованной высокотехнологичной продукции. Растущий интерес к данной сфере деятельности наглядно демонстрирует тот факт, что к концу 1996 г. было уже 10 региональных венчурных фондов, а в 1997 г. 12 действующих на территории России венчурных фондов образовали Российскую ассоциацию венчурного инвестирования (РАВИ). Создаются также институты развития, призванные увеличить объем инвестиций в наукоемкие отрасли экономики. Одним из таких институтов является ОАО «Российская венчурная компания» (РВК), созданная в июне 2006 г. в соответствии с Распоряжением Правительства РФ в целях стимулирования создания в России собственной индустрии венчурного инвестирования, развития инновационных отраслей экономики и продвижения на международный рынок российских наукоемких технологических продуктов. На РВК возложены две основные функции: отбор лучших венчурных управляющих компаний на конкурсной основе и приобретение паев венчурных фондов, создаваемых этими компаниями.

В 2007 г. на российском рынке венчурного инвестирования наблюдалось заметное оживление. Российский рынок венчурного инвестирования в инновации в 2007–2008 гг. составил около 8–12 млрд р. (с учетом созданных РВК фондов на 6 млрд р.). В последние годы образованы также государственные фонды – РВК и Росинфокоминвест с капитализацией 30 и 29 млрд р., которые будут соответственно направлены на финансирование инновационных проектов. Создана государственная корпорация «Роснанотехнологии». В 2007 г. приступили к активной деятельности венчурные фонды под управлением ОАО «Альянс РОСНО Управление Активами» и инвестиционной компании «Тройка Диалог». Также активизировались фонды Intel Capital и Cisco.

Вместе с тем в развитии венчурного бизнеса существует целый ряд проблем.

Негативным фактором является то, что действующая российская нормативно-правовая база практически исключает из венчурного бизнеса пенсионные фонды и страховые компании, тогда как активность рискового капитала может возрастать только в случае доступности источников долговременного финансирования.

На сегодняшний день предлагается инвестировать средства в предприятия, основная деятельность которых соответствует приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники Российской Федерации: безопасность и противодействие терроризму; живые системы (понимаемые в данном случае как биотехнологии, медицинские технологии и медицинское оборудование); индустрия наносистем и материалов; информационно-телекоммуникационные системы; ра-

циональное природопользование; транспортные, авиационные и космические системы; энергетика и энергосбережение.

По оценке инновационного сообщества, объем венчурных инвестиций в основные отрасли экономики должен быть не менее 616 млрд р. Минимальный объем инвестиций для сектора разработки «живых» систем должен быть на уровне 134 млрд р.; для сектора разработки наносистем и наноматериалов – 153 млрд р.; разработки информационно-коммуникационных технологий – 76 млрд р.; экологии и разработки ресурсосберегающих технологий – 52 млрд р.; разработки энергосберегающих технологий – 109 млрд р.; электроники и приборостроения – 92 млрд р.

В настоящее время одобрены три проекта в области нанотехнологий общим объемом финансирования 53 млн евро:

– проект создания производства оптических элементов;

– проект создания производства микроисточников, микросфер и комплектующих для проведения процедур брахитерапии;

– проект создания производства металлорежущих инструментов с наноструктурированным покрытием.

Еще одной проблемой является тот факт, что многие проекты в России оцениваются западными экспертами как небольшие, тогда как затраты на экспертизу обычно не зависят (или незначительно зависят) от величины проекта. В силу этого многие проекты не рассматриваются по причине возможных высоких удельных издержек. При этом венчурный инвестор вынужден осуществлять большой объем функций, связанных прежде всего с постановкой и развитием бизнес-процессов в инвестируемой компании, что должно компенсироваться более выгодными условиями участия в новой организации.

К существенным причинам медленного развития венчурного бизнеса также можно отнести недостаточную активность российского фондового рынка. Для большинства компаний с венчурным капиталом недоступна стратегия выхода инвестора через публичное размещение акций. Доминирующими стратегиями останутся выкуп, слияние и поглощение компаний.

Еще одним негативным фактором является то, что во многих проектах вопросу выработки стимулов для инвестора не уделяется должного внимания, тогда как акценты в основном смещаются на технические достоинства продукции.

Одной из наиболее существенных проблем является и плохая информационная инфраструктура венчурного капитала (например, информация о наличии и специализации различных финансовых институтов, которые могли бы рассматривать проекты из данного региона или отрасли, требования, предъявляемые к проектам).

В России на сегодняшний день практически отсутствуют венчурные фонды, готовые вкладывать средства в относительно небольшие инвестиционные технологические проекты с объемом требуемого финансирования от 300 тыс. до 2 млн долларов. Такие средства слишком велики для Фонда содействия, который предоставляет в основном кредиты для начальной стадии развития в объеме от 50 до 100 тыс. долларов, и слишком малы для действующих в нашей стране организаций венчурного финансирования, нацеленных на проекты с объемами инвестирования в 2–3 млн долларов, причем в большинстве случаев эти проекты не относятся к новым технологиям.

Кроме того, исследования, проведенные Национальной ассоциацией инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ), показали, что более 70 % российских инновационных разработчиков не доверяют венчурным фондам

и не желают с ними работать. Фонды слишком многого хотят и слишком мало дают, чтобы сделать сотрудничество выгодным. В рамках бизнес-плана они требуют не только описания сферы применения данной технологии и расчетов ожидаемых экономических дивидендов, но также полностью просчитанного плана производства и маркетингового продвижения, а некоторые – даже подтверждения от первых потенциальных заказчиков. Таким образом, венчурные инвестиции превращаются в обычный банковский кредит, но оплачиваются именно как венчурные инвестиции.

К тому же на сегодняшний день, в условиях дорогих денег, иностранные инвесторы переоценивают свои активы с точки зрения рисков. Кризис денежной ликвидности снижает инвестиционные возможности денежных компаний, инвесторы пересматривают отношение к рискам вообще и к венчурным в частности. В период кризиса денежной ликвидности венчурные проекты как особо рисковые имеют мало шансов найти инвесторов. Экономический спад, одним из элементов которого является сложная ситуация на финансовых рынках, приводит к тому, что на наиболее развитых западных рынках становится сложнее организовать выход из портфельных компаний. В такой ситуации в основном все сосредоточены на выживании, а не на динамичном развитии, поэтому инновационные проекты в данной ситуации могут быть не столь востребованы.

Обладая определенной спецификой, венчурные проекты диктуют и особый подход к их оценке. Венчурные инвестиции – это финансово-экономические отношения между инвестором и авторами венчурного проекта. Консенсус в этих отношениях достигается по многим критериям, которые не всегда совпадают с традиционными. Главная задача оценки заключается в достижении компромисса между инвестором и основателями компании. Содержание процесса оценки заключается во всестороннем изучении параметров оцениваемого проекта, основных предположений, заложенных в модель прогнозирования финансовых потоков, поведения рынка и многих других сторон, содержащихся в бизнес-плане.

Первые несколько лет существования инновационного проекта, когда риски максимальны, привлечение финансовых ресурсов наиболее затруднительно: имеется отрицательный денежный поток проекта, который на языке венчурного бизнеса называется «долиной смерти». Высокотехнологические начинающие компании не обладают историей развития, как правило, не имеют на начальном этапе положительного денежного потока. Для них характерна высокая степень неопределенности, поскольку они работают на новых или зарождающихся рынках и занимаются разработкой новых продуктов, которые часто являются полностью неизвестными для круга потенциальных клиентов. Непрерывные технологические изменения и короткие жизненные циклы продуктов усложняют задачу достоверного прогнозирования и увеличивают волатильность стоимости. Часто к таким компаниям невозможно применить традиционные модели бизнес-процессов или подобрать аналоги. Особое место в процессе оценки таких проектов занимают факторы конкурентоспособности, позволяющие идентифицировать стратегические преимущества и недостатки проекта и в конечном счете определять нормы доходности и мультипликаторы, участвующие в расчете стоимости объекта инвестирования.

Интеллектуальная собственность, которой обладают объекты венчурного инвестирования, требует постоянного внутреннего контроля в целях своевременной идентификации и обеспечения адекватной правовой защиты. В этой сфере прогноз денежных потоков очень сильно зависит от законодательной базы, инфраструкту-

ры, обеспечивающей защиту интеллектуальной собственности. Нередко положительному денежному потоку препятствует пиратство.

Появление новой технологии часто сопровождается высокой неопределенностью ее применимости, целевые рынки размыты, совокупность получаемых продуктов по новой технологии зачастую плохо поддается прогнозированию, трудно бывает определить круг конкурентов, которые представлены небольшими подразделениями крупных компаний или относительно неизвестными мелкими инновационными фирмами. Более того, по мере появления конкурирующих решений или возможности расширения сфер применения новых технологий целевые рынки могут достаточно интенсивно изменяться во времени.

Поскольку на ранней стадии развития бизнеса в качестве руководителей часто выступают ученые или специалисты-исследователи с небольшим опытом и знаниями в области управления бизнесом, то типичная черта практически всех начинающих инновационных компаний – это отсутствие компетентных специалистов в основных коммерческих сферах деятельности: логистике, маркетинге, продаже, финансах и т. д. Поэтому молодая компания не может эффективно распорядиться имеющимся потенциалом. Те компании, которые, осознавая эти недостатки, приобретают необходимый персонал, могут значительно влиять на стоимость, эффективно продвигая новую технологию и тем самым обеспечивая положительный денежный поток. Именно по этой причине при оценке венчурных проектов необходим не только анализ самой идеи, но и тщательная оценка потенциальных возможностей капитализации этой идеи и организаторских способностей руководителя и управленческого звена компании.

При оценке венчурного проекта нужно оценить не только потенциал еще не существующей технологии, но и потребительские выгоды, создаваемые еще не существующим товаром, а также реакцию потенциальных покупателей на радикально новый продукт, реакцию на него конкурентов, чей бизнес он грозит подорвать, размер еще не существующего рынка, личные качества и предпринимательские способности лидеров проекта. В таких условиях успех проекта зависит главным образом не от финансовых ресурсов или эффективности команды менеджеров и их навыков в области именно венчурного, а от нетрадиционного управления бизнесом. Поэтому при оценке венчурного проекта надо прежде оценивать не ресурсы, а способности команды проекта довести его до победного конца.

Проект должен быть нацелен на большой и растущий рынок, в его основе должна лежать инновация, позволяющая быстро занять значительную долю на этом рынке. Размер прибыли предполагается значительно больше, чем при вложении в устоявшийся проверенный бизнес. Классический венчурный инвестор вкладывает средства в новое предприятие отнюдь не для многолетнего владения. Задача – получить долю в быстрорастущей компании, «просидеть» в ней от трех до семи лет, а затем продать, зафиксировав прибыль. По статистике, из десяти проинвестированных проектов шесть терпят крах, два – еле-еле окупаются и только два приносят гигантскую прибыль.

Задача венчурного инвестора – вовремя найти и разглядеть такой объект вложений. Когда 19-летний студент Гарварда Марк Цукерберг запустил социальную сеть Facebook, никто не предполагал, что она будет занимать четвертое место по посещаемости в США и седьмое – в мире. Зато венчурные капиталисты из фонда Accel Partners разглядели потенциал Facebook уже через год, после старта проекта вложили в него 10 млн долларов в обмен на 10 % акций. Через два года доля вен-

чурного фонда Accel Partners увеличилась с 10 млн долларов до 1,5 млрд долларов, то есть в 150 раз.

Достижение договоренностей между авторами проекта и инвесторами на этом этапе опирается на опыт и интуицию потенциального инвестора, то есть на его способности достигать понимания, не прибегая к рациональному мышлению и заключениям. Интуиция ассоциируется с отсутствием рассуждения. Индивидуальные инвесторы, напрямую инвестирующие личные финансовые ресурсы в новые и растущие малые фирмы, или, как их принято называть, бизнес-ангелы, могут себе позволить на этом этапе принять решение без какого-либо формального обоснования, так как отчет за свои деньги они будут держать только перед собой. Их решение зависит от генетически определенного склада ума и внешних факторов, таких как образование и опыт. Принятие решения охватывает весь спектр интеллектуальной деятельности – от анализа до эвристики. Если аналитическим рассуждениям свойственно исследование проблемы путем ее деления на составляющие, то эвристический подход в своей основе – интуитивный и охватывает проблему в целом. При оценке традиционных инвестиционных проектов, когда размер рынка, размеры требуемых инвестиций, прогнозируемые доходы и степень риска довольно легко и точно можно определить, можно использовать более или менее стандартные процедуры оценки. Хотя и тут велика роль опыта и интуиции оценщика, так как основная работа осуществляется методом структурированных расчетов.

В случае венчурных проектов ситуация совершенно иная. Здесь создаются радикально новые технологии и продукты, которые призваны совершить революцию на рынке. Аналогов этих продуктов или технологий не существует, поэтому для оценщика отсутствуют возможности применять сравнительный подход в рамках оценки проекта. Какие бы необыкновенные выгоды ни создавал новый продукт для потребителя, он столкнется с серьезным сопротивлением как внутри компании, так и на рынке.

Внутренние неопределенности связаны с особенностями управления венчурными предприятиями, которые коренным образом отличаются от традиционного корпоративного управления. На раннем этапе разработки новой технологии также невозможно предсказать, насколько реально ее создать и какие сложности возникнут по ходу продвижения вновь созданного продукта на рынке.

Внешние неопределенности связаны с тем, что радикально новый продукт, чтобы совершить революцию на рынке, должен сначала разрушить старые устои: изменить привычки покупателей, разорвать устоявшиеся связи потенциальных партнеров, изменить инфраструктуру продаж и обслуживания, подстроенную под старые товары. Чем моложе венчурный проект, тем больше эти неопределенности, и какие бы методы оценки здесь ни использовались, они могут дать лишь очень грубую оценку, которая в реальной жизни может в десятки, а то и в сотни раз отличаться от действительных результатов как в сторону завышения, так и в сторону занижения стоимости проекта.

Это обстоятельство объясняет, в частности, тот факт, что в настоящее время в России существует дефицит предложения частного капитала для долгосрочных инвестиций в проекты, характеризующиеся средним и высоким уровнем риска. Но его можно восполнить с помощью средств государства. Выступая крупным инвестором, государство способствует улучшению основных макроэкономических показателей. Благодаря успешному опыту частно-государственного финансирования

проектов возможно изменение роли частного сектора, проявление с его стороны долгосрочного интереса и доверия к подобным проектам.

Однако, как уже отмечалось, одним из факторов, сдерживающих инвестиционную активность венчурных фондов в нашей стране, является отсутствие высокоэффективных юридических инструментов регулирования процессов венчурного инвестирования. Поэтому совершенствование законодательства в области венчурного инвестирования становится необходимым условием формирования и эффективной деятельности венчурных фондов и, как следствие, роста количества высокотехнологичных компаний. Главная ответственность в решении этих вопросов ложится на государство, которому необходимо разрабатывать и выполнять соответствующие программы поддержки венчурной индустрии как минимум по двум причинам: во-первых, потому, что развитие венчурной индустрии сопровождается созданием так называемых общественных выгод, а во-вторых, это связано с ограниченностью финансовых ресурсов частного сектора. Предполагается также, что такие действия государства окажут позитивное влияние на экономику, так как в результате действия программ поддержки венчурного капитала прибыль в конечном счете получат не только частные лица, но выиграет и общество в целом. Не вызывает сомнения и то, что проекты, направленные на поддержку малых компаний, будут способствовать созданию новых рабочих мест, новых технологий, имеющих важное стратегическое значение для долгосрочного роста экономики.

Итак, для развития и продвижения инноваций в нашей стране необходимо комплексное развитие финансового рынка и финансовых институтов, обеспечивающих возможности финансирования на каждом этапе продвижения инноваций. В первую очередь это финансирование разработки и внедрения инноваций через систему венчурных инвестиций, обеспечивающее доступность капитала для инновационных компаний на всех стадиях процесса продвижения инноваций. С целью развития и повышения эффективности венчурного финансирования, создания режима наибольшего благоприятствования инновационным компаниям, создания условий роста количества высокотехнологичных компаний необходимо выполнение ряда задач по внесению изменения в существующее законодательство, регулирующее процесс венчурного финансирования.

Традиционно инструменты коллективного прямого частного инвестирования в российские высокотехнологические компании ранних стадий регистрировались и по-прежнему регистрируются за рубежом – в развитых странах или офшорных зонах. Вместе с тем развитие государственно-частного партнерства по модели государственного соинвестирования в венчурные фонды сделало актуальной задачу создания в российском правовом поле оптимальной для венчурного инвестора организационно-правовой формы.

В настоящее время в России существуют две формы, пригодные для регистрации венчурных фондов, – это договор простого товарищества (ДПТ) и закрытый паевой инвестиционный фонд (ЗПИФ) особо рисковых (венчурных) инвестиций. Обе формы не образуют юридического лица и позволяют инвесторам избежать двойного налогообложения. Форма венчурного ЗПИФ появилась в России недавно, и к настоящему моменту существуют венчурные фонды обоих типов.

Опыт венчурных программ Израиля, Финляндии, Великобритании показывает, что именно ограниченное партнерство и сходные с ним формы использовались для регистрации фондов прямого и венчурного инвестирования. Логичным шагом могло бы стать формирование венчурных фондов в виде коммандитных товари-

ществ, предусмотренных Гражданским кодексом РФ. Однако на сегодняшний день для этой формы в России существует двойное налогообложение, в силу чего эта форма, также как акционерное общество и общество с ограниченной ответственностью, представляется неоптимальной для инвесторов. Возможный путь – введение особой надстройки «коммандитное товарищество, ориентированное на венчурное инвестирование», с внесением одновременных изменений в Налоговый кодекс, однако это сопряжено с необходимостью коррекции ряда основополагающих нормативных правовых актов.

Помимо этого, учитывая, что основная часть существующих фондов прямого и венчурного инвестирования создана с учетом существующей правовой практики, необходима разработка законодательных инициатив, направленных на совершенствование деятельности обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ.

Вопрос налогообложения наряду с законодательным обеспечением венчурного финансирования стоит в РФ очень остро. Практически повсеместной является практика «сопровождения» прямого государственного финансирования научно-исследовательских и конструкторских работ, осуществляемых предприятиями, развитой системой предоставления им налоговых льгот. В странах с развитой инновационной экономикой соотношение прямого государственного финансирования НИОКР предприятий и предоставляемых им налоговых льгот колеблется в весьма широком диапазоне.

Основными механизмами предоставления налоговых льгот являются также следующие: возврат компаниям части средств, израсходованных на НИОКР; субсидирование процентных ставок по долгосрочным кредитам, привлекаемым для выпуска новой высокотехнологичной продукции; введение «сверхускоренной амортизации» – инвестиционной премии для компаний в виде единовременного списания на расходы затрат на передовые технологические комплексы; государственная поддержка наукоемкого экспорта, включая установление нулевой таможенной пошлины при экспорте продукции, произведенной в РФ; софинансирование маркетинговых затрат средних компаний при выходе на зарубежные рынки.

Итак, по итогам проведенного анализа, а также изучения российского законодательства и позитивного зарубежного опыта можно прийти к выводу, что действующее российское законодательство не обеспечивает должным образом функционирование венчурных проектов с использованием корпоративно-правовых форм. В этой связи в законодательство Российской Федерации следовало бы внести ряд изменений, направленных на его совершенствование в рассматриваемой области.

1. В целях установления в действующем законодательстве правового механизма, позволяющего оплачивать уставный капитал общества поэтапно, то есть в зависимости от достижения определенных заранее результатов реализации проекта, необходимо в отношении компаний, осуществляющих инновационную деятельность (как в форме АО, так и в форме ООО), ввести общее правило, в соответствии с которым уставный капитал оплачивается в срок и в порядке, определенном в учредительных документах и/или акционерном соглашении/соглашении участников/ином документе, предусмотренном законодательством. При этом необходимо исключить действие норм ГК РФ, ФЗ об ООО, ФЗ об АО, ФЗ о РЦБ, касающихся последствий несоблюдения требования о полной оплате уставного капитала в виде принудительной ликвидации, невозможности увеличения уставного капитала до его полной оплаты (ограничений на выплату дивидендов – оп-

ционально), а также установления специального режима регистрации выпуска акций в отношении инновационных компаний в форме АО. Другим механизмом поэтапного наполнения уставного капитала также может быть закрепление в учредительных документах и/или акционерном соглашении/соглашении участников/ином документе, предусмотренном законодательством, обязанности акционеров/участников принять решение об увеличении уставного капитала в будущем при наступлении определенных условий. Данное решение не требует внесения значительных изменений в законодательство.

2. В корпоративное законодательство должны быть внесены изменения, позволяющие участникам проектной компании голосовать за принятие решений в соответствии с порядком, который они определят в соглашении между собой, что позволит им отойти от принципа пропорционального голосования. На законодательном уровне также должны быть приняты положения, позволяющие регулировать вопросы разрешения дедлоков на уровне акционерных соглашений, иных соглашений, заключаемых между собой участниками инновационного проекта. Кроме того, законом должна быть предусмотрена возможность прибегнуть к судебному разбирательству в том случае, если участники исчерпают все возможные механизмы выхода из дедлока, заложенные в соглашении. Заключение соглашений между участниками инновационного проекта должно быть разрешено законом, а условия таких соглашений должны получить судебную защиту.

3. В целях обеспечения защиты от размывания в ходе реализации венчурного инвестирования необходимо включить в законодательство норму, которая позволит урегулировать вопрос о порядке принятия решения на общем собрании акционеров или советом директоров по вопросу об увеличении уставного капитала путем дополнительного выпуска акций в учредительных документах и/или акционерном соглашении, а также норму, в соответствии с которой конкретному акционеру в учредительных документах и/или акционерном соглашении/соглашении участников будет предоставлено право вето на блокирование решений, указанных также в таких документах. В частности, такое право вето может быть предоставлено на принятие решения об увеличении уставного капитала.

4. На законодательном уровне необходимо наделить участников венчурного проекта возможностью устанавливать в их соглашении или в учредительных документах портфельной компании временные ограничения на реализацию своего права на выход из портфельной компании, а также на реализацию права инициировать процедуру ликвидации компании. В целях создания механизмов, способствующих совместному выходу из венчурного проекта на выгодных для всех участников условиях, необходимо ввести в корпоративное законодательство новые правовые конструкции – tag-along right/drag-along right. Для обеспечения возможности более гибко урегулировать отношения участников венчурного проекта необходимо ввести в Федеральный закон об АО и ООО диспозитивные нормы, позволяющие устанавливать в соглашении участников портфельной компании или уставе право участника в определенных случаях требовать от компании выкупить его долю и корреспондирующее право компании требовать от участника продать принадлежащую ему долю и выйти из компании. Кроме того, для целей венчурного инвестирования необходимо разрешить вопрос о порядке реализации преимущественного права в ЗАО и возможности установления в определенных случаях преимущественного права также в ОАО.

5. Для целей развития венчурного инвестирования в России и привлечения интересов инвесторов к инновационному бизнесу необходимо ввести особый поря-

док распределения имущества портфельной компании при ликвидации, наделяющий инвестора в случае добровольной или принудительной ликвидации, когда имущества портфельной компании достаточно для удовлетворения всех требований кредиторов, ликвидационными преференциями. Также следовало бы рассмотреть возможность установления некоторых особенностей банкротства венчурных организаций и возможности выхода некоторых участников (инвесторов) из проекта при наличии признаков банкротства без каких-либо негативных последствий в виде недействительности сделки и ответственности таких участников. Как минимум следует закрепить приоритет инвестора по отношению к предпринимателю при распределении имущества ликвидируемой портфельной компании (в том числе вследствие банкротства). Для целей венчурного инвестирования принципиальное значение будет иметь введение особого порядка распределения прав на результаты интеллектуальной деятельности при ликвидации, предполагающего исключение права на результаты интеллектуальной деятельности из перечня имущества портфельной компании, за счет которого удовлетворяются требования кредиторов, в том числе при процедуре банкротства; право участников портфельной компании определять лицо, к которому в случае ликвидации компании перейдут права на результаты интеллектуальной деятельности; нераспространение действия ст. 103 Закона о банкротстве на сделки по передаче участнику должника прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Сформулированные предложения по совершенствованию отечественного законодательства, конечно же, не решат всех проблем венчурного инвестирования и тем более инновационного развития в целом. Но они являются ключевыми, требующими первостепенного решения, так как касаются основ стабильности и эффективного развития российской экономики, а следовательно, и других сфер общественной жизни. Особенно важным при этом является объединение усилий государства и соответствующих институтов развития, а также обеспечение эффективной координации их совместной деятельности с целью недопущения значительного экономического спада и сохранения достигнутых результатов экономического развития.

С этих позиций задача повышения эффективности венчурного финансирования становится особо важной проблемой при переходе экономики России на инновационный путь развития. Нехватка как государственного, так и частного капитала в научной сфере может привести к потере конкурентных преимуществ отечественной экономики, а затем и к экономическому спаду. Вот почему приоритетным направлением экономической политики государства должно быть стратегическое видение развития экономики, где инновации оказываются важнейшим источником прироста ВВП, а венчурный капитал – основным инструментом поддержки инноваций.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И СМЕНЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ*

Н. И. Киященко

В статье анализируются актуальные вопросы трансформации образования и эстетического воспитания, обусловленной переходом от традиционных типов цивилизации к цивилизации информационного общества. На различных примерах показано, как в современных условиях появляются новые повышенные требования к уровню профессиональной подготовки всех людей, независимо от рода их деятельности и возраста. Обосновывается необходимость эстетического воспитания и образования с целью выработки у людей умения принимать эстетически привлекательные и технологически обоснованные решения. Утверждается, что компьютерная грамотность и способности к программированию становятся одним из решающих критериев образованности современного человека, проявляющего себя во всех видах человеческого творчества в условиях глобализации.

Ключевые слова: *глобализация, цивилизация, эстетика, воспитание, образование, творчество, личность, нормы, ценности, информационные технологии.*

Начавшийся XXI в. ознаменовался мощным нарастанием глобализационных процессов и вступлением современного человечества еще в последней трети XX в. в начало складывания новой информационной цивилизации, которая приходит на смену всем предыдущим цивилизациям: от древнейшей месопотамской до техногенной или технотронной западной цивилизации и отсталых сельскохозяйственных восточных цивилизаций – мусульманской и арабской – предшествующих столетий и современности. Судя по всему, этим обстоятельством может быть положено начало возникновения единой для всего человечества цивилизации. Это объясняется тем, что ныне все человечество вовлечено в общемировое постоянно расширяющееся информационное пространство, в котором все технические, технологические, производственные, торговые, финансовые, политические, правовые и социально-культурные отношения опираются в своем развитии на информационные технологии, и совершаются они компьютерными средствами, средствами Интернета и цифровых технологий. Кажется, что в ближайшее время человек будет только управлять информационными автоматами и, возможно, откажется от ручного физического труда. Хотя не исключено, что в повседневной практике человек по-прежнему будет пользоваться и некоторыми видами ручного труда, особенно в его изобретательской и конструкторской творческих деятельностях.

В связи с этой резкой сменой обстоятельств существования и бытия человека в мире и естественным последующим изменением способов удовлетворения всех

* Выполнено по гранту РГНФ 07-03-00170а.

основных потребностей человечества перед всеми обществами встанет грандиозная проблема выработки новых способов передачи всего сотворенного и накопленного человечеством опыта взаимодействия с миром природы и космоса новым поколениям землян. Разумеется, это будет осуществляться в основном информационными средствами и технологиями, которые уже сегодня постоянно совершенствуются и доводятся до автоматизма.

Даже наша пока еще находящаяся в убогом состоянии система образования уже замахнулась на полную компьютеризацию и интернетизацию всех российских школ. Это значит, что в ближайшей перспективе человечеству придется кардинально изменить все ныне существующие системы воспитания, образования, обучения и даже профессиональной подготовки землян, живущих в условиях глобальной информационной единой для всего человечества цивилизации без разделения на развитые и неразвитые, богатые и бедные, господствующие и подчиненные или угнетенные страны и народы. Вот такая иллюзия порождается современными цивилизационными и глобализационными процессами.

Можно предположить, что в этой грядущей и складывающейся уже сегодня ситуации исчезнет необходимость в людях рутинных, нетворческих профессий и специальностей, поскольку все способы и виды взаимодействия человека с природными процессами, предметами и явлениями, все процессы социально-культурной жизни людей будут совершаться в творческих и только творческих коммуникативных и диалоговых взаимодействиях. Значит, перед всеми социумами встанет проблема создания новой системы общего воспитания, образования и введения в реальную всеобщую творческую жизнь новых поколений людей через профессиональное образование, которое в основном будет нацелено на информационную технологию всех производимых необходимых человеку продуктов. Особенно актуальными в системе образования станут выработка у всех образовываемых землян способностей к разностороннему общению и коммуникациям и формирование элементарных способностей в совершенстве разбираться в информационных процессах и технологиях.

Для того, чтобы вхождение всех землян в новую цивилизацию было естественным и ненасильственным, уже сегодня необходимо не только перестраивать системы образования во всех странах, но и создавать новые стратегии воспитания и образования новых поколений всех живущих на Земле социумов и специальной подготовки к разнообразной профессиональной деятельности всех живущих и уже сформированных в них личностей. Для этого в первую очередь необходимо трансформировать всю педагогику и все процессы подготовки новых педагогических кадров, способных не учить, а образовывать человека, соответствующего требованиям новой цивилизации. Эти по-новому образованные люди будут готовы соответствовать новой культуре взаимодействий человека с миром природы и миром людей, особенно с миром культуры, и созидательной активности, сформированной в людях всеми предыдущими эпохами и цивилизациями. Информация по сути своей предлагает человеку образы мышления, а затем и действия и их органическое слияние в способностях к творчеству.

Формирование же, воспитание **творческой личности** по сути своей есть прежде всего эстетико-воспитательный процесс, а не простая передача всего накопленного опыта от поколения к поколению, что в той или иной степени соверша-

лось в процессах воспитания и профессиональной подготовки новых поколений во все предшествующие века и эпохи. Но тогда это не называлось эстетическим воспитанием и образованием, а именовалось одним понятием – «подготовка человека к жизни в социуме», то есть обучение и научение тому, что умели старшие поколения.

В начале XXI в. это объясняется самим новым пониманием творческой личности, у которой на основе ее природных задатков и дарований всем строем подготовки ее к жизни формируется прежде всего отзывчивая на все гармонизированное в мире чувственность и эмоциональность как приятие и чувственное переживание всего, с чем встречается человек в жизни и что вошло в его душу как органичное душевное и духовное качество и состояние. В данном случае эмоциональное предстает как результат желанного и ценного для человека восприятия и запечатления в чувствах и сознании всякого явления мира, которое приятно и эмоционально действует на него и запоминается как доброе и желанное начало жизни и как основная форма подготовки его к активной производительной деятельности, естественно влияя на выработку соответствующих умений и способностей. То есть ныне утверждается повышенная требовательность к гармонизации всех взаимодействий человека с миром, ибо становится все более ясным, что только гармонизированная по всем параметрам жизнь может обеспечить человеку полнокровное и счастливое бытие в культурном мире.

Вот в этих взаимодействиях оттачивается и заостряется глубина чувственного восприятия и фиксирования в памяти мира как чего-то благотворного и желанного для полноценного пребывания в деятельной жизни. Развитие способности восприятия и переживания воспринятого – это первая ступенька в эстетическом развитии индивида, роль которой неизмеримо возрастает в условиях становления современной общечеловеческой цивилизации.

Приятное и благотворное восприятие обязательно пробуждает в индивиде желание повторения и одновременно непременного обогащения чем-то подобным, может быть, сначала в процессе подражания воспринятому, а потом и в собственном творчестве нового, более совершенного и эмоционально действенного и органичного для национальной культуры и формирующихся общечеловеческих ценностей. А в частых повторениях повышается и оттачивается острота восприятия, становящаяся основой эстетического восприятия как фильтра всей воспринимающей деятельности чувств каждого конкретного индивида.

Этот индивид с каждым разом все острее воспринимает благотворность таких встреч, концентрирующихся в его обостряющейся чувственности и его росте заинтересованности в таких встречах с явлениями и событиями в мире, конечно, и во встречах с интересными людьми и собеседниками.

Таким образом, степень эстетической ориентации человека на завершенное, совершенное, гармонизированное, привлекательное проявляется уже на стадии чувственного восприятия материала, результаты которого естественно включаются в процесс осмысления воспринятого и оказавшего влияние на душевный настрой и жизненную активность индивида. Уровень развития способности чувственного восприятия сказывается на характере организованности материалов восприятия, поставляемых прежде всего для осмысления, а затем и реальных действий индивида – субъекта восприятия, становящегося в дальнейшем активным

действователем-творцом новой реальности материального, нравственного и духовного порядка.

Можно предположить, что развитая способность восприятия сказывается на отборе материала для осмысления на уровне его организованности, упорядоченности, выразительности, совершенства и практической значимости и гармоничности со всем уже существующим, а схватывание этих его качеств определяется степенью одаренности воспринимающего и его рефлексивными возможностями и способностями осмысления воспринятого. В общем, в субъекте восприятия с самого начала уже работает или проявляется степень эстетического развития субъекта действия как результата его природной одаренности или результата его пребывания в благоприятной атмосфере жизни социума, в том числе и его пребывания в сложившейся в социуме системе воспитания и образования, норм поведения и действования. Можно утверждать, что уже на уровне восприятия субъектом всех встречающихся в его жизни объектов и явлений, особенно на уровне его эмоциональных реакций на предметы и объекты восприятия и осмысления его результатов, начинает осуществляться первоначальный оценочный отбор воспринимаемого и осмысливаемого материала в свете выработавшейся в его личности, как и в социуме, системы ценностей и идеалов. А в соединении эмоциональности личности и ее способности к осмыслению своих эмоций начинает формироваться интеллект личности.

Ведь с каждым из людей нередко случается такое: мы проходим мимо каких-то предметов, явлений, встречающихся людей, не обращая на них никакого внимания, но вдруг на каких-то явлениях или людях наше внимание заостряется и как бы застывает, а иногда что-то или кто-то нас так поражает, что мы, забывая обо всем на свете, неожиданно замираем и, как зачарованные, наблюдаем за привлекательным лицом, фигурой, походкой, жестами заинтересовавшего нас субъекта и следуем за ним, забыв обо всех своих делах и намерениях. Это проявляется наше развитое эстетическое восприятие, потому что очаровавший нас субъект поразил наше внимание, и в нас возникло желание непременно познакомиться с ним и завязать разговор. А может быть, необязательно и знакомиться, но обязательно останутся приятное впечатление и добрые чувства и эмоции.

Здесь важно то, что возникшая эмоциональная реакция пробуждает в субъекте восприятия способность к рефлексии, запускающей работу мышления, оценивающего случившееся событие, побуждающего субъекта восприятия к совершению определенных поступков по принятым правилам, нормам и ценностным ориентациям личности. Результатом же работы мышления являются реальные позывы, интенции к реальным действиям субъекта, творчески реализующего возникшую в нем деятельную интенцию и терзающую его эмоцию. Тут для нас важен факт превращения эстетической эмоции в фактор формирования в субъекте рефлексивной способности как условия и фактора пробуждения и формирования способности мышления субъекта. Так начинает рождаться, прорастать творческое мышление.

Естественно то обстоятельство, что одновременно с эстетическим восприятием в субъекте начинают вырабатываться и оформляться ценностные реакции и суждения, которыми в своей дальнейшей жизни руководствуется человек, постоянно обогащая и развивая всю свою систему ценностных ориентаций личности в мире и во всей ее жизненной активности. Эта система ценностей и ценностных ориентаций станет основой формирования идеалов, к которым естественно стре-

мится субъект восприятия, и выработки в нем способностей к творческому преобразованию им всех его взаимодействий с миром. Если в субъекте выработалась система ценностей, то он будет ею руководствоваться во всех своих взаимодействиях с миром людей и миром природы, не выбиваясь из колеи уже сложившихся более или менее гармоничных добродетельных личностных отношений с миром, а наращивая их силу и действенность. Дело в том, что система ценностных эстетических ориентаций становится органическим элементом всей психической жизни субъекта, чертой его характера и руководящим началом всех его активных, теперь уже творческих взаимодействий с миром, становясь фактором выработки в человеке его творческих способностей и всего процесса его духовного развития.

Став постоянной чертой характера индивида, творческая способность развивается и совершенствуется в личностные образования и нравственность индивида, сформированные под воздействием испытываемых в процессе творчества эстетических эмоций, которые концентрируются в устойчивых эстетических чувствах и особенно в эстетическом вкусе. Именно вкус становится руководящим началом всей творческой созидательной и духовной жизни человека. Ведь эстетический вкус – это самое устойчивое личностное психическое образование, проявляющее себя в личности как критерий ее творческой активности и мастерства. Для эстетического вкуса важнее не то, что сделано, а то, как сделано, с каким мастерством и изяществом, какая ценностная установка осуществляется субъектом в процессе создания продукта и изделий рук человеческих. «В основании любого социального роста лежит некоторая ценностная установка: индивидуум стремится создать наивысшую доступную ему ценность и добиться ее адекватной оценки (общественного признания)»[**].

Следует обратить внимание на тот уже давно установленный факт, что эстетический вкус естественно выражает формирующуюся или уже сформированную устойчивую способность отбора субъектом из всего многообразия мира того, что эмоционально, а затем и рационально гармонизирует его пребывание и действия в мире всей его деловой и поведенческой активности. В этой деловой и поведенческой активности субъекта эстетический вкус подчиняет все действия субъекта зафиксированной в нем способности гармонизации процесса пребывания человека в мире. При этом развитый эстетический вкус личности как бы естественно совершенствуется, как говорится, в пандан с изменяющейся социально-культурной ситуацией в социуме и мире. Таким образом, эстетический вкус становится для личности средством реальной не менее гармонизированной оценки положения личности в мире или способностью естественно развиваться вместе со всем миром.

Во всей дальнейшей жизни личности эстетический вкус выполняет функции катализатора и критерия при формировании, выработке в личности способности не только чувственно-эмоционально вживаться в гармонизированный другими мир, но и самой становиться способной своей активностью и преобразовательной деятельностью творить не менее гармонизированный и совершенный мир. Можно с уверенностью утверждать, что эстетический вкус является решающим средством формирования в личности не только ее рефлексивной способности спонтанно, непроизвольно, органично вписываться в мир, но и способности осмысленно и целе-

[**] Черва, Ю. 2003. Формирование нового типа сознания: опыт контркультуры. В: Морева, Л. (гл. ред.), *Творение – Творчество – Репродукция: философский и религиозный опыт* (*Междунар. чтения по теории, истории и философии культуры* 17). СПб.: Эйдос.

направленно продолжать совершенствовать уже созданный не только личностью, но и другими гармонизированный мир, то есть он становится средством продолжения процесса формирования творческой личности.

В дальнейшей жизни перед творческой личностью возникает главная проблема всего ее последующего существования: не допустить в своих чувственно-эмоциональных восприятиях и рационально осмысленных и закрепленных в ее характере творческих способностях возникновения вируса успокоенности, полного удовлетворения достигнутым, уже сотворенным, а иногда и равнодушия ко всему и вся, что естественно приводит личность к утрате ею творческого начала в своей социальной активности. Но и здесь, с моей точки зрения, на первый план выступает главное достоинство эстетического вкуса: если он уже как-нибудь проявил себя, то в нем возникла никогда не удовлетворяемая до конца потребность в постоянном движении, развитии в соответствии с развитием и изменением сферы социальной активности и никогда не удовлетворяемой потребности в творчестве. Только чрезвычайные жизненные обстоятельства могут стать причиной утраты личностью творческого запала во взаимодействиях с миром природы и миром людей.

Об этом говорит весь гигантский опыт творческой части человечества. Согласно этому опыту человек любой творческой профессии продолжает писать, живописать, заниматься наукой, ваять и даже танцевать или руководить танцевальным коллективом, как это делал незабвенный Игорь Моисеев до столетнего возраста. Или как Борис Ефимов, который продолжал рисовать до 108-летнего возраста. Как занимается живописью и художественной педагогикой Б. М. Неменский в возрасте почти 90 лет. Как это делали до конца своих дней в кинематографической жизни С. А. Герасимов, М. И. Ромм (кстати, оба – любимейшие педагоги студентов ВГИКа), Г. Н. Чухрай или в музыке Д. Б. Кабалевский и А. И. Хачатурян, М. Л. Таривердиев и многие другие выдающиеся творцы, с которыми я был знаком и дружен не только по жизни, но и по участию во многих благотворительных акциях. Особенно успешно мы сотрудничали по проблемам состояния и развития эстетического воспитания в образовательных процессах и акциях и хождениях по кабинетам министерств культуры и кинематографии с Д. Б. Кабалевским и Б. М. Неменским. Я даже работал несколько лет до этого в Союзе кинематографистов СССР, где активно общался с кинодраматургами, киноактерами, кинорежиссерами и кинокритиками. Был я знаком и с такими выдающимися кинематографистами, как Микеланджело Антониони, Федерико Феллини, Симона Синьоре, Энтони Асквит, Серго Закариадзе, Тенгиз Абуладзе, Николай Мащенко, Андрей Тарковский и Василий Шукшин, и с незабвеннейшими Марком Бернесом, Микаэлом Таривердиевым и другими творцами художественных ценностей. Был я и членом бюро Международного Союза музыкальных деятелей, и Председателем совета по философии и эстетике театра Союза театральных деятелей России, в котором часто сотрудничал и общался с М. А. Ульяновым, чрезвычайно активным и решительным общественным деятелем. Знавал я и талантливых организаторов коллективного производства художественных ценностей, но в этой сфере их было гораздо меньше, чем в самой сфере художественного творчества, ибо творец – хозяин сам себе и свободе своего творчества. Знал я художников, которые поддавались давлению чиновников от искусства, знавал и стойких борцов за право творить искусство в соответствии со своими дарованиями и гражданскими позициями. Среди

несгибаемых и неуступчивых творцов я бы назвал имена Андрея Тарковского, Михаила Ульянова, Льва Дурова, Григория Чухрая, Василия Шукшина. Но из всех творцов самым талантливым организатором и гражданином я считаю С. А. Герасимова, который кроме профессорской деятельности во ВГИКе, руководства творческим объединением на киностудии имени А. М. Горького был Председателем бюро по эстетическому воспитанию в Российской аадемии образования (членом которого был и я), а также членом Президиума Союза кинематографистов СССР и просто замечательным и во всем талантливым человеком, создавшим немало выдающихся фильмов. Столь же мощными организаторами-гражданами и выдающимися кинематографистами были М. И. Ромм и Г. Н. Чухрай. Все они были людьми с высочайшим эстетическим вкусом и высокой гражданской требовательностью к своему творчеству.

Общественное признание, таким образом, становится фактором одобрения ценностных представлений творца и поддержкой его усилий в творческих дерзаниях, связанных с культуротворческими усилиями. Оно становится средством повышения самооценки личностью своей значимости в социальной жизни и в отношениях с людьми. Таким образом, эстетический вкус становится стимулятором культурного самосовершенствования человека и роста его статуса и авторитета в обществе.

Но возникает вопрос: заканчивается ли с формированием и закреплением в личностных качествах творца эстетического вкуса его формирование как творческой личности? На этот вопрос уверенно можно ответить: нет, не заканчивается. Потому что эстетический вкус – это важнейший, во многом решающий элемент творческой способности, ее фундамент и вечный двигатель ее творческой неуспокоенности. Но не все в творческой способности определяется им.

Эстетический вкус влечет за собой выработку в личности такой эстетической по духу способности человека, как воображение, представляющее собой органическое единство чувственности, эмоциональности и творческого ума. В своей совокупности эстетический вкус и воображение представляют собой реальную основу выработки в становящейся творческой личности интеллекта. При этом нельзя не отметить тот факт, что воображение само по себе есть образная составляющая в формируемом интеллекте, которая составляет интеллектуальную составляющую образного, теперь уже творческого, мышления субъекта любой художественной и – шире – эстетической его деятельности. Вообще без сформированности и проявления в деятельности способности воображения даже при высокоразвитом эстетическом вкусе творца процесс формирования не может считаться состоявшимся и завершенным. Ведь в воображении перед личностью чередуются бесконечные образные намеки, иногда и целые картины задуманного творения. Вот тут воображение естественно переплетается с эстетическим вкусом, ценностными ориентациями, представлениями и идеалами субъекта творчества. Вместе они и помогают творцу произвести ценностный отбор жизненного материала, естественно входящего в основу образа и всей художественной системы, представленной в творческих дарованиях творца. Обращу внимание читателя на то, как великий скульптор Роден, задумав один раз скульптуру на тему «Поцелуй» и блестяще осуществив свой замысел, вызвавший у парижан необычайный интерес, затем до конца своей жизни изваял еще более десяти вариантов воплощения этой темы. Все они ныне представлены в музее его имени в Париже.

За органическим слиянием в творческой личности эстетического вкуса и художественного воображения следует аналитическая и критическая уже не чувственно-эмоциональная, а интеллектуальная способность личности, обязательная для любого вида творчества. Иногда говорят о спонтанном или непроизвольном творческом процессе. Но это иллюзия, особенно когда кажущееся окончательным решение принимается творцом как бы вдруг, неожиданно. Нельзя забывать о том, что почти всегда возникший замысел будущего творчества вызревает скрытно, во внутренней работе мозга, в процессе которой и приходит окончательное решение, перебираются различные варианты исполнения замысла.

Я расскажу здесь одну занятную историю, случившуюся с Б. М. Неменским и сопровождающую всю его творческую жизнь. Случилось это с ним в довольно молодом возрасте, когда он 22-летним парнем, студентом Студии военных художников имени Грекова, попал на поля сражений Великой Отечественной войны. Там он стал свидетелем и участником многих ужасных событий, которые запали в его потрясенную душу до такой степени, что он, вернувшись с фронта после победы, решил через 18 лет реализовать замысел, родившийся еще во время боев. Он написал картину-призыв, протест против войны вообще. Он изобразил холм прифронтовой полосы, на котором лежат голова к голове убитые молодые парни – русский и немец. В 1964 г. он представил эту картину на ежегодной выставке Московского Союза художников. Правление Союза сначала приняло картину в экспозицию с большими сомнениями, после долгих споров. Положительному решению судьбы картины способствовала доброжелательная позиция тогдашнего председателя Московского отделения Союза художников Д. Шмаринова. Картина имела тогда ошеломительный успех при общем осуждении многими членами Правления Московского отделения Союза художников, да и прессой оценивалась неоднозначно. Картина произвела фурор, а иногда вызывала осуждение потому, что художник изобразил как равных молодых людей разных миров: советского и фашистского. Не буду продолжать затянувшуюся до наших дней историю об этой картине. Только добавлю, что Неменский до сих пор возвращается к этой работе. Постоянно на его мольберте в мастерской стоит рама с натянутым полотном, чтобы на нем Борис Михайлович снова и снова воспроизводил этот сюжет, хотя уже шесть вариантов картины находятся в разных музеях мира, в том числе в художественных музеях Берлина и Токио. Но он говорит, что его гражданскую совесть до сих пор гложет картина прерванной жизни молодых людей, которую он видел в 1945 г., и что сам он нередко во время войны был очевидцем таких ужасных ситуаций. Картина стала живописным манифестом против войны вообще, как, например, целая галерея портретов женщин-матерей, сыновья которых сражались на фронтах Великой Отечественной войны, и масса удивительных пейзажей, сотворенных художником уже после войны. У него много выдающихся полотен, но эту картину он считает главным итогом своего художественного творчества, своим главным вкладом в антивоенное движение современности. И на протяжении всей своей жизни он воспитывает новые и новые поколения живописцев, которые в разных регионах России расписывают выставочные залы в детских садах, школах и клубах. Я был несколько раз председателем экзаменационной комиссии на художественном факультете Университета Российской академии образования и видел замечательные творения его выпускников, работающих ныне педагогами

в школах разных регионов и городов и уже представленных в разных городских музеях России.

Я мог бы приводить множество подобных примеров в области кино, театра, музыки, поскольку был причастен к формированию новых поколений художников, читал лекции и вел семинары практически во всех театрах России, вплоть до вокальной и балетной трупп Большого театра, во многих областных отделениях художников, а в Малом театре, в театрах имени Евгения Вахтангова, имени Ленинского комсомола и в вокальной труппе Большого театра несколько лет вел ежемесячные семинары по эстетике.

Если эстетический вкус является общим обязательным качеством для творца любой сферы человеческой деятельности, то эстетическое или художественное воображение, мышление, а затем и интеллект – это специфические для каждого вида творчества явления. В гуманитарных сферах человеческой деятельности, особенно в искусстве, обязательной является способность образного мышления, специфическая для каждого вида художественного творчества, а во всех видах технического (инженерного, научного) творчества, конечно, работает способность теоретического, конструктивного и образного мышления, но оно не всегда способно разрешать специфические задачи технического и научного творчества. В них образ, метафора, воображение, теоретическое положение, сравнение, сопоставление как элементы мышления играют важную роль. Но в них же все эти элементы, предстающие в воображении, требуют материализации и производственного воплощения в технических изделиях и приборах, созданных на основе математических расчетов, разнообразных методов и приемов конструирования и научных теорий. Тут творческие поиски ведутся в жестко заданных параметрах, вырабатываемых в научных расчетах. В инженерном и техническом творчестве требуется доведение проектов, изобретений до исполнения ими определенных технических и технологических функций, что отражается в операциях доводки изобретенного технического устройства или даже детали до полной притирки в целостном изделии и тщательной их доводки в процессе технологических испытаний. Поэтому в техническом, конструктивном, технологическом творчестве изобретение почти никогда не завершается конечным результатом, к которому нередко приходит творец художественных явлений. Произведение искусства нацелено на духовное воспитание и развитие любого его воспринимающего субъекта без обязательного развития в нем таких же художественных творческих способностей. Техническое же изделие предназначено для производства с его помощью нужных для социума и личности материально-технических приборов, машин, станков и оборудования. Для пользования этими продуктами производственного характера требуется специальная профессиональная подготовка людей различных технических специальностей, которые нередко рождаются вместе с родившимся прибором или изделием.

В наше переходное в новую цивилизацию время возникло огромное количество специальностей: программистов, проектировщиков, разработчиков все новых и новых компьютерных и интернет-программ и продуктов, без которых немыслимо современное человечество как приспосабливающееся к новому уровню своего научно-технического бытия, производства, обслуживания и даже существования.

Так что ныне уже наступила эпоха обязательного информационного научного образования. Это, естественно, предъявляет новые повышенные требования к уровню профессиональной подготовки всех землян, творцов новой материально-технической картины реального мира, производящейся человеком на основе новой научно-технологической производственной базы. С особой стремительностью к образовываемому человеку возрастают требования к способности осмысливания всех заданий и принятия для своей специфической деятельности безошибочных и эстетически привлекательных технологически обоснованных решений. Так что компьютерная грамотность и способности к программированию становятся одним из решающих критериев образованности современного человека, проявляющего себя во всех видах человеческого творчества.

* * *

Наверное, всем системам эстетического воспитания современного мира придется перестраиваться, чтобы соответствовать современным требованиям интеллектуально-творческой подготовки новых творцов эстетической реальности, которая непременно будет информационно насыщенной и требовательной к способности пользователя информацией выявлять и оценивать ее эстетическую насыщенность и творческий заряд в любой профессии и специальности. Эти требования предъявляются уже ко всем видам деятельности. Уверен, что эта парадигма человеческих отношений со временем распространится и на все способы жизнедеятельности человека, то есть способы воспроизводства человеческого рода. Возможно, эта парадигма в недалеком будущем скажется и на деятельности всех политических, экономических, торговых, финансовых и прочих видов социальной деятельности.

Эта задача будет, разумеется, сложнее всех производственных и созидательных задач всей прошлой истории человечества, поскольку она упрется в эстетический характер всех семейных отношений и отношений между всеми поколениями людей, особенно между уровнями их социальной, материальной и духовной обеспеченности, и такими принципами социальных отношений в обществе и государстве, реализация которых приводит к повышению степени гражданственности общества. Последняя, то есть гражданственность, определяется степенью реализации в общественном устройстве принципов справедливости и равенства, политической и правовой гармонии общественных отношений, активностью гражданской позиции каждого члена социума в непременно демократическом по политическому устройству государстве.

Как видим, и здесь на первый план выходит эстетический принцип построения и устроения всей жизни общества, а соответственно и стремления каждого гражданина российского общества к совершенству и гармонии всех основ жизни. Можно сказать, что в дальнейшей истории человечества стремление всех социумов к гармонии и совершенству станет главным культуро- и цивилизационнообразующим принципом жизни всех народов, стран и континентов. Тогда-то и наступит предсказанный И. Кантом «вечный мир» и родится обоснованное В. Соловьевым «всечеловечество» как идеальные представления этих гигантов мировой философской мысли.

В связи со всеми этими обстоятельствами, как мне представляется, перед теорией и практикой эстетического воспитания современного человечества встают проблемы исторической важности. Первая и важнейшая из них состоит в обеспечении всех ныне существующих в мире систем воспитания и образования самыми современными информационными средствами: компьютерами и подключением к Интернету и прочим информационным технологиям, сопровождает их внедрение в образовательный процесс новых поколений землян тщательно и внимательно разработанными программами, предусматривающими не только знакомство всех современных детей с компьютером, но и обучение их работе с компьютером и выработку у них способностей разрабатывать собственные программы, нацеленные на получение практических результатов в проективной, конструкторской, учебной и программирующей гуманитарной деятельности. Я уверен, что к этому времени будут разработаны программы изучения всех предметов современной школы с уклоном на практическую реализацию знаний в повседневной жизни и в целенаправленном разнообразном техническом и гуманитарном творчестве.

Вторая проблема, связанная с информационными технологиями процесса образования и творчества, – организация на современном телевидении каналов, пропагандирующих среди подрастающих поколений все достижения информационных и гуманитарных технологий и их возрастающие требования к формированию и развитию способностей человека творить свой особый и практичный мир с помощью информационных технологий, оказывающих влияние на все сферы жизни современного человечества. На современном российском телевидении уже существует немало детских каналов, попусту тратящих время на всякого рода убогие детские игры, никак не влияющие на пробуждение и формирование в ребенке творческих начал, на эмоциональное и рациональное развитие и формирование у него способностей и навыков самостоятельно совершать какие-то действия программно-информационного порядка. Единственным средством эмоционального воздействия этих передач на играющих детей является повышенная и показная якобы эмоциональная возбудимость ведущих этих убогих программ, демонстрирующих только свои голосовые данные и «орательные» способности, лишенные хоть каких-нибудь подлинно эмоциональных и тем более интеллектуальных начал. На этом фоне просто кричаще необходимой представляется программа «Ребенок и компьютер», органично и ненавязчиво предлагающая разделы: «Ребенок и программирование», «Ребенок и творчество», может быть, и «Педагогика и творчество».

Играть в компьютерные игры сейчас умеют практически все городские ребята, а о собственном программировании и работе с компьютером на уроках они еще и не думали: родители еще не додумались их научить, а школа еще к этому не пришла ни организационно, ни практически, поскольку в школе пока еще имеется в лучшем случае один педагог по информатике на все классы, а на все классы его, как правило, хотя бы для просветительной работы, не хватает. Министерство образования и науки только в 2008 г. задумалось о всеобщей компьютеризации школ. Но теперь со всей остротой перед школой встанет проблема подготовка учителя к работе с компьютерными и интернет-технологиями. В образовательных стандартах информатика как обязательный предмет до сих пор не была обозначена, потому и программ информационного образования для общеобразовательных

школ не существует. В 90-е гг. XX в. я работал в школе и знаю, как начинали вводиться самые элементарные уроки информатики, если директору школы удавалось каким-то образом заполучить списываемые в различных фирмах компьютеры и находить какие-то возможности оплачивать труд учителя информатики. Но сначала ребята учились только играть на компьютере, поскольку в стране еще не было разработано никаких информационных школьных программ. Каждый учащийся получал на уроке в свое распоряжение компьютер на 10–15 минут, чтобы научиться играть на нем. Все остальное он получал только на словах. И если дома у него компьютера не было, то и никакой практики для работы с компьютером у него не могло накопиться. В настоящее время во многих школах появились компьютерные классы, но серьезных программ компьютерной подготовки ребят пока нет.

Уделив такое серьезное внимание информационным программам образования и эстетического воспитания, я ни в коем случае не снимаю вопрос о совершенствовании процесса эстетического воспитания во всем образовательном процессе. Особенно в процессах музыкального образования, изучения изобразительных искусств и художественного труда, которым в Японии, во многих европейских странах и в США уделяется значительно больше времени и внимания, чем в российских школах, о чем я неоднократно уже писал. А для решения многих проблем эстетического воспитания и культурного образования я разработал в 90-е гг. XX в. программы «Эстетика жизни» отдельно для IX, X и XI классов и написал по этим программам учебники. Под моим же руководством были созданы программа и учебник «Мировая художественная культура». Учебники были изданы тиражом 40 тысяч экземпляров и разосланы за счет Министерства образования по всем школам России. Написал я и специальную книгу для учителя «Эстетика жизни». Однако Министерство образования России так и не ввело изучение этого предмета в школе. Да и преподавать его некому, поскольку распоряжением Министерства образования от 1999 г. все кафедры эстетического воспитания в педагогических институтах и университетах были ликвидированы и все их сотрудники вынуждены были переучиваться для преподавания других предметов. Таковы реалии и «достижения» современной российской школы в области эстетического воспитания новых поколений россиян.

КИБЕРНАВТ КАК СИМВОЛ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

П. С. Гуревич

Автор рассматривает антропологические аспекты современной глобализации. Он показывает, что для осмысления глобальных процессов необходимо анализировать также и проблемы человеческой природы. Делается попытка создать обобщенный образ человека, который станет символом рождающегося мира.

Ключевые слова: *глобальный мир, человек, кибернавт, идентичность, трансформация, природа, преображение, генетика, философия.*

Творец или творение?

Массово-информационные процессы глобального мира невозможно представить без развернутой философско-антропологической теории. Говоря о «глобальном человеке», о проблеме самоидентификации в обществе «реальной виртуальности», мы не можем выстраивать лишь логику компьютерных технологий, обезличенной информационной среды. При обсуждении любого вопроса глобальных преображений мы постоянно сталкиваемся с антропологическими детерминантами. Актуальными вновь оказываются традиционные вопросы философской антропологии: «Человек – творец или творение?», «Кто или что является демиургом современного мира?», «Действительно ли человеческое тело является базовой основой идентификации человека?», «Способна ли человеческая природа к предельной открытости и бесконечным преображениям?»

Некоторые современные философы, в том числе В. А. Кутырев, В. И. Самохвалова, Э. М. Спирова и другие, с тревогой отмечают угрозу, которая нависла над человеком как особым родом сущего. Ему суждено вымирание. Особый трагизм данного процесса состоит в том, что он едва ли осознается самим человеком. Трансформация человека случится незаметно, как при анестезии. «И жизнь, как боль, пройдет над нами, едва коснувшись головы» (Казаков 1970–2000). Люди вовлечены в такие процессы, что уже утратили свою идентичность. Потеряв свою тождественность, человек станет другим, даже не успев «очухаться». Оказавшись «кибернавтом», он безболезненно и легко, как при обезболивающем уколе, сбросит человеческое тело вместе с тем наследием природы, которое вызвало его к жизни. Витальность отомрет как реликт, земной мир лишится своей трепетности, одушевленности. Техника, придуманная человеком, отпразднует собственное торжество. «Сколько-нибудь осмысленной биополитики не существует и все процессы развиваются стихийно. Даже клонирование, отменяющее пол и подрывающее весь механизм развития человека как живого существа, действительно массовых протестов не вызвало и ползучим образом переходит от животных на него. При такой реакции на самые дерзкие посягательства на собственную природу, мы даже не будем знать, когда нас не будет» (Кутырев 2010б: 27).

Особая драматичность данной проблемы связана с тем, что такой ход событий в известной мере не может считаться в философской антропологии извращением, тупиком, патологией в развертывании человеческой природы. Человек как данность уже в мистической традиции рассматривался как существо, не только способное к преображению, но в значительной степени даже приговоренное к нему. Разве древние гностики не считали человека сверхприродным субъектом, разве они не грезили о его немыслимой трансформации? Неужели мы не ощущаем в мистических текстах этого едва ли скрытого и неумолимого желания – освободиться от греховной плоти, от подавленности природным миром?

Адам Кадмон – «Адам Первоначальный», «человек первоначальный» – первоначальная духовная форма существа, состоящего из света, одаренного всяческой мудростью и живущего с Богом в Эдемских садах или на вышней небесной земле. Это первообраз духовного мира. Представление об Адаме Кадмоне соотносимо с гностическим понятием антропоса. Антропос – человек, в гностических представлениях – духовный первочеловек, вечное начало, присутствующее в человеке. Наибольшее развитие эта концепция получила в каббалистической мистике, где Адам Кадмон осмысляется как соединительное звено между бескачественным и беспредельным Богом и его самоопределением через полагаемые им же формы. Согласно «Зоару», образ человека заключает в себе миры горние и дольние.

«Оккультные и мистические учения, – писал Н. А. Бердяев, – всегда учили о многосоставности, сложности человека, включающего в себя все планы космоса, изживающего в себе всю вселенную. Та философия, которая видит в человеке лишь частное явление природного мира, всего менее видит в человеке космос, малую вселенную. И лишь та философия в силах прозреть космос в человеке, которая видит, что человек превышает все явления природного мира и являет собой верховный центр бытия. Что в человеке скрыты тайные, оккультные космические силы, неведомые официальной науке и будничному, дневному сознанию человека, в этом почти невозможно уже сомневаться» (Бердяев 1989: 299). Но разве не об этих скрытых, оккультных космических силах пишут современные архитекторы будущего человека? Они создают новые метафоры, ритуалы и стили жизни в информационной вселенной. Все больше людей становятся шаманами нечеткой логики и алхимиками виртуальных пространств.

Мистики утверждали, что ангелы (как первообразы) находятся за пределами эволюции. Иное дело – человек. Он обязан пройти длительный и драматический путь развития. При этом «расставание» с телом вовсе не является для мистиков странным и неожиданным сюжетом. По мнению каббалистов, человека следует идентифицировать только с духом. Тело – это только одежда для души, ни в коем случае не сам человек. Мистики в общем не считали человека идеальным созданием. Они говорили и об ущербности человеческой природы.

«Недовольные собою люди всегда хотели стать более могущественными и физически сильными, – пишет В. А. Кутырев, – сбросив с себя “ветхого Адама” возвыситься до бестелесного духа в различных религиозных учениях; ждала нового человека эпоха Просвещения; на практике пытался создать его марксизм» (Кутырев 2010а: 178).

Эти идеи, несомненно, не являются чуждыми философской антропологии. Сначала А. Шопенгауэр, а затем Ф. Ницше задумываются над странностью человека как живого существа. Путем чисто философского умозрения формулируется мысль о том, что человек, вероятно, выпадает из цепи природных тварей. Он экс-

центричен как особый род сущего и вовсе не производит впечатления венца творения. Напротив, если сделать, условно говоря, допущение, что человек – уже установившееся животное, то ничего кроме «халтуры природы» не получается. Так впервые в истории философии появляется мысль об ущербности человека. «Я учу о сверхчеловеке», – писал Ф. Ницше. По-новому осмыслив ницшеанскую формулу о человеке как еще незавершенном животном, М. Шелер и его коллеги представили «мыслящее существо» как свободное, открытое. Опираясь на средневековую традицию, на взгляды агностиков, философские антропологи подошли к проблеме слабой укорененности человека в природе с радикально иных позиций.

Они постулировали ущербность человека как биологического организма. По их мнению, став вольноотпущенником природы, человек обрел возможность саморазвития, преображения. Однако никто не предложил ему маршрута этого движения. Сам путь развития человека оказался чистой авантюрой – потомок Адама находится в процессе становления, но без предустановленных ориентиров. Если эволюция – это «езда в незнаемое», то в какой мере оправданны наши сетования по поводу нынешнего глобального преображения человека? Если отвлечься от постмодернистской философии, то человек действительно находится сегодня на рубеже невероятных трансформаций, поскольку каждый вариант культурного бытия может привести к появлению нового антропологического персонажа. «Когда человек узнал, что судьба мира в нем самом, он решил, что перед ним открывается безграничное будущее, в котором он не может затеряться, и эта первоначальная реакция часто увлекает его на поиски своей завершенности и обособленности» (Тейяр де Шарден 1987: 189).

Но действительно ли следует вслед за Тейяром де Шарденом гоминизировать саму смерть? Верно ли, что мы стоим на пороге глобальной эволюции? Правда ли, что эволюция человека – это человеческая попытка играть в кости с Богом? Определимся же, наконец: не всякая авантюра преображения является неизбежной с точки зрения философской антропологии. Развитие человека, его судьба не предполагают броуновского движения человеческой истории, неожиданных бросков в разных направлениях ради самой открытости человеческой природы. Чего стоит разумность человека, если она не включается в трагические периоды человеческого существования для того, чтобы понять, «куда влечет нас рок событий»? И вот какая мысль может оказаться для нас надежным поводырем: «Человек приговорен искать человеческое в себе самом…» Именно так: любой прогресс реакционен, если он не сопряжен с поиском специфически человеческого. И наоборот: отступление от человеческой природы смертоносно для будущего.

Если человек есть образ и подобие Бога, то все попытки исказить, извратить (или даже усовершенствовать) человеческую природу выглядят кощунственными. Он – творение Божье. Э. Фромм написал работу «Будьте как боги». Но это вовсе не означает – «будьте Богами». Человеку пристало оставаться в рамках божественного замысла. И тогда нам надлежит с особой трепетностью относиться к разумности, духовности, креативности человека, которые уже явили свое величие в мощном взлете человеческой культуры.

Однако философ Возрождения Джованни Мирандола полагал, что человек – творение неопределенного образа. Вот как он представлял Божье наставление человеку: «Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно своей воле и своему решению. Образ прочих

творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире…» (Пико делла Мирандола 1981: 249).

Итак, человек не только творение, но он и творец. «Человек уникален. Он привнес в мир некий элемент, чуждый животному миру; но в чем заключается этот элемент, все еще не вполне ясно» (Ясперс 1997: 32). У человека есть предназначение, которое зависит от него самого. Однако творя сам себя, человек, надо полагать, должен остаться человеком. Ведь Бог, если следовать мысли Дж. Пико делла Мирандолы, вряд ли в своем божьем промысле имел в виду, что человек станет машиной, кентавром или кибернавтом.

С незапамятных времен, как отмечал К. Ясперс, неотъемлемыми качествами человека считались свобода, рефлексия, дух. Участь животного всецело обусловлена законами природы. Человек также зависит от законов природы, но вдобавок у него есть предназначение, реализация которого всецело зависит от него самого. В то же время мы нигде не встречаем человека полностью духовным существом; природные потребности оказывают свое воздействие даже на самые глубинные пласты его духа. «В старину воображение человека рисовало ангелов – воплощение чистой духовности. Но человек как таковой не есть ни животное, ни ангел; в нем есть свойства как того, так и другого, но он не может быть ни тем, ни другим» (Там же: 32–33).

Кибернавт или техноид

Слово «кибернавт» ввел в литературу Тимоти Лири. Он видит будущее человека в симбиотической связи человека с компьютером. Это, по его мнению, «новейшая модель человека XXI века». Он полагает, что кибероджда для него станет привычнее, чем обычная (Лири 2002: 188). Речь идет о реальном перепрограммировании мозга, о невиданном ускорении мыслительных процессов.

Т. Лири напоминает нам, что слова «киберличность» или «кибернавт» возвращают нас к первоначальному значению слова «пилот» и втягивают самоуверенную личность обратно в «мертвую петлю». Цифровая реальность сулит и множество трудностей. Человек обретает способность передвигаться внутри информационных миров. Построение новой киберпространственной субъективности обусловлено, таким образом, повествуемым восприятием, за которым следует кинесис. Таков поразительный пересказ описанного в феноменологии М. Мерло-Понти развития субъективности. «Будучи продолжением мира, тело вместе с тем выступает универсальным измерителем, поддерживающим гармонию в мире» (Вдовина 2008: 216). Это процесс физиогномического восприятия, который располагает вокруг субъекта мир, ему о нем говорящий, и дает его собственным мыслям их место в мире.

Зодчий «нового человека» полон энтузиазма. Он отмечает, что превращение догоминидных австралопитеков в кроманьонцев происходило примерно на протяжении жизни пятнадцати тысяч поколений... За этот относительно короткий период мировой истории семейство гоминид претерпело радикальное изменение формы; в самом деле: гоминиды оказались одной из групп животных, у которых раскрылся огромный потенциал, и этот потенциал начал реализовываться с колоссальной интенсивностью. Поэтому вряд ли стоит надеяться, что в ходе естествен-

ного развития этот поток засохнет на Homo sapiens recens. Человек не сможет оставаться таким, каким мы его сейчас знаем, современным типом sapiens. Предположительно в течение ближайших сотен тысяч лет он значительно изменится физиологически и физически.

Однако о чем идет речь – о «развитии человека» или о сотворении нового существа? «В настоящее время, в контексте бурного развития техники и новых технологий, с одной стороны, – пишет В. И. Самохвалова, – и впечатляющих успехов нейробиологии, генетики, биоинженерии и т. п., с другой, все чаще делаются попытки прогнозов того, каким в результате может оказаться человек XXI века. Будет ли это некий гибрид человека и машины, киборг? А может быть, это будет нейрочеловек или выращенный на генных вакцинах и выборочных мутациях (с моделированием свойств, согласно современной евгенике, и сверхразвитием нужных качеств) своего рода апгрейд человека? Или же, обладая перспективой бессмертия благодаря выращиванию собственных клонов и возможности замены пришедших в негодность органов, он вообще станет полубогом?» (Самохвалова 2009: 89).

Создавая человека по меркам техники, энтузиасты его радикальной переделки до известной поры толкуют все же о потомке Адама. Т. Лири пишет о том, что, судя по всему, мы подошли к очередному генетическому перекрестку, – из тех, которые так часто появлялись на историческом пути приматов. Члены человеческого генофонда формируют симбиотические связи с компьютерами. Появляются новые ассоциации людей, связанных компьютерными сетями, обеспечивающими быстрый и свободный информационный обмен. Нажатием клавиш устанавливается режим нового нейрофизиологического взаимодействия. Интерактивный режим устраняет зависимость человека от многочисленных бюрократов, экспертов, профессоров, психотерапевтов, библиотекарей, менеджеров и профсоюзов, которые ревниво монополизировали информационный поток в индустриальную эпоху.

Однако в какой мере можно представить себе развитие человека как простую органопроекцию его человеческих качеств? Можно ли сохранить целостный образ человека, преображая его мозг, тело, психику? Т. Лири полагает, что можно. Он пишет о том, что цифровые графические устройства развивают партнерство между человеческим мозгом и компьютером. Эволюционируя все к большей физиологической сложности, наши тела сформировали симбиоз с пищеварительными бактериями, чтобы выжить. Точно так же наши мозги формируют нервно-электронные симбиотические связи с компьютерами. Важно отличать зависимость от симбиотического партнерства. Тело может пассивно привязаться к определенным молекулам, например к молекулам наркотиков, а мозг может пассивно привязаться к электронным сигналам, например сигналам телевизора. Тело тоже нуждается в симбиотическом партнерстве с некоторыми одноклеточными организмами. На современном этапе эволюции все больше людей развивает взаимозависимые интерактивные отношения со своими микросистемами. Наступает момент, когда человек «попадает на крючок» и не представляет жизни без постоянного обмена электронными сигналами между мозгом и персональным компьютером. С помощью компьютеров устанавливается интенсивное интерактивное партнерство с остальными жителями киберпространства.

Однако социальная практика показывает, что такое свободное экспериментирование с человеком вызывает неожиданные трудности и парадоксы. Человек не является подобием машины, которая обладает набором разных свойств и характе-

ристик. В бытии человека обнаруживаются экзистенциальные противоречия. Ведь он рождается в природе, а живет в обществе. Человек имеет инстинкты, но располагает и сознанием. Он животное и неживотное. Потомок Адама – природное создание, но он имеет и божественную природу. Человек, по определению Э. Фромма, едва ли не самое эксцентричное создание универсума.

Поэтому пересоздание человека по лекалам техники рождает кадавра. Приобретение новых задатков оказывается похожим на процесс распространения раковых метастазов. Утрата телом правил органической игры ведет к тому, что тот или иной набор клеток может выражать свою неукротимую и убийственную жизнеспособность, не подчиняясь генетическим командам, и неограниченно размножаться. И здесь в качестве оппонента Т. Лири выступает авторитетный постмодернист Ж. Бодрийяр. Компьютер порождает сенсорное окружение виртуальной реальности. «Конечное проникновение» сосредоточено вокруг кибернавта – субъекта в киберпространстве. Терминальная культура может быть определена как эпоха, в которую цифровое заменило осязательное, если воспользоваться терминологией Ж. Бодрийяра. Однако в трактовке французского философа виртуальная реальность составляет симуляцию воплощенного присутствия и, следовательно, обман, еще более отделяющий субъект от областей контроля. Ж. Бодрийяр толкует все эти проекты преображения человека как продолжение концепции канадского социолога М. Маклюэна. Этот автор в свое время считал, что речь идет о развитии человека, о проекции его сенсорных возможностей. У Маклюэна все, что есть в человеческом существе – его биологическая, мускульная, мозговая субстанция, – витает вокруг него в форме механических или информационных протезов. Все это представлено у него как позитивная экспансия, как универсализация человека через его опосредованное развитие.

В действительности же вместо того, чтобы концентрически вращаться вокруг тела, все эти функции превратились в сателлиты, расположившиеся в эксцентрическом порядке. Они сами вывели себя на орбиту, и человек сразу же оказался в состоянии эксцесса и эксцентричности относительно своей собственной технологии. Человек вместе со своей планетой Земля, со своим ареалом, со своим телом сегодня сам стал спутником тех самых сателлитов, которые он же создал и вывел на орбиту. Из превосходящего он стал чрезмерным (Бодрийяр 2006: 46).

Но сателлитом становится не только тело человека, чьи функции, выходя на орбиту, вынуждают его к этому. Все функции нашего общества, в особенности высшие функции, отделяются и выходят на орбиту. Война, финансовые сделки, техносфера, коммуникации становятся сателлитами в непостижимом пространстве, повергая в запустение все остальное. Все, что не достигает орбитального могущества, обречено на запустение, отныне не подлежащее обжалованию, потому что нет больше прибежища в каком-либо превосходстве.

Прежде всего поразительна непомерная «тучность» всех современных систем, эта, как говорит о раке Сьюзен Зонтаг, «дьявольская беременность». Но именно она присуща нашим механизмам информации, коммуникации, памяти, складирования. Мы живем в избыточном потоке информации. Ее много, но за этим информационным шумом нередко ускользает смысл. Написано и распространено столько знаков и сообщений, что они никогда не будут прочитаны.

Человеческое тело

Основой человеческого существа является тело. Тело знает, что такое насыщение, трепетность, нега, страстность. Человек прежде всего животное. Он жи-

вотное, потому что зависим от животного функционирования тела. Однако в нормальных отношениях он с трудом удерживает в уме, что первоначально он – животное. Он понимает, что в культуре доминируют эго-ценности и что она организована на основе причинно-следственных взаимоотношений. Если он утрачивает свою животную природу, то становится автоматом. Если он отрицает ее, он становится бесплотным духом. Если он извращает эту природу, то становится демоном. Телесность проявляется в характерных движениях, позах, осанке, дыхании, ритмах, темпах, температуре тела, степени его «протекания», запахе и звучании.

Компьютерная революция сопряжена с наступлением на человеческое тело. Белковая форма жизни оказывается под угрозой в связи с массовым внедрением машин и механизмов. Перспективы генной инженерии, совершенствование средств, ведущих к искусственному производству потомства, изобретение препаратов, изменяющих личность, трансплантация органов, в особенности искусственных, – все это, разумеется, разрушает традиционное представление о биологической природе человека. И вместе с тем, как никогда ранее, показывает чрезвычайную сложность человека, его уникальность как явления природы, хрупкость. Многие исследователи подчеркивают, что бурный натиск техногенного мышления содержит в себе скрытый некрофильский импульс. Некоторые ученые проводят эксперименты, вживляя в биологический организм различные механизмы.

Рождаются выразительные техно-органические реконструкции плоти. Сначала речь шла о проникновении человеческого в технологию. Теперь же «терминальная плоть» раскрывает процесс проникновения технологии в человека. Возникает бестиарий различных форм киборга. Тело зачастую оказывается локусом исключения или исчезновения – субъект аннулируют, воспроизводят, переоснащают, генетически проектируют, разворачивают и снова сворачивают. Мы уже не можем думать о человеке без машины.

«Конечная плоть» как понятие во многом обязана Жоржу Батаю. По его мнению, сущность человека как она дана в его сексуальности – которая есть исток и начало человека – ставит перед ним проблему, разрешение которой ведет к безумию. «Образ этого безумия дан в наивысшем эротическом переживании, в эротическом экстазе, оргазме, властно, наподобие смерти, лишающем человека разума. Могу ли я всецело пережить эротический экстаз, не является ли это смертельно властное чувство предвкушением конечной смерти? Насилие судорожной радости вырывается из самой сокровенной глубины моего сердца. Это насилие в то же время – я трепещу, говоря эти слова, – и есть сердце смерти: оно разверзлось во мне!» (Батай 1994: 270).

Способность к наслаждению – чисто человеческая потребность. Но разве коммуникационные машины способны получать удовольствие? Если представить себе машины, умеющие наслаждаться, то они должны быть сделаны по образу и подобию коммуникативных машин. Однако, по остроумному замечанию Ж. Бодрийяра, такие машины уже существуют: это наши собственные тела. Нам важно понять, «может ли человеческое сознание сохраняться в виде цифровых, волновых и двоичных кодов на компьютерных дисках, вне телесной оболочки, в которую мы заключены “при жизни”? Как органическая углеродосодержащая гусеница превращается в силиконовую бабочку?» (Лири 2002: 200).

Схема единого организма сегодня подвергается метаморфозе. Традиционный протез, служащий для восстановления функции поврежденного органа, ничего не меняет в общей модели тела. Однако моделирование на ментальном уровне – это

нечто иное. Тело, которое подвергнуто воздействию психотропных веществ, смоделировано изнутри. Это тело обладает чувствительностью, но оно не обладает восприятием. Подобные тела, пишет Ж. Бодрийяр, не в состоянии иметь какое-либо представление ни о самих себе, ни о других. Преобразование генетической формулы или возникновение биохимической зависимости вытравило из них их сущность и смысл. Они бесконечно далеки от своего воскрешения.

Расширение сознания

Человек – не запрограммированный робот, которого поместили на нашу планету, присвоили идентификационный номер и посадили на конвейер «школа, колледж, карьера, страховка, пенсия, похороны, прощай навеки». Т. Лири описывает духовный опыт, который обретает человек в результате расширения сознания: «Я понял, что в моем теле записана вся история человечества. Я могу пережить и экспериментально исследовать каждый аспект эволюции. Я могу стать Буддой, Эйнштейном или Галилеем. Я должен стать Моисеем и разработать собственный этический код. Я должен стать епископом Беркли и найти свое решение проблемы материи и сознания. Не полагаться на законсервированное, статичное, мертвое и бессмысленное знание, передаваемое по наследству от создателей символов в предыдущих поколениях, а проживать все возможности, которые способна подарить человеческая, дочеловеческая и даже субчеловеческая жизнь. Я становлюсь менее зависимым от тривиальных внешних занятий и игр, и, возможно, это естественное решение проблемы досуга. Когда всю тяжелую физическую и нудную умственную работу возьмут на себя машины, что мы будем делать? Конструировать еще более мощные машины? О нет, мы станем исследовать бесконечность внутреннего пространства, ужас, экстаз и глубины, спрятанные внутри каждого из нас» (Лири 2002: 135–136).

Еще в 70-х гг. прошлого столетия в работах Дж. Лилли сложилась гипотеза, что человеческий мозг – это грандиозный биокомпьютер, свойства которого еще далеко не изучены и не вполне поняты. В опытах Лилли фиксировались внезапное усиление и углубление всех цветов и форм, прозрачность реальных объектов. Он писал о том, что, близко соприкоснувшись со смертью, он обрел глубокое уважение к тем программам, которые могли нанести ему «смертельный удар». Лилли писал о том, что наблюдал «чудо нашего творения», «встречался» с чуждыми существами, странными формами жизни.

Теперь исследователи пишут о том, что настала пора освободиться от прежних форм мышления, преобразовать интеллект, чаще и объемнее вести разного рода интеллектуальные игры. Однако надо вместе с тем руководствоваться правилами, которые следует разработать. Без таких целевых установок невозможно «расширить сознание». «При отсутствии структуры, целей и правил мы получим все возрастающую специализацию, дисперсность, разрыв коммуникации, культурный Вавилон, что демонстрирует психология. При чрезмерном структурировании мы получаем догматизм, конформизм, все возрастающую тривиальность суждений, преклонение перед виртуозными техниками в ущерб пониманию, что демонстрирует психоанализ.

Каждый человек получает от опыта расширения сознания лишь то, что в него вносит и что готов получить. Каждый человек должен понять, что сознание – это ключ к человеческой жизни, и вместо борьбы за территорию и обладание сверхмощным оружием необходимо сфокусироваться на сознании, на едином поле ми-

рового сознания, в существование которого верил великий иезуитский философ Пьер Тейяр де Шарден» (Лири 2002: 136).

Идентичность человека

Ф. Ницше предвидел, что недалек тот день, когда человечество подвергнется испытанию более тяжкому, чем все, что было пережито им прежде. Во весь рост встанет проблема: «Кто я?» (Ницше 1990: 694). Может быть, именно теперь нам предстоит отделить человеческое от «слишком человеческого»? Это задача неимоверно трудная, поскольку в наши дни проблема человеческой идентичности оказывается не только актуальной, но и весьма сложной.

Все сущее, что есть на Земле, хочет быть самим собой. Камень не испытывает желания превратиться в растение. Это, впрочем, мысль Б. Спинозы. Тигр мечтает остаться тигром в той же мере, как муравей – муравьем. Естественно, это относится и к человеку. Однако здесь проступает серьезная проблема. Человек в силу своей необычности в природном царстве способен мечтать о возвращении в природу, отказывая себе в сознании, духовности, неповторимости. И тем не менее «это проблема идентичности и сохранения устойчивости систем, которая как будто беспокоит человечество» (Кутырев 2009: 100). За последние годы эта тема стала весьма актуальной. Многие философы обращаются к ней, освещая отдельные аспекты данной проблемы (см.: Савченко 2009: 430–438; Самохвалова 2009: 89–102).

«Кибернетическая революция подводит человека, – пишет Ж. Бодрийяр, – оказавшегося перед лицом равновесия между мозгом и компьютером, к решающему вопросу: человек я или машина? Происходящая в наши дни генетическая революция подводит человека к вопросу: человек я или виртуальный клон? Сексуальная революция, освобождая все виртуальные аспекты желания, ведет к основному вопросу: мужчина я или женщина?» (Бодрийяр 2006: 38).

Человек ли я? Машина ли я? Увы, сегодня невозможно ответить на эти вопросы. Но коль скоро это так, стало быть, можно говорить о конце или закате философской антропологии. Она приватизирована машинами и новейшими технологиями. Машинные связи совершенствуются, а идентичности человека разрушаются. Мужчина ли я? Женщина ли я? Что вытекает из различия полов? Эти традиционные вопросы философской антропологии теряют смысл. Разве машина имеет пол или гендер? Новые технологии, новые изображения, интерактивные экраны не отчуждают человека. Они становятся его частью.

Ж. Делёз называет видео, телевизор, компьютер «контактными линзами общения». Это не что иное, как прозрачные протезы, которые составляют единое целое с телом, вплоть до того, что становятся генетически его частью, как кардиостимулятор. Все эти рассуждения свидетельствуют о том, что совершенствование массово-информационных процессов настоятельно требует выдвижения на первый план традиционных и весьма значимых вопросов философской антропологии. Невозможно достичь успеха в новейших коммуникациях без ответа на вопрос, кто такой человек, какова человеческая природа, в чем предназначение человека. Фантастический успех искусственного разума вызван тем, что он освобождает нас от разума природного, от неразрешимых загадок тех отношений, которые связывают человека с окружающим миром.

Вид исчезающий

Отчего исчезает человеческое тело? Почему оно, лишившись первоначально органов (постмодернистский концепт «тела без органов»), затем мутировало на-

столько, что возник эффект деантропологизации человека? Мы продолжаем говорить о человеке, но он перестает восприниматься нами как некая знакомая человеческая сущность. Человек не только утратил идентичность. Он постепенно совсем сходит на нет. Умирает как антропологическая данность. Все, о чем веками писали философы, обратившиеся к постижению человека: природа человека, целостность его, самотождественность, историчность, – постепенно теряет смысл. «Мы должны говорить уже не о человеке, а о неких гуманоидах, разных формах и видах гуманоидной жизни, среди которых собственно привычный человек – лишь один из видов, причем уже уходящий. Человек – вид исчезающий» (Смирнов 2003: 92–93).

В принципе, исчезновение того или иного биологического вида на Земле – небольшая новость. Однако вряд ли мамонты и троглодиты предвидели для себя такую «радостную» перспективу. Если бы они догадывались о своей печальной участи, то, наверное, не стали бы философствовать на эту тему. Итак, человек становится предметом археологии и этнографии, неким символом изживших себя форм биологического существования. Дебиологизация человека как феномен обнаруживает себя не только в трансмутации собственно биологического субстрата, но и в замене самой телесной протяженности человеческого существования на другие, зачастую симуляционные реальности. Ревизии подвергаются классические выводы философской антропологии за последние два века ее развития.

Стойкая человеческая природа, невосприимчивая к пересотворениям… О чем речь, когда не фантасты, а ученые-биологи толкуют о том, как перекроить человеческую органику? Почему сексуальные и выделительные функции в человеческом организме выполняют одни и те же органы? Разделить. Поместить гениталии в район подмышек и наделить способностью выдвигаться и прятаться. Человеку, мол, в силу эволюции положены вытянутая шея и длинные конечности. Глаз один, как у циклопа, и мелкие-мелкие зубы. Всевидящее око, разумеется, предпочтительнее, чем широко расставленные очи.

Это относительно биологической эволюции. Но ведь ее замещает генное и техническое конструирование. Тогда причем тут зубы и шея? Техноид может вообще не располагать человеческими признаками. Он может иметь подобие аппарата. Но кто сказал, что за образец следует взять человеческое тело? На этой, пока еще предварительной, стадии сердце можно заменить пламенным мотором, а конечности – стальными руками-крыльями. Мозг можно подверстать системой чипов, нервную систему уподобить тонкому волокну. Но зачем же сохранять волю господню? В арсенале – сотни таких лекал, которые позволяют забыть о ребре Адама.

Целостность человека как некое антропологическое свойство? Устарело. Человек (антропоид, техноид, гуманоид) в силу базовой потребности в разнообразии согласится на раздробленность, которая сулит гипертрофию какого-нибудь качества. Человек превратится в деталь сконструированного суперорганизма, наподобие пчелиного улья или сообщества муравьев.

Маячит перспектива уникальной специализации индивида. Вот, к примеру, среди муравьев есть «скотоводы», приспособившиеся «доить» тлей, получая от каждой капельку растительной сладости, есть «огородники», приносящие в муравейник вырезанные словно по выкройке кусочки древесных листьев. Муравьи-хищники тащат в дом пищу мясную – кишащих в траве насекомых или кусочки плоти более крупных животных. Муравьев-«жнецов» интересуют зерна растений.

А есть сообщества воришек, живущих за счет грабежа чужих муравейников (Песков 2008: 65).

Американский исследователь Кевин Келли в книге «Вне контроля» (2008) в качестве образца «суперорганизма» рассматривает пчелиный рой. Но, толкуя о союзе солнцеядных существ и нефтеядных машин, автор держит курс уже не столько на новую биологическую цивилизацию, сколько на новые, нераспознанные пока до конца формы реальной и виртуальной жизни. Философско-антропологическая литература оказалась заложницей массы новейших сюжетов. Дальнейшая эволюция пойдет разными путями. Не человек, а человекообразные. Исследование стволовых клеток и попыток клонирования. Изучение логики биоса и мозга машины (см.: Гуревич 2008а: 28–36). Биоинженерия и бионическая конвергенция. Вивисистемы и нанотехнологии. Роевые сети и развоплощенный интеллект. Классические антропологические темы исчезают даже в качестве базы рефлексии о человеке.

Идентичность как способ сохранения самотождественности? Анахронизм. Зачем техноиду мучиться в поисках личностного ядра? Способность к преображению, к утрате центричности, принципиальное отсутствие стержня, удерживающего некое подобие. Авантюра вечной трансформации. Переход от некто к нечто и наоборот. Кое-что, подлежащее демонтажу и произвольной сборке (совсем как в песенной строчке: «Я его слепила из того, что было…»). Условное обозначение под названием «тело», приговоренное к вечному распаду, расчленению и произвольному монтажу. Расчеловечивание человека. Отсутствие не только меры идентичности, но и приблизительного самоопределения.

Персонаж истории, выпавший из ее лона. Человек перестает быть творцом истории. Он принципиально не участвует в ее битвах, поскольку живет в условном пространстве и безразличен к темпоральным сдвигам. Человек утратил протяженность живого тела, поскольку имеет возможность существовать в роли всадника без головы, с множеством голов и даже с неким иным венцом, завершающим его сингулярный облик.

Но можно ли считать такую ситуацию абсолютно современной и ранее незнакомой человечеству? А. Г. Дугин так не считает. Он предлагает иную историософскую схему: вся история делится условно на три этапа, правильнее, наверное, сказать, что исторический процесс можно расчленить на три части. Первую часть он называет премодерном, далее идут традиционное общество (модерн) и постмодерн. Каждый из этих этапов отличается множеством признаков, которые существенно преобразуются в любой из этих частей. Меняется представление об истории, о сакральности, о модусе существования мира, о человеке, о реальности или виртуальности.

Так вот, по мнению А. Г. Дугина, человек в премодерне схож с аналогичным персонажем в постмодерне. Человек в религии (иначе говоря, в премодерне), по его словам, не представляет себя некоей законченно-автономной единицей (см.: Дугин 2007: 132). Это в какой-то степени справедливо. Древнейшая мифология не расчленяет картину мира: природа, человек, божество в ней «не разведены». «Первые шаги интеллектуальной и культурной жизни человека можно представить как своего рода умственное приспособление к непосредственному окружению. Но по мере развития культуры выявляется и противоположная тенденция» (Кассирер 1988: 5). Человеческая любознательность начинает менять свое направление. Она обращается на самого человека. Это обнаруживается уже в мифах.

«Человек есть не данность, а задание, персона, маска, – пишет А. Г. Дугин, – Личность – слово искусственное, как персона в греческой трагике, – это нечто одетое на нечто и носимое кем-то. Субстанцией, субъектом, высшим духом, божеством, душой – какую бы инстанцию мы ни ставили в традиционном обществе во главу угла, человек всегда будет оберткой» (Дугин 2007: 132). Здесь не все, на наш взгляд, корректно. Да, человек в мифологии еще не изолирован, не обозначен как нечто автономное. Но он все же не лишен телесности. Более того, в качестве космогонической меры выступает именно человеческое тело. У индийского Пуруши есть задание: отдать свое тело для того, чтобы создать все многообразие Вселенной. Есть задание, но, кстати, есть и данность. Маска в античной трагедии в известной степени закрывает героя или героиню. Она олицетворяет некую добродетель или значимое человеческое качество. Но Медея, которая скрывает за масками реальность своего горя, ужаса и решимости, – это, как ни крути, не только задание, но и реальное человеческое существо, способное испытывать страдания души и муки телесности.

Древнейшая мифология дает глубочайшие прозрения о человеке. Но она действительно не расчленяет картину мира: природа, человек, божество в ней слитны. Процесс познания с самого начала «отягощен» способностью человека оценивать реальность как «очеловеченную», созданную по его меркам. Это находит выражение в антропоморфизме, то есть бессознательном восприятии космоса и божества как живых существ, подобных самому человеку. В древней мифологии и философии человек выступает как малый мир (микрокосмос) и большой мир (макрокосмос). Представление об их параллелизме и изоморфности – одна из древнейших натурфилософских концепций, в центре которой – космогоническая мифологема «вселенского человека» (Пуруша в индийских Ведах, Имир в скандинавской «Эдде», китайский Пань-Гу).

Древнейшие космогонические мифы, сказания и легенды, искусство и рождающаяся философия – все они были проникнуты стремлением разгадать или разъяснить величайшую тайну жизни: как возник человек и для чего он существует под небесным сводом, озаряемый звездным сиянием, светом солнца и луны; человек – господин Земли и украшение Вселенной, или он – игрушка судьбы, раб собственной натуры? А кто сказал, будто в премодерне провозглашается иссушение плоти, как об этом пишет А. Г. Дугин? Разве языческая Греция не прославляла красоту человеческого тела, не любовалась его красотой? Где, в какой культуре проявилась минимализация человеческого начала, о которой сказано у А. Г. Дугина? В каком культурном космосе человек не ест, не пьет, стремится съежиться, чтобы не мешать проявлению высших начал? В архаической мифологии человек еще не автономен, но он не съеживается, а порой даже бросает вызов судьбе, предначертанности рока. Будучи приговоренным к жестоким испытаниям и даже к смерти, он не утрачивает величия духа. Не об этом ли свидетельствуют древние мифы об Эдипе или Медее?

Принципиально новый поворот в осмыслении человека содержится в христианстве. Это древнее учение рассматривает человека как храм, как вместилище богатейших чувств. Человек несет на себе отпечаток абсолютной личности Бога. Рождается представление о неповторимости каждого человека. Это получило название «персонализм» от слова «персона» – то есть личность. Теперь человек понимается как своеобразная святыня. Личность обретает некую самоценность. «Реальный земной человек во всей неповторимости присущих ему физических и пси-

хических черт оценивается как непреходящая и неоспоримая ценность. Телесность, которую прославляли древние эллины, в христианском идеале соотносится с духовностью» (Гуревич 1998: 13).

Человек не ест, не пьет, умаляет свое присутствие в этом мире. Может, это относится к Средневековью? Да, в нем нет того культа человеческой плоти, который был присущ античности. Напротив, тело утратило свою привлекательность. Ипполит Тэн писал о том, что во времена Средневековья казалось, что род людской выродился. Не случайно художникам Возрождения пришлось возвращать человеку присущее ему телесное наслаждение. Так, Микеланджело воссоздавал тип отшельника, который живет под угрозой смерти. Чтобы раскрыть такой замысел, «он нарушил обыкновенные размеры, удлинил туловище и члены, свернул торс на бедре, глубоко прорыл глазные впадины, избороздил лоб морщинами, подобно сжатым бровям льва, поднял на плече целую гору мускулов, выдвинул на хребте сухие жилы и так крепко сомкнутые позвонки, что они похожи на туго натянутую железную цепь, готовую лопнуть» (Тэн 1996: 22).

Куда исчезла человеческая плоть, красота человеческого тела? Священники Средневековья считали, что тело – это темница, в которую заключена душа. «Мой бедный ослик», – говорили о своем теле известные средневековые мыслители. Но это вовсе не то, что сегодня называют «смертью человека». Плотью пренебрегают, но она есть, она не элиминирована. Человек в Средневековье все-таки не ангел, не развоплотившийся дух. В эпоху Возрождения шекспировский Гамлет сомневается в том, что в смерти могут присниться сны, когда «покров земного чувства снят».

Сам А. Г. Дугин, развивая свою историософскую концепцию, подчеркивает, что премодерн радикально отличается от модерна. Все, что утверждалось в традиционном обществе, отрицалось или модифицировалось в модерне. Все испытало фундаментальный парадигмальный сдвиг. Но переход от модерна к постмодерну тоже знаменует абсолютное преображение ценностных и практических установок. Однако хитрость истории состоит в том, что возвращение к некоторым жизненным установкам премодерна только по видимости означает восстановление прежних представлений. На самом деле есть некое сходство, но нет тождества. Человек снова утрачивает себя в потоке постмодерна, но теряет себя уже иначе, не так, как в премодерне. Это, судя по всему, так и есть. Но это дает основание заметить, что в постмодернистской философии человек впервые в истории утрачивает свою телесность как основу человеческой идентичности.

Радикальное преображение человека

Но в этом контексте правомерно поставить вопросы: насколько оправданны вообще всякого рода концепты относительно радикального преображения человека? Возможно ли это помыслить? Задача мировоззренчески ответственной философии – не только фиксировать складывающиеся едва ли не стихийно цивилизационные сдвиги, но и возвысить свой голос против социологического эффекта Эдипа, когда мрачные прогнозы реализуются бессознательно, в силу захваченности этим проектом? Не пора ли гуманистически ориентированной мысли поставить преграды безответственным постмодернистским играм, направленным на полное уничтожение человека как антропологической данности? Не является ли философской обязанностью каждого ответственного мыслителя остановить параноидальные суицидальные устремления зарвавшихся любомудров (см. об этом: Лекторский 2004; Кутырев 2006)?

Однако прежде чем ставить эти вопросы, важно провести некую рефлексивную работу. Прежде всего приходится признать, что сам вопрос о преображении человека в истории человечества, равно как и в истории философии, возникает не впервые. Грандиозная радикальная трансформация гоминида прежде всего связана с процессом превращения животного в человека разумного. Разве человек явился в этот мир с готовым набором человечности, разума и социальных качеств? Эта тайна грандиозного преображения, мучившая, к примеру, К. Ясперса, еще не в полной мере освоена философской антропологией.

«Человек – не просто разновидность животного; но человек и не чисто духовное существо, о котором мы ничего не знаем и которое в прежние времена мыслилось как ангел. Скорее следовало бы сказать, что человек – это нечто единственное в своем роде. Отчасти он принадлежит к разряду живых существ, отчасти к разряду ангелов, но отличается как от тех, так и от других. Богословие и философия во все времена высказывались в пользу особого положения человека; оно было поставлено под сомнение лишь в период господства позитивизма. В проявлениях своего наличного бытия человек может уподобляться животным, в основах своей природы – Божественному как трансценденции, которая, как он знает, есть источник его свободы», – писал К. Ясперс (Ясперс 1997: 40).

Нельзя не принять во внимание еще одно философское озарение Ф. Ницше о том, что человек есть еще не завершенное животное, которое получило детальную разработку в немецкой философской антропологии начала XX в. Человек – это открытая возможность; он не завершен и не может быть завершен. Поэтому человек всегда больше того, что осуществил, и не тождествен тому, что он осуществил. Это мысль К. Ясперса, логично вытекающая из работ философских антропологов.

Если отвлечься от постмодернистской философии, то человек действительно находится на рубеже невероятных трансформаций, поскольку каждый вариант культурного бытия может привести к появлению нового антропологического персонажа.

Остается открытым и вопрос о том, не стремится ли человек к самоустранению. Не исключено, что в каждой системе, в каждом индивиде заложено тайное стремление избавиться от идеи своего существования, от своей сущности, с тем чтобы обрести возможность размножаться и экстраполировать себя во всех направлениях.

Литература

Батай, Ж. 1994. Из «Слез эроса». В: Фокин, С. Л. (ред.), *Танатография Эроса*. СПб.: Мифрил, с. 271–308.

Бердяев, Н. А. 1989. Смысл творчества. В: Бердяев, Н. А. *Философия свободы. Смысл творчества.* М.: Правда.

Бодрийяр, Ж. 2006. *Прозрачность зла.* М.: Добросвет.

Вдовина, И. С. 2008. Мерло-Понти Морис. В: Блауберг, И. И. (общ. ред.), *Философы Франции:* словарь. М.: Гардарики.

Гуревич, П. С.

1998. Вступительная статья. В: Гуревич, П. С. (сост.), *Эрос. Страсти человеческие. Антология*. М.: Алетейя, с. 5–16.

2008а. Логика биоса и мозг машины. *Философия и культура* 8: 28–36.

2008б. *Философская антропология:* учеб. пособие. М.: Омега-Л.

Дугин, А. Г. 2007. Постгуманизм. Человек в мире постмодерна. *Вестник аналитики* 1: 124–135.

Казаков, В. Н. 1970–2000. *Философия звука: сборник стихов*. Интернет-ресурс. Режим доступа: www.kazakovv.ru/poezia

Кассирер, Э. 1988. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры. В: Попов, Ю. Н. (ред.), *Проблема человека в западной философии: Переводы* / сост. и послесл. П. С. Гуревича. М.: Прогресс, с. 3–30.

Кутырев, В. А.

2006. *Философский образ нашего времени (безжизненные миры постчеловечества)*. Смоленск: Изд-во Смоленского гос. ун-та.

2009. *Человеческое и иное. Борьба миров.* СПб.: Алетейя.

2010а. *Бытие или ничто.* СПб.: Алетейя.

2010б. *Философия трансгуманизма:* учеб.-метод. пособие. Н. Новгород: Нижегородский ун-т.

Лири, Т. 2002. *Семь языков Бога.* Киев: Янус; М.: Пересвет.

Лекторский, В. А. 2004. Умер ли человек? В: Степин, В. С. (отв. ред.), *Наука, общество, человек. К 75-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова.* М.: Наука.

Ницше, Ф. 1990. Ecce Homo. Как становятся сами собою. В: Ницше, Ф., *Соч.:* в 2 т. Т. 1. М.: Мысль.

Песков, В. 2008. Новоселье мурашей. *Комсомольская правда* 24–31 июля.

Пико делла Мирандола, Дж. 1981. Речь о достоинстве человека. В: Шестаков, В. П. (сост.), *Эстетика Ренессанса:* антология: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство.

Савченко, И. А. 2009. Трансформации культурной идентичности в мультикультурном сообществе. *Личность. Культура. Общество* 50: 430–438.

Самохвалова, В. И. 2009. К пониманию человека в его человеческой идентичности. *Полигнозис* 2: 89–102.

Смирнов, С. А. 2003. Современная антропология. Аналитический обзор. *Человек* 5: 84–96.

Тэн, И. 1996. *Философия искусства* / предисл. и ред. П. С. Гуревича. М.: Республика.

Чумаков, А. Н. 2008. О предмете и границах глобалистики. *Век глобализации* 1: 7–16.

Тейяр де Шарден, П. 1987. *Феномен человека.* М.: Наука.

Ясперс, К. 1997. *Общая психопатология.* М.: Практика.

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: К ВОПРОСУ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Т. И. Суслова

Статья посвящена проблемам русской культуры, испытывающей влияние процессов глобализации. В этой связи анализируются вопросы традиции и инновации в русской культуре, а также проблемы корреляции классической эстетики и современных теорий модернизма и постмодернизма. Особое внимание уделяется русскому модерну начала XX в. и современному искусству конца XX – начала XXI в. Статья адресована специалистам в области философии, культуры, эстетики, специалистам в области литературы и искусства.

Ключевые слова: *глобализация, культура, цивилизация, идентичность, массовая культура, модернизм, эстетика, традиция.*

Глобализация охватила область культуры примерно три десятилетия назад. Новый уровень культурной интеграции стал возможен благодаря высоким технологиям, информатизации и пока касается только достаточно развитых и богатых стран. В целом это позволяет унификации сочетаться с локальным культурным кодом, а где-то локальные культуры оказывают сопротивление глобализации. В странах Европы на уровне государственной политики в области культуры происходит противостояние американизации (в области телевидения, рекламы, кинофикации…).

В экономике это выражается в более тесной интеграции и инвестициях развитых стран с наиболее передовыми секторами хозяйства других государств, в культуре это ограничение массовой культуры устоявшимися смыслами и ценностями локальных культур.

В процессе глобализации ведущая роль принадлежит Западу, который изобрел пригодную для повседневного потребления форму культуры – массовую культуру. Технические средства способны на сегодняшний день глобализировать все: науку, культуру, искусство, спорт, туризм, моду и т. д. Массовая культура становится глобальной и универсальной, универсальность строится на обращении к базовым институтам, к потребностям релаксации, отдыха, развлечения. Универсализм же русской культуры изначально тяготеет к глобальным проблемам духа, установкам на возвышенное, вселенскость, соборность, на принципы человеколюбия и единения в сфере духовного совершенствования человека. И в этом смысле процесс глобализации в отечественной культуре, осуществляющийся через внедрение массовой культуры, способствует в России смене идентичности.

Век глобализации 2/2010 154–162

По мнению немецкого исследователя О. Аппеля, культурные образцы складываются из общезначимых ценностей и тех, которые обоснованы локальной традицией. На сегодня отечественная культура имеет, несомненно, деформированный характер ценностей и новых артефактов культуры. Отечественная культура традиционно опирается на те ценности, которые имеют статус общезначимых, глобальных, так как находит им подкрепление в смысловом поле своих культурных установок и традиций, своем опыте. Но, как видим, эти универсальность и общезначимость существенно и полярно противоположны заданной современным Западом массовой культуре. Вместе с тем русская культура, как никакая другая, с середины XIX в. приобретя значимость для других культур, через свои универсальные параметры вносит вклад в глобальную массовую культуру (западный вариант).

Развитие коммуникаций и информационного обмена создавало впечатление обратного воздействия культур государств периферии на постиндустриальные страны, что в целом «формировало социальную взаимозависимость отдельных стран и народов. Широкое использование информационных систем способствовало укоренению в обществе новых ценностей, формированию в нем творческих начал и, в конечном счете, – межкультурному диалогу», по мнению В. Иноземцева (2000: 29). С другой стороны, процесс глобализации в сфере массовой культуры способствует рекультуризации, смене национальной идентичности других культур, включая Россию.

По мнению того же автора, в современных условиях формирование постиндустриального общества скорее содержит некоторые предпосылки глобализации, нежели реализует их в действительности, то есть у процесса глобализации есть ее естественные ограничители.

Согласно историко-социологическому подходу А. Ахиезера, русская цивилизация двунаправленна, в ней представлены две суперцивилизации: современная (или «либеральная», по Ахиезеру), то есть западноевропейская, и архаико-традиционалистская. При этом «современная» суперцивилизация раскалывает архаико-традиционалистскую, что и приводит к современному состоянию комбинации архаического, традиционного и современного в ней. Это и определяет мозаичность, нестабильность структуры русской цивилизации, порождает «раскол» и инверсию как механизмы ее развития (Ахиезер 1997). Русская классическая культура в процессе своего самоидентифицирования взаимодействовала с западной культурой. Таким образом, русская культура есть субкультура европейская. По мнению В. Б. Земскова, «полный парафраз – это инверсия исходной смысло-формы… в результате… создается репрезентативный и обладающий культурной силой феномен, способный производить новые смысло-формы, а, следовательно, и традицию (как, например, творчество Пушкина)» (Земсков 2000: 102).

Процесс глобализации способствует смене самоидентичности, но без универсальных параметров, вклада в глобальную культуру культура теряет значимость для других. Н. Стер указывает типичные недостатки некритического восприятия глобализации. По его мнению, культурная, социальная и экономическая глобализация унифицирует локальные, региональные и национальные формы. Но существует возможность локального воздействия на глобальные трансформации. Происходит не только сопротивление чужим культурам, но и ассимиляция инородных культурных практик. Для культурной гомогенизации всего мира существуют определенные

ограничения, ибо каждая культура усвоила свои символы современности в своих собственных традициях, и каждый индивид преобразует эти символы в часть своей жизни (Федотова 2000: 60).

Центральным процессом глобализации является не только гомогенизация, но и фрагментация культуры. К недостаткам глобализации культуры относят потерю связи с прошлым, памяти о традиции. Это процесс американизации массовой культуры, распространившаяся повсюду поп-культура, визуальная культура средств массовой информации, Интернет и компьютерная связь в целом.

Говоря о культурном аспекте глобализации, следует сказать, что «распространение западной культуры чревато нивелировкой национальных культур, распространением единой, гомогенизированной культуры. Шествующая по миру массовая культура угрожает и российской идентичности» (Воронцов 2002: 121).

В изначальном смысле вся народная русская культура носила массовый характер, что также нивелировало человека, но только на национальной почве.

К издержкам глобализации относят универсализацию, стандартизацию личности, интеллектуальную деградацию, порожденные массовой культурой.

По мнению ряда исследователей (скорее, сторонников антиглобализма), проблемы глобализации в своем культурном аспекте сопровождаются нивелировкой национальных культур, и в этом смысле глобализация угрожает русской идентичности.

Такой тип культурного сознания определяет образ современной эстетики.

Социокультурные трансформации, произошедшие и осознанные философией к концу XX столетия, в эстетической теории культуры проявляются в вопросе о соотношениях традиций и новаций.

Сторонники «инсценированного характера современной культуры» утверждают, что традиция в современном обществе утратила свою объективную основу. Распространение массовой культуры, универсализация жизни и современные технологии сделали возможным «изготовление» традиций в культурных инсценировках.

Аутентичное воссоздание вещественных элементов культурных традиций реанимирует особенное мироощущение индивида, его жизненный стиль, мышление. Таким образом, сами традиции утратили свою естественную обязательность и превратились в артефакты.

Если под предметом интереса традиции понимать прошлое, то это интерес к наследию классической эстетики. Новация же предполагает рекультуризацию как уничтожение. В нашем контексте новация может через эстетизацию повседневности (маргинальное искусство, гиперреализм) выступать как функция сохранения традиций, новый способ функционирования традиции как таковой, один из механизмов трансляции, наследования традиций. Академик Д. С. Лихачев писал, что «абсолютно новое “не узнается”. Красота является как новое в пределах старого. Чем примитивнее эстетическое сознание, тем для него больше нужно старого, чтобы воспринимать новое. Поэтому так велика доля традиционного в народном искусстве нового времени и в искусстве средневековья» (Лихачев 1999: 137).

Традиция указывает на будущее, это содержательно отражено и в латинской этимологии (traditio от tradere – передавать). То есть будущее культуры, поиск

и осмысление истины современной эстетикой возможны только в случае осмысления прошлого, опыта классической эстетической теории.

Г. П. Федотов в 20–40-е гг. XX столетия, рассматривая проблему роли революции и традиции в статьях «Новая Россия», «Проблемы будущей России», «Письма о русской культуре» и других, пытался построить новую модель русской культуры как пространство встречи традиции и современности.

Актуализация ценностей древнерусской культуры, особенно непрофессиональной, народной, наиболее ярко и самобытно продемонстрирована в искусстве русского модернизма начала XX в.

Понятие «модерн» имеет много определений, но четкого нет. Модернизм применительно к искусству, безусловно, соотносится с эпохой крушения классической традиции. Отказ от рационализма, субъективное самоуглубление, пессимизм и нигилизм роднят искусство модернизма с антропологически ориентированной философией. Для модернизма характерен уход от решения социальных и нравственных проблем. Для классического же искусства помимо эстетического существенно и нравственное содержание. Таким образом, искусство модернизма порывает с ближайшими традициями эстетики Просвещения и Нового времени.

Истоки русского модернизма представляются ряду исследователей (В. Пигулевский) в умонастроении декаданса, порождающего углубляющуюся ситуацию опрокидывания традиций.

Русский модернизм питался корнями народного искусства, с одной стороны, с другой – стремление вовлечь массы в творчество жизни сочеталось с элитарностью, со стремлением создать искусственный мир красоты, с эстетизацией действительности.

Несомненно, в русском модернизме отчетливо прослеживается игровое начало, стилизация под… В интеллектуализме модернизма в большей степени наблюдался не разрыв с традицией, классикой, а его реанимация в новых формах и субъективных смыслах. В целом это искусство репрезентативно. Живопись и поэзия нацелены на выражение эмоциональных состояний и осмысление законов формообразования.

На первый план выдвигается самоценность смоделированной идеальной реальности.

Сама суть русского модернизма была противоречива и порождала многие крайности. Отечественный модернизм был неоднороден: на одном полюсе он тяготел к дворянской культуре, к средневековому прошлому, на другом представал через искусство народных промыслов (так называемый «крестьянский» вариант модерна).

Стиль русский модерн «как ни один другой был окрашен в национальные цвета своей страны. И это вполне объяснимо, если вспомнить, что источники этого направления и его утопические теории лежали как раз в плоскости национальных традиций, и призыв к возрождению определенных традиций народного искусства, и тяга к рукотворности форм...» (Борисова 1977: 94).

Большим открытием для художников-модернистов начала века было освоение древней культуры России, крестьянского творчества. Иконопись была воспринята в начале века как живопись, близкая к примитиву, как чисто музейная вещь, «эсте-

тическое недомыслие и недочувствие» (см.: «Маковец» 1922: 31), что, по словам П. Флоренского, не позволило увидеть в ней предмет культа, поклонения.

С начала века пристальное внимание уделяется так называемой «третьей культуре», «примитиву», «городскому фольклору». В 1913 г. устраивается выставка лубков. В предисловии к каталогу выставки лубок характеризуется так: «Лубок, писанный на подносах, на табакерках, на стекле, на дереве, на изразцах, жести... набойка, трафарет, тиснение по коже, лубочные киоты из латуни, бисера, стекляруса, литья, печатные пряники, запеченное тесто... резьба по дереву... различные плетения, кружево и т. д. Все это – лубок в широком смысле слова, и все это высокое искусство» (Прокофьев 1983: 11). Лубок существовал как фактор, влиявший не только на крестьянское, но и на профессиональное творчество. Росписи русской избы в Вологде, лубок, который по контрасту с урбанизацией предстал как гармонизация природы, произвел неизгладимое впечатление на В. Кандинского.

«Городская», «фольклорная культура» того времени непосредственно с модернизмом была связана через цыганский романс. На эстраде, в театрах было модным исполнение русских и цыганских песен и романсов в особой обработке.

В исполнении таких певиц, как Н. Плевицкая, В. Панина, А. Вяльцева, обладавших, как и Ф. Шаляпин, несравненным стихийным даром, романс звучал по-новому, вызывая порой бурю негодования у ценителей старинной музыки и издевательства в прессе. Это было «переплескивание» искусства в быт, в жизнь. Их исполнение называли «песнями прачек», не поднятыми «над корытом».

«Цыганщина» противостояла высокому искусству цыганского пения, но в ней была захватывающая мощь, синтез искусства и быта, «сочетание театральности – подчеркнутого театрального жеста – и импровизационной, “исповеднической откры тости”» (Нестьев 1970: 78). Смысл в этих песнях-романсах как бы уходит, уплывает, но есть слова-острия, символичные по своей природе, на них и держатся смысл и притягательность, интимная доверительность и выразительная театральность «жеста» исполнительниц («Я так давно тебя люблю…», «Как-то дико и странно мне жить без тебя…»).

Об исполнении Вари Паниной писали в то время следующее: «Она лепит свои песенные образы резкими волевыми штрихами, словно ваятель-монументалист... В то же время есть в ее пении что-то от импровизированного домашнего музицирования; своего рода стихийность, непроизвольность, сердечное, доверительное выражение чувств, будто в кругу близких друзей...» (Там же: 44).

Стилизация под «русскость» как-то естественно вплеталась в культуру модерна, почва которой была уже подготовлена. Даже архитектура модерна начала XX в. ориентировалась на древнерусское зодчество.

Эта ориентация заметна в архитектурных работах В. И. Васнецова и А. В. Щусева, проектировавших церковь в Абрамцеве, Марфо-Мариинскую обитель на Большой Ордынке в Москве и др.

Изучением проблемы соотношения традиций и новаций в современном эстетическом опыте, созданием ее модели занимается современная эстетическая теория. Ряд исследователей, в частности Н. А. Хренов, характеризует русскую культуру как культуру забвения, утраты традиции. Частично эта утрата сказывается в смещении полюсов культуры: если в XIX–XX вв. искусство от авторского двигалось в направлении к массовому, то к началу XXI в. оно движется в направлении

от массового к авторскому. Где же сохраняется традиция? Где и как формируются новации, если они есть?

В общепринятом смысле традиция – это «что-то из прошлого». О трудностях новационных процессов в традиционалистской культуре, особенно если они идут с Запада, написано достаточно много. Современное эстетическое пространство России как никогда открыто этим новациям, оно достаточно хорошо уже отрефлексировано современной эстетической теорией. Проблема традиции как передачи наследия рассматривается зачастую как специфическая проблематика дописьменных обществ. Таким образом, модернизация понимается как полный отказ от связей с прошлым. Так ли это? Современные общества отличаются от традиционных не столько отмиранием традиций, сколько множественностью сохранившихся в них традиций. Это не только и не столько множественность суеверий, страхов, периодически актуализирующийся интерес к мистическому опыту, архаика. Речь сегодня может идти о так называемой «Большой традиции». К ее основным характеристикам (по мнению М. Г. Завьяловой [1997]) принято относить следующие:

– выработка всеобщего символического кода;
– наличие архетипа смысла;
– опора на ритуалы и сакральные праздники;
– ориентация на создание нового знакового инструментария культуры;
– регламентирующая функция как основание;
– подчинение модификаций главной традиции, установленным ею правилам «кодирования» смыслов и ценностей;
– наличие эсхатологической перспективы.

Следует признать как факт, что традиция важна для всех устойчивых обществ, как и принятая всем обществом смыслозначимая новация. Критика новационных процессов эстетической теорией зачастую носит однонаправленный характер выступлений против постмодернизма (Басинский 1999). А к постмодернизму при этом относят «все и вся» в теории и практике, что затрудняет видение ценностнозначимого; при этом трудно не согласиться с мнением о постмодернизме М. Эпштейна (2000: 5–6): «Вообще дать четкое и однозначное определение постмодернизму трудно…»

Дело, видимо, в том, что постмодернистские эксперименты стимулировали также стирание граней между традиционными видами и жанрами искусства, развитие тенденций синестезии, подвергли сомнению оригинальность творчества, «чистоту» искусства как индивидуального акта созидания, привели к его дизайнизации.

Пересмотр классических представлений (традиций) о созидании и разрушении, порядке и хаосе, серьезном и игровом в искусстве свидетельствовал о сознательной переориентации с классического понимания художественного творчества на конструирование артефактов. Как представлено в словаре «Культурология. XX в.», «…постмодернистские принципы философского маргинализма, открытости, описательности, безоценочности ведут к дестабилизации классических ценностей» (Левит 1997: 349), но культура и искусство не столько музейные экспонаты, сколько процесс, выходящий из прошлого в настоящее – будущее. И меньше всего хотелось бы видеть «умершую» традицию. Конкретное бытие традиции – искусство, наука, религия и т. д. По отношению к культуре и обществу традиция имеет

системообразующий характер, она есть демиург культуры. И в этом смысле отступление от традиции классической эстетики в современном искусстве есть не отрыв от реальности, а лишь указание на разрыв в теории эстетики, опирающейся на классическую западную эстетическую теорию как науку, сформировавшуюся именно на Западе, и посему на невозможность адекватного рефлективного отображения реалий эстетической практики современной России, опирающейся, как это ни парадоксально, на русскую славянскую языческую традицию. Укорененность феноменов древнеславянского язычества в современной культуре доказывают многообразные формы проявления элементов язычества в повседневной жизни. Они не представлены в полной мере в доминирующих формах культуры, адекватно отражающих реальность: философии, психологии, социологии, религиоведении и т. д. В художественной культуре, эстетике, искусстве они имеют лишь ограниченное отражение. Это роман Т. Толстой «Кысь», рассказ «На золотом крыльце сидели…» и др. Герои Т. Толстой сродни героям русских былин и сказок, они не утрачивают веры в счастье, мечтают о лучшем будущем. Они сродни тем праведникам и героям «с чудинкой», которыми была населена русская классическая литература и которых возвратила в современную литературу в 1960-е гг. главным образом «деревенская» проза. А сегодня это проза В. Пелевина (повести «Желтая стрела», «Затворник и Шестипалый», рассказы «Ухряб», «Тарзанка»), стихи И. Губермана и др.

Одной из черт существования древнерусской традиции в современном искусстве М. Эпштейн называет апофатичность, отрицающую эстетику, когда высший идеал может быть преподнесен в отрицательной форме, как отступление от него или недостижение. Апофатизмом, отрицательной энергией была наполнена жизнь А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, А. Блока, С. Есенина, В. Маяковского, в новейшее время – В. Высоцкого, В. Ерофеева, И. Бродского.

В русской духовной традиции апофатика как доминирующий элемент эстетики представлена не только в теории – «центральной фигурой русской святости выступает ***юродивый,*** в котором грязь, косноязычие, непотребные слова, безобразное поведение и внешность служат “подобающим несоответствием” божественным вещам» (Эпштейн 1999: 164).

Достаточно вспомнить древнерусские пародии на «Отче наш», «Литургию игроков», «Литургию пьяниц», пародии на евангельские чтения и церковные гимны, а также пародийные завещания («Завещание свиньи», «Завещание осла»…).

Современная литература представляет нам абсурд, чернуху, насилие, оборотничество, антиморализм (в прозе В. Сорокина, Ю. Мамлеева, В. Нарбиковой). Сочетание естественно-научного натурализма с психологическим натурализмом плодит гибридов (в буквальном смысле) – это и «Кысь» Т. Толстой, и «Жизнь насекомых» В. Пелевина, и живописные полотна М. Шемякина и др. В древнерусской традиции это русалки, бесы, домовые, банники, кикиморы и т. д.

Сравнение с миром природы, где человек сравнивается с животными, птицами, характеризует славянское искусство и искусство современное как объединенные принципом миметического отражения реальности в искусстве. Современное искусство, как и древнеславянское, характеризуют иррациональность, субъективность, отсутствие законов бытия, стертость обстоятельств времени и места.

Языческие традиции обретают свою живучесть в различных областях духовной жизни.

Заполненность повседневной социальной реальности признаками древнеязыческой культовой символики не находит полного и адекватного отражения в современной эстетической теории, включая эволюцию восточно-славянского язычества со времен принятия христианства по сегодняшний день (это не относится к работам Д. С. Лихачева, В. Бычкова). Народное непрофессиональное искусство, имеющее языческую праоснову, обладает несомненной художественной ценностью и требует своей дальнейшей художественно-эстетической разработки по ряду причин:

– традиция свое конкретное бытие обретает в искусстве, религии, науке, имеет системообразующий характер по отношению к культуре, сама является системой, имеет свою структурность, целостность, связность, иерархичность и т. д.;

– славянское язычество сегодня достаточно широко представлено в художественной практике (изобразительное искусство, литература, кино), но функционирование традиции в новой социальной системе не отрефлексировано современной эстетической теорией. Хотя именно неоязыческая традиция, на наш взгляд, составляет сегодня ядро культуры, ее код. Именно она формирует так ожидаемую обществом мифологию, коды общения, языки культуры (реминисценции, метафоры, интертекстуальность произведений современной литературы и изобразительного искусства).

Современное состояние эстетического сознания предстает фрагментарным, осуществляющим себя как бы в двух полюсах. С одной стороны, это сознание тяготеет к современным цивилизационным высоким технологиям в массовой культуре, с другой – неспособно принять современную научную картину мира.

Вместе с тем, по мнению ряда специалистов, ценность инновации в художественной сфере была привнесена лишь модернизмом. Как всякое новое художественное направление, модернизм стоял перед выбором между традиционным искусством и новой, неосвоенной территорией.

В своих многочисленных манифестах русский модернизм стремился ознакомить широкую публику с теоретической платформой таких групп, как «Бубновый валет», «Ослиный хвост» и др. Это напрямую связано с просвещенческой традицией в русской культуре.

В искусстве это выражается в формах взаимоперехода творчества интеллектуального (профессионального) и маргинального (творчества индивидуального, непрофессионального). Диалогичность современного эстетического сознания с архаической инверсионной составляющей древнерусского искусства показывает продуктивность архаики в культуре современной России. Свойственная ему хаотичность свидетельствует скорее об интенсивности творческого процесса как предтече рождения, развития нового в искусстве XXI в., чем о его упадке. Мы же лишь подмечаем его основные черты и тенденции развития.

Эстетика искусства нашего времени ориентирована как на воспроизводство ценностей традиционно народной культуры прошлого, так и на заимствования и реминисценции классического наследия.

«Хаос всегда есть вызов для культуры, ученых, литераторов, – говорил Г. Померанц (1995: 393), – при этом развитие всегда кризисно, неотделимо от него (хаоса)»; думается, что современное состояние эстетической теории, разработка новых

направлений, полный и достоверный анализ эстетических оснований традиции и новации помогут различить в этом хаосе порядок.

Литература

Ахиезер, А. С. 1997. *Россия: критика исторического опыта:* в 2 т. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Басинский, П. В. 1999. Проплаченная культура. *Октябрь* 2: 188–190.

Борисова, Е. А. 1977. Некоторые особенности русской архитектуры конца XIX – начала XX века. *Художественные процессы в русском и польском искусстве XIX – начала XX века:* сб. статей. Л.

Воронцов, Б. Н. 2002. Феномен массовой культуры: этико-философский анализ. *Философские науки* 3: 110–123.

Завьялова, М. Г. 1997. *Традиция как способ самоидентификации общества*: автореф. дис. … д-ра филос. наук. Екатеринбург.

Земсков, В. Б. 2000. Латинская Америка и Россия. Проблемы культурного синтеза в пограничных цивилизациях. *Общественные науки и современность* 5: 96–103.

Иноземцев, В. Л. 2000. Глобализация: иллюзии и реальность. *Свободная мысль – XXI в.* 1: 26–36.

Левит, С. Я. (сост.) 1997. *Культурология. XX век. Словарь*. СПб.: Университетская книга.

Лихачев, Д. С. 1999. *Историческая поэтика русской литературы*. СПб.: Алетейя.

Маковец, 1922. I/2.

Нестьев, И. В. 1970. *Звезды русской эстрады.* М.: Сов. композитор.

Померанц, Г. С. 1995. Диалог культурных эпох. *Лики культуры*: *альманах.* Т. 1. М.: Юрист.

Прокофьев, В. Н. 1983. О трех уровнях художественной культуры Нового и Новейшего времени. В: Прокофьев, В. Н. (ред.), *Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени.* М.: Наука.

Федотова, Н. Н. 2000. Возможна ли мировая культура? *Философские науки* 4: 58–68.

Эпштейн, М. Н.
1999. Русская культура на распутье. *Звезда* 2: 155–176.
2000. *Постмодерн в России: Литература и теория.* М.: Изд-во Р. Элинина.

ВОСТОЧНАЯ РЕФОРМАЦИЯ. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

А. Н. Батурин

В планетарном диалоге сегодня слово за Востоком. Что он может предложить миру кроме традиционного консерватизма и удачных имитаций, какого рода глобальные инновации с его стороны могли бы вывести мировое хозяйство на простор сбалансированного, эффективного и справедливого развития? В статье предложен вариант ответа на этот вопрос на основе представления о двойственной природе целостных систем, о неизбежной их поляризации, о природе власти, о ее месте и роли в структуре хозяйства, о механизмах сопряжения денежных и властных институтов, координирующих ресурсные и проблемные аспекты хозяйства. Совместное развертывание денежных и властных институтов во времени может протекать в двух режимах – «западном» и «восточном» – в зависимости от того, какая из сфер исторически доминирует в данной цивилизации. В работе намечены основные черты цивилизации «восточного» («циклонного», «женского») типа. Обсуждается также проблема формирования цивилизационного субъекта данного типа («восточного протестанта»). Наше время определяется как начало эпохи Восточной реформации.

Ключевые слова: *Восток, реформация, хозяйство, глобальный, периферия, система, история, биполярность, протестантизм, эволюция, цивилизация.*

Сотни лет мы шли навстречу вьюгам
С юга вдаль на северо-восток.
М. Волошин

1. О двойственности глобальных систем

С распадом социалистического блока *биполярная модель* глобальной экономики, казалось бы, безвозвратно утратила почву под ногами. Вслед за ней на наших глазах естественным образом теряет позиции и однополярная модель. Теперь принято говорить о *многополярности* мирового устройства. В этой модели все полюса имеют одинаковую природу – это капиталистические мироэкономики с центрально-периферийной структурой, которые оспаривают друг у друга сферы влияния.

При всей ее кажущейся очевидности эта модель представляется нам несовершенной. По сути, это все тот же вариант однополярного мира, только с ограничением на мощность одной мироэкономики – ее просто не хватает, чтобы структурировать «под себя» всю глобальную экономику, поэтому приходится «делиться». Эта модель нарушает фундаментальный принцип построения целостных замкнутых систем – *принцип двойственности,* согласно которому такие системы (биосфера, атмосфера, глобальная экономика и т. п.)[1] обязаны содержать *двойственно-сопряженные структуры,* подобные циклонам и антициклонам в атмосфере.

[1] С точки зрения топологической теории систем целостность – это всегда многомерная *сфера* (см.: Popkov, Baturin 2008).

Рассмотрим эту аналогию подробнее. Пусть в атмосфере где-нибудь над пустынями Мексики развился мощный антициклон – зона повышенного давления, из которого масса перегретого воздуха фонтаном, закрученным по часовой стрелке, выбрасывается в верхние слои атмосферы. Восходящие потоки попутно разгоняют облака, сгоняя их к периферии, расширяя тем самым зону солнечного прогрева в центре. Возникшая структура набирает, таким образом, мощность, захватывает новые пространства, втягивает в свою орбиту пограничные менее мощные вихри. Образуется типичная центрально-периферийная структура: в центре – нагрев и восходящие потоки, на периферии – нисходящие потоки, которые затем понизу засасываются в центр, нагреваются и снова выбрасываются вверх.

Как далеко может простираться экспансия такой однополярной структуры?

Развиваясь в неограниченном пространстве, эта экспансия в принципе могла бы быть безграничной, хотя и в этом случае имела бы спазматический характер и сопровождалась бы хаосом на периферии. Дело в том, что центр и периферия всегда отрицают друг друга: центр сбрасывает на периферию все, что мешает ему сосредоточенно и эффективно выполнять главную функцию. В данном случае периферия антициклона оказывается в сложном положении: с одной стороны, она есть часть антициклона и в этом качестве настроена функционировать как фонтан, поднимать воздух вверх. Но, с другой стороны, сверху на периферию наваливаются продукты жизнедеятельности центра, массы воздуха, заброшенные туда «центральным фонтаном», и поэтому периферийным «фонтанчикам» приходится, давясь, пропускать через себя эти массы вниз, то есть действовать как сток.

Эта коллизия разрешается тем, что рядом с антициклоном образуется двойственно-сопряженная структура. Попросту говоря, все облака рано или поздно оказываются сконцентрированными в восточном полушарии, там развивается интенсивное охлаждение, идут дожди и неизбежно формируется столь же мощная, интегрированная и структурированная, столь же глобальная *воронка-циклон,* – сама экспансия антициклона создает для этого все необходимые и достаточные условия.

Если антициклон и циклон работают автономно, не в паре, то их поведение нестабильно, динамика спазматическая, периферия неустойчива и низкопроизводительна – это либо «фонтан», который вынуждают играть роль «воронки», либо «воронка», которую вынуждают «фонтанировать» (рис. 1).

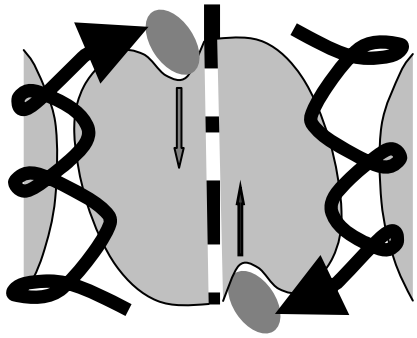

Рис. 1. Модель «Антициклон – циклон»

Но все меняется, когда эти две структуры работают в паре, как *сопряженные структуры*. Возникает глобальная циркуляция воздуха, в которой каждая полу-

сфера вдохновенно и безраздельно выполняет свою, «присущую» ей партию. При этом периферией антициклона становится циклон, а периферией циклона – антициклон. Циклон выступает в роли внешней среды для антициклона и наоборот, а вместе они заполняют собой замкнутую сферу.

Так образуется пара двойственно-сопряженных структур, которые вместе составляют сбалансированную биполярную систему. Заметим, кстати, что циклоны и антициклоны вполне равнозначны: формирование этой пары с равным успехом могло бы идти и в обратном порядке – сначала циклон, потом антициклон.

На самом деле, если шагнуть чуть дальше, окажется, что дело обстоит еще интереснее: общение в рамках такого рода пар носит еще более интимный характер – характер отношения *мужского* и *женского* начал. Дело в том, что это не просто *сопряженные,* это *двойственно*-сопряженные структуры. А двойственными по определению являются *потоки* и *потенциалы (напряжения)*[2]. В двойственно-сопряженной паре один партнер непременно выступает в «мужской» роли, то есть максимизирует внешнюю деятельность, поток, а противоположная, «женская», половина акцентируется на потенциалах, напряжениях, эмоциях, оценках, ценах, потребностях. Таким образом, взаимодействие антициклона и циклона выражается уже не просто в сопряжении восходящих и нисходящих потоков – у каждого из них свой уникальный *характер,* своя «сексуальная ориентация». А вместе они составляют глубоко интегрированное целое, «брачный союз», источник новой жизни.

Одно время биполярная модель мирового хозяйства (МКС – МСС) могла бы быть вполне рабочей. Мировая социалистическая система претендовала на роль структуры, альтернативной Западу, но полноценным, долгоиграющим глобальным «циклоном» она так и не стала. Можно спорить, были ли у Валлерстайна достаточные основания поместить МСС в «полупериферию» капиталистической мироэкономики, но на деле в конечном счете все так и произошло – Восточный блок распался на «субвихри» неопределенной природы и оказался встроенным в западную мироэкономику в качестве просто периферии.

Это эпохальное событие поспешили определить как «конец истории», однако монополярная модель просуществовала недолго, глобальный кризис не заставил себя ждать. И вновь воспрянули духом сторонники биполярной картины мира, снова замаячил призрак «восточного» полюса, возродилась надежда на воссоздание биполярной модели на новой, «постиндустриальной», основе (Рязанов 2001). Однако, наученные горьким опытом, большинство исследователей пока не спешат разделить эти надежды прежде всего потому, что по большому счету до сих пор остается неясной собственная природа «восточного» типа хозяйства[3].

---

[2] Любой *процесс* (река, электрический ток, предприятие) выступает одновременно в этих двух ипостасях: с одной стороны, это направленный *поток* чего-то материального (масс, товаров), с другой стороны, он есть реализация неких *потенциалов*, например перепада высот для горной реки, разности потенциалов на концах проводника, перепада входных и выходных цен для предприятия.

[3] Возможна ли экономика, ориентированная на проблемы, а не на товары, на потенциалы, а не на потоки? Возможна ли экономика «циклонного», «женского» типа? По многим признакам, формирование такой альтернативной мироэкономики уже идет полным ходом. Речь, во-первых, о Китае. Специалисты дружно отмечают именно «женский» тип китайской цивилизации. Принцип «soft power», «мягкая сила всегда побеждает силу твердую», и ему подобные лежат в основе не только традиционной культуры и идеологии, но и пронизывают политику, экономику, вплоть до уровня производственно-трудовых приемов. Может быть, и Россия того же рода, только в «северном» варианте.

Чтобы не оставаться на зыбкой почве предположений и догадок, попробуем, по возможности, прояснить эту загадочную природу и на этой основе в общих чертах смоделировать механизм движения мирового хозяйства.

2. Краткий экскурс в теорию хозяйства

В теории хозяйства до сих пор господствует представление о *товарном* рынке как о единственно нормальной, «рациональной» основе хозяйства. Обмен товарами, казалось бы, исчерпывает отношения между субъектами хозяйственной деятельности, все остальное – институты, регуляторы, политика и т. п. – важная, но не более чем «надстройка», призванная лишь скорректировать отдельные несовершенства этого рынка. В самом деле, товар, вещь естественным образом подытоживает производственный процесс, всю предшествующую цепочку затрат, и если товар находит покупателя, носителя потребности, готового оплатить эти затраты (обменять на другой товар или деньги), то все компоненты *равновесия* налицо: спрос – предложение, функция полезности – функция затрат, и говорить вроде бы больше не о чем.

Однако, если приглядеться, у любой хозяйственной деятельности *не один результат, а два:* она производит не только вещь, товар, но и еще кое-что, весьма существенное, хотя и трудноуловимое. Что это за таинственный результат?

Вот лесоруб рубит дерево, а оно не падает, – скажем, топор тупой. Поскольку деятельность не механическая и у нее есть *мотив,* то она не остановится как вкопанная, как только попадет в неблагоприятные обстоятельства, – попытки сдвинуть с места *забуксовавшую деятельность* будут продолжаться. Лесоруб будет рубить из последних сил, а дерево будет стоять. *Попытка деятельности, которая не приводит к желаемому результату,* есть то, что называется *проблемой* (потребностью, нуждой и т. п.). Это не сама живая деятельность, а именно *попытка,* схема, форма деятельности, отделившаяся от предмета и поневоле ставшая для человека объектом *напряженного* внимания[4].

Итак, проблема – вот второй результат хозяйственной деятельности, двойственно-сопряженный с предметным результатом, вещью, товаром. Таким образом, хозяйственная деятельность не только преобразует одни предметы в другие (это всем известно), *но также преобразует одни проблемы в другие,* а именно: проблемы моего заказчика преобразуются в мои собственные проблемы (проблемы в строительстве, «забуксовавшем» без строительного леса, преобразуются в проблему лесоруба, «забуксовавшего» без настроенного инструмента), которые я в свою очередь могу разместить в качестве заказа.

[4] Так, потребность в пище (голод) – это не просто пустой желудок, это *попытка* пищеварения, когда желудок пуст. Человек способен отделить от себя, увидеть со стороны, сделать своим предметом не только вещи, но и формы собственной деятельности, – на эту способность как на главное отличие человека от животного указывал еще Гегель: «…сама форма деятельности человека превращается для человека в особый предмет, в предмет особой деятельности» (цит. по: Ильенков 1984: 181). По Гегелю, оперирование с формами деятельности является прототипом и реальным содержанием мышления и вообще сферы идеального. Можно еще заметить, что именно формы деятельности, а отнюдь не предметы первыми попали в поле осознанного внимания человека. Глаголы, а не существительные первыми появились в языке. Сначала «копать, скрести, сверлить», и только потом постепенно выяснялось, что из себя представляют «копалка, скребок, сверло» (см.: Попков, Батурин 2006).

Теперь взаимодействие субъектов хозяйства может разворачиваться в двух встречных режимах: 1) продукт – деятельность – продукт; 2) проблема – деятельность – проблема (рис. 2).

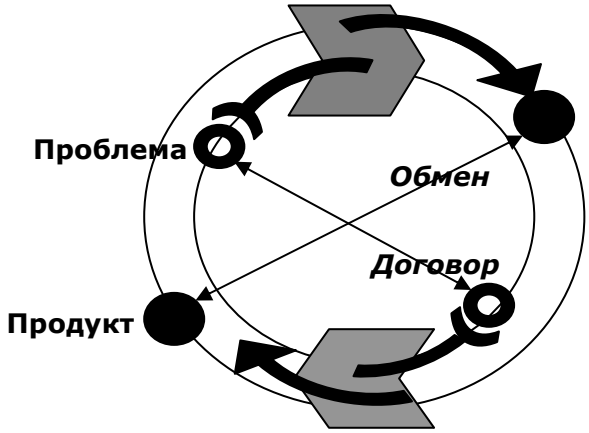

Рис. 2. Два режима взаимодействия субъектов хозяйства

В первом режиме хозяйственные отношения акцентируются на предметном результате, товаре. Здесь хозяйственная деятельность – это прежде всего производство товаров, а основная транзакция – обмен товаров. При этом проблема (потребность) выступает *лишь моментом* в преобразовании одного товара в другой. Рациональный покупатель (хозяин, собственник), приобретая товар, имеет в виду употребить этот товар с прибылью в производстве других товаров, получить добавленную стоимость (домашние хозяйства здесь не исключение), то есть расширить свой доступ к миру товаров[5]. В конечном счете единственная его потребность – потребность избежать разорения.

Итак, подразумеваемая экономической теорией *аксиома равноправия товара и потребности, предложения и спроса не выполняется в условиях товарного производства.* Асимметричность спроса и предложения, дискриминация проблемного аспекта получает вполне зримое выражение хотя бы в виде агрессивной рекламы как одной из форм насилия над покупателем. Вообще замечено, что развитое товарное (капиталистическое) хозяйство – это всегда рынок продавца, а не покупателя[6].

Теперь о втором, «проблемно-ориентированном», режиме координации хозяйственных процессов. Здесь, наоборот, продукт, вещь выступают лишь промежуточным моментом в координации двух проблем, двух схем деятельности[7]. Дея-

[5] Макс Вебер говорит о капитализме как об исторической победе «целерационального» действия над традиционным, «ценностно-рациональным». Если принять его теорию социального действия, основанную на разделении «средств» и «целей» (а мы предпочли бы говорить о ресурсах и проблемах), то на стадии капитализма главной **целью** экономического действия становится расширение доступа к ресурсному потенциалу общества, то есть опять к «средствам». Капитализм – это победа «средство-рационального» действия.

[6] Таким образом, любезные сердцу авторов «экономикс» «функции полезности» и «функции затрат» в реальности выступают в абсолютно разных весовых категориях. Игнорирование этого фундаментального перекоса классическими теориями социального выбора и экономического равновесия превратило их (в значительной мере) в пустое математическое упражнение – к такому выводу приходят в последнее время ведущие специалисты в этой области (см.: Полтерович 1997).

[7] «Все, что имеет прочную форму, как, например, продукт и т. д., выступает в этом движении лишь как момент, как мимолетный момент» (Маркс 1969: 222).

тельность при этом выступает не как преобразование одних предметов в другие, а как преобразование одного заказа в другой. И разворачивается она в форме предоставления *услуги,* а не производства товара.

Понятие «услуга» здесь берется в своем крайнем варианте – как деятельность, ориентированная исключительно на потребность, на решение проблемы заказчика. В таком варианте услуги нет ни тени предметного аспекта: каким именно предметным способом будет решена проблема, заказчика, вообще говоря, не волнует. Автовладелец, становясь абонентом гарантийного сервиса, знает только одно – ездит его машина или нет, а какие узлы заменяются и во что это обходится сервисной структуре, его не касается. А если и сам автосервис в свою очередь является абонентом некоей сервисно-страховой инфраструктуры, то и его не будет волновать товарный (затратный, стоимостный) аспект его деятельности. Всех их будет волновать что-то другое.

В таком хозяйстве, акцентированном на проблемном аспекте, базовой транзакцией становится «обмен проблемами» – *договор*[8], – опять же в некотором крайнем смысле этого понятия. Это не юридический документ – это хозяйственная транзакция. Близкие примеры: обмен страховками, обмен абонементами на обслуживании. Такая цепочка или сеть договоров, по сути, формирует спрос как таковой[9], а *замкнутая* цепочка договоров наполняет спрос собственной платежной силой.

Платежную силу, циркулирующую в договорном процессе, можно было бы выразить в деньгах, но, строго говоря, она имеет неденежную природу. Здесь функционирует хозяйственная *власть* – «обобщенное право мобилизации чужих обязательств» (Т. Парсонс)[10]. Хозяйственная власть (в отличие от политической) так же, как и капитал, может облекаться в денежную форму, поэтому велик соблазн смешивать их (что часто и делается), но, строго говоря, это разные «деньги». Конвертирование капитала во власть и обратно происходит постоянно, но это не безобидный момент (в случае политической власти такая конвертация называется взяткой). Поэтому есть смысл четко различать, скажем, фьючерсный контракт (отложенную покупку товара) и приобретение абонемента на обслуживание[11].

---

[8] Имеет место терминологическая трудность. Большинство терминов уже использованы для обозначения явлений в хозяйствах «антициклонного» типа – все они оказались сдвинуты от проблемного полюса к товарному. У нас понятия «услуга» и «договор» радикально разведены с понятиями «товар» и «обмен». Между тем экономисты, на словах признавая важность услуг в современном хозяйстве, по сути, не отличают их от товаров (в двухтомнике Р. Макконнелла и Л. Брю услугам посвящены… два абзаца), в лучшем случае говорят о товар-услуге, которая отличается от просто товара «интерактивным характером взаимодействия поставщика и потребителя» (Сафина 1999: 16). То же относится к понятию «договор». Это не контракт, который в современной институциональной теории выступает как развитая форма обмена.

[9] Сантехник, взявший на обслуживание дом, предъявляет гораздо более основательный спрос на сантехнику, нежели жильцы.

[10] Парсонсу принадлежит идея о том, что власть играет в политической сфере роль, аналогичную той, которую выполняют деньги в сфере экономической (см.: Парсонс 1997). Для современной теоретической социологии власть являет собой пример «символически генерализированного средства коммуникации», ее институты развертываются аналогично деньгам в экономике, истине – в науке (см.: Луман 2001). Было предложение измерять объем власти экономическим *ущербом*, который властвующий способен нанести партнеру в случае его «оппортунистического поведения» в процессе выполнения контракта (Holm 1969: 269–288), то есть, собственно, ограничить ему доступ к ресурсам. В этом смысле власть может выражаться в деньгах. Но и наоборот, платежная сила денег соотносится, как известно, не только с ресурсным эквивалентом, но и с «полезностью», с объемом проблем (потребностей), которые можно решить (удовлетворить) посредством этих денег. Деньги и власть, таким образом, представляют собой типичную двойственно-сопряженную пару.

[11] К чему ведет неразборчивая и неограниченная эмиссия денег неясной природы, мы имеем возможность наблюдать воочию. Только часть эмитированных в мире денег имеет хотя бы самое отдаленное отно-

Были ли реализованы эти два типа хозяйства где-либо в чистом виде? Этот вопрос не совсем правомерен, поскольку в любом обществе обязательно наличествует и проблемная, и ресурсная (товарная) сферы. Тут все дело в относительном статусе этих сфер и в характере их взаимодействия. Но, предвосхищая дальнейшее изложение, можно указать на классический пример товарного хозяйства – это, конечно, Запад в эпоху индустриализма. А что касается проблемно-ориентированного хозяйства, то полноценная его реализация, видимо, еще впереди, поскольку такая экономика предполагает постиндустриальную техническую базу, которая сегодня только складывается. Но некий индустриальный протовариант такого хозяйства, по-видимому, был реализован в СССР (проблемно-ориентированная деятельность – это, по сути, выполнение заказа, что и есть *планомерность* в широком смысле).

На этом завершим краткий экскурс в теорию, оставив за скобками такие важные оппозиции, как право и мораль, собственность и долг, стоимость и ценность и др. (подробнее см.: Попков, Батурин 2006), и перейдем к обсуждению механизма эволюции мирового хозяйства и того, какое место в нем занимает Восточный блок.

3. Две сферы хозяйства

Можно констатировать, что фундаментальную структуру любого общества составляют две равномощные взаимодействующие сферы: проблемная и ресурсная.

Первая сфера организует движение **потребностей** (**проблем,** нужд, чаяний, ожиданий и пр.). Можно обсуждать устройство основного механизма, действующего в этой сфере, но уже ясно, что институты этой сферы так или иначе ориентируют каждого относительно своих и чужих проблем, организуют и регламентируют его доступ к общественно значимым проблемам (к «социальному заказу»), то есть организуют доступ к **мотивационному потенциалу** общества. Эти институты обеспечивают трансляцию внешних, «сырых» проблем внутрь общества, их движение и трансформацию в нем: обмен проблемами («договор»), их усвоение, концентрацию, формирование программ и проектов и в целом – расширенное воспроизводство мотивационного потенциала общества.

Вторая сфера, **ресурсная,** – сфера движения ресурсов (вещей, товаров, продуктов, возможностей, средств, знаний, ноу-хау и пр.) посредством известных механизмов обмена. Институты этой сферы организуют и регламентируют доступ индивидов к общезначимым ресурсам, организуют переработку исходных, «сырых» ресурсов в концентрированные продукты, их движение в обществе и в целом расширенное воспроизводство **ресурсного потенциала** («богатства») общества.

Несущей, «базисной», структурой общества может служить каждая из этих сфер. Вопрос доминирования какой-либо из них – это вопрос о типе общественного строя, он исключительно важен, но наличие и сбалансированное развитие обеих сфер есть непременное условие для любого нормального хозяйства. Всякая жизнеспособная экономика обязательно содержит в дееспособном состоянии обе названные сферы.

шение к товарной массе, гораздо больше их оказалось выпущено под неясные обязательства, не подкрепленные адекватными институтами. Такой навес «нетоварных» денег всегда будет грозить опрокидыванием, глобальным оползнем, пока под этим навесом не выстроится соответствующая база нетоварных (контрактных, договорных) отношений и институтов (Попков, Батурин 2006).

Подчеркнем (во избежание разночтений), что мотивационную сферу мы здесь рассматриваем как частнохозяйственный, то есть рыночный, а не институциональный феномен. Политическая сфера тоже имеет дело с проблемным полем общества, политику иногда определяют как «рынок программ» (Й. Шумпетер), но политика в западном смысле, институты парламентской демократии имеют надстроечный характер, играют вспомогательную, компенсаторную роль по отношению к хозяйству. Хозяйственные же процессы на проблемном поле, как мы видели и увидим еще, идут гораздо шире: они включают отношения заказа-подряда, договора, услуг в широком смысле, власти как капитала.

Частнохозяйственное движение проблем, передача их «из рук в руки» – это не плод умозрительного теоретизирования. Когда заказчик говорит своему подрядчику: «Это уже не моя проблема, а твоя», – он как раз указывает на факт такой передачи. Проблемная сфера представляет собой, попросту говоря, множество взаимодействующих сервисов, обменивающихся друг с другом абонементами, – так возникает сервисная инфраструктура хозяйства, способная эффективно перерабатывать и решать проблемы хозяйствующих субъектов.

Именно в таком качестве проблемная сфера может претендовать на базисную роль, а не только на роль «надстройки», какой обычно довольствуется политическая сфера.

4. Механизм эволюции хозяйства

В свете представлений о двухсферной структуре хозяйства по-новому предстает и механизм его эволюции. На смену марксовой линейной формационной схеме, в основе которой лежит процесс становления товарно-капиталистических институтов и их последующего упразднения[12], идет представление о параллельном и сопряженном развертывании мотивационной и ресурсной сфер внутри цивилизаций.

Жизненный цикл каждой цивилизации начинается с состояния, в котором проблемно-мотивационные реальности напрямую связаны с ресурсными: жрецам, функционирующим в мотивационной сфере, приходится использовать свое имя, моральный авторитет в деле распределения ресурсов «под плановые задания». Они тем самым превращаются в начальников, «отцов родных», являющих собой олицетворенное противоречие – «жрец-хозяин», населяют собой систему столь же противоречивых органов управления. С одной стороны, они являются участниками целеполагания, формирования социального заказа и проводниками соответствующих целевых установок; с другой стороны, они должны обеспечить эти заказы ресурсами и не допустить частный, теневой оборот последних.

---

[12] Марксова формационная схема сегодня снова живет и побеждает. И «западники», и «альтернативщики» согласны, что коммунизм приходит на смену капитализму, как тот в свое время сменил феодализм. Только «западники» считают, что Запад на этом пути уже совершил финальный скачок в «царство свободы», в «постэкономическую» формацию, указывая на «экспансию сферы, предоставляющей *индивидуализированные услуги и информацию*», где «развитие личности становится главной целью человека» и т. д. (Иноземцев 2000). Марксисты возражают: развитие сферы услуг и производства знаний в условиях капитализма – никакой не скачок в «креатосферу», а лишь его имитация, это, наоборот, фактор загнивания «корпоративного капитализма» и глобализации его противоречий (Бузгалин 2001). С этим диагнозом можно было бы согласиться, но… как-то уж больно безысходно. Получается, что капитализм снова «лег у истории на пути» и его снова «не объехать, не обойти», а скачок России в «креатосферу» стал еще более проблематичным, тем более что марксисты отвергают «формационный плюрализм», а это значит, что обходных путей у истории нет.

При таком общественном устройстве господствующие ценности и «генерализующие» их символы власти становятся паролем, открывающим ворота общественных складов, то есть собственно деньгами. А пароль, открывающий ворота складов, – именно поэтому! – становится символом власти. Монополия на целеполагание и монополия на ресурсы, таким образом, обусловливают друг друга (рис. 3а).

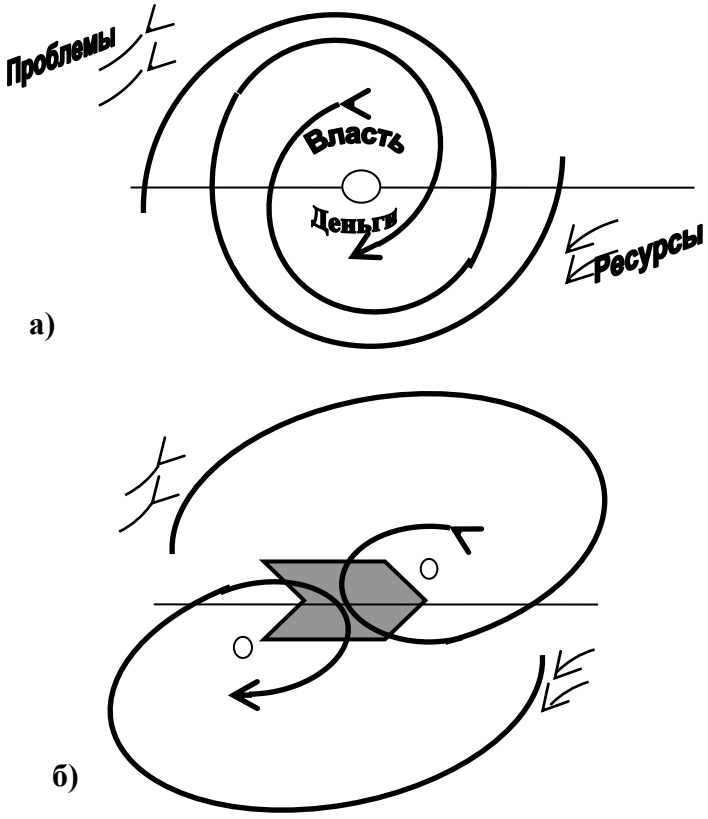

Рис. 3. Проблемная и ресурсная сферы в а) традиционном и б) современном обществе

Это стадия авторитаризма, в социологии ей соответствует известный феномен «власть-собственность» (Васильев 1983: 40), с этого начинается жизненный путь цивилизации. И в дальнейшем не раз на протяжении этого пути под давлением угрожающих обстоятельств цивилизация вновь восстанавливает авторитарное устройство, активизируя характерные для него **мобилизационные** механизмы, то есть механизмы неэквивалентного (прямого) вмешательства в распределение ресурсов с позиций целеполагания, или в процессы целеполагания с позиций ресурсных ограничений (основания и тип мобилизации зависят от типа цивилизации, они будут рассмотрены ниже).

Это исходное неустойчивое состояние – оно неизбежно разлагается, подтачиваемое с двух сторон: во-первых, неудержимо разрастающимся теневым оборотом

ресурсов, который разворачивает собственные, внутренне присущие ему частные формы, все более активно оспаривает у начальства его монополию на ресурсы, постепенно образуя в обществе особую сферу – меновое хозяйство, которое все более втягивает в себя ресурсный поток; с другой стороны, в мотивационной сфере идут аналогичные процессы демобилизации («либерализации»). Вожди, освобождающиеся от ресурсно-распределительной функции, теряют монопольно-командные позиции, становятся политиками, сосредоточиваются на своей собственной целеориентирующей роли, втягиваются в конкуренцию проектов и программ, и лишь победившие в этой конкуренции проекты, то есть те, в которых удалось сконцентрировать действительно существенные потребности электората, оказываются способными оттянуть на себя необходимые ресурсы. Таков, в принципе, нормальный режим доступа к ресурсам в зрелом обществе (рис. 3б).

* * *

Однако становление и развитие реальных систем не знает золотой середины, а также одновременного параллельного развития своих полярных сущностей. Это развитие идет попеременно, как говорят математики, «методом ортогональных направлений»: когда одна сфера развивает экспансию, другая тормозит и страхует.

Картина усложняется еще и тем, что разложение исходного протосоциального авторитарного образования идет одновременно с поиском и формированием институциональной структуры каждой из сфер в обстановке напряженной борьбы шаманов и вождей, жрецов и ключников за лидерство в обществе. В этой борьбе на самых ранних этапах истории под действием множества факторов и закладывается тип данной конкретной цивилизации, ее интегральная ориентация.

5. Западный тип движения в истории

Если в целом следовать общепринятым историческим представлениям – а надо иметь в виду, что эти представления складывались в поле западноцентрической концепции и отражали самосознание цивилизации западного типа, – то основным этапам истории можно дать следующую интерпретацию.

Содержанием *первого этапа* – **традиционализма** – является разложение исходного протосоциального образования с выделением и институциализацией прежде всего меновой сферы. При этом традиционная идеология (религия) и освящаемая ею политическая структура остаются в консервирующей, сдерживающей позиции по отношению к этому процессу. На ранних этапах незрелое еще меновое хозяйство, принимая рано или поздно на себя ресурсы общества, то и дело «идет вразнос». Все цивилизации в эту эпоху, если их традиционная культура была не в силах в той или иной форме удержать контроль над условиями найма рабочей силы, заканчивали свой жизненный путь тем, что в обществе разворачивалась жесточайшая эксплуатация, возникали огромные состояния, с одной стороны, и обнищание масс – с другой. Это сопровождалось полной деградацией мотивационной сферы, и результат – крах цивилизации. В обстановке бедствий в среде пролетариата возникала новая этическая система или вновь получала поддержку старая и начиналась новая цивилизационная попытка. Такова схема цивилизационного цикла по А. Дж. Тойнби.

С каждой цивилизационной попыткой шло накопление элементов и возможностей менового механизма, который теперь готов принять на себя регулирование всего ресурсного хозяйства общества, включая рабочее время производителя. В техническом отношении эта стадия не случайно совпала с промышленной революцией и индустриализацией хозяйства, что резко усилило мобильность ресурсного потенциала общества и облегчило всеобщую экспансию меновых отношений, которая завершилась появлением на рынке товара «рабочая сила». Вместо формулы Т – Д – Т утверждается формула Д – Товар Рабочая сила – Д′, формула движения капитала. Так стартовала *вторая фаза* западной истории – **капитализм.**

Проблемная (политическая) сфера в этой фазе впервые получает возможность (пока только возможность) освобождения от несвойственных ей функций и полного разворота ее целеориентирующих потенций. Ее роль и мощь (а соответственно и налоговая база) в условиях капитализма вырастает на проблемном поле вместе с пролетарскими выступлениями, профсоюзным движением и пр. При этом политическая сфера остается вполне мобилизованной, силовой, надстроечной структурой над товарно-капиталистическим рынком. И лишь позже, когда рынок стал активно насыщаться *сервисными* компонентами, у проблемной сферы впервые появилась собственная рыночная основа. Проблемы стали перетекать и канализироваться в неполитических, частно-договорных структурах. На этой основе была более или менее успешно решена проблема спроса, рынок продавца сменился рынком потребителя. На этой же основе идет глубокая реформа всей политической сферы.

Так западная история перешла в *третью фазу* – эпоху нового возвышения проблемной-политической сферы, ее относительно свободной институциализации при полном развитии сферы меновой. Можно вслед за Марксом назвать ее **эпохой гуманизма,** или постиндустриализмом (Д. Белл), или постлиберализмом (И. Валлерстайн), постэкономической формацией (В. Иноземцев)[13], или как-то еще. Важно, что это материально и мотивационно зрелое общество западного типа.

---

[13] Приверженцы постиндустриализма говорят об «экономике знаний», о том, что «творческие возможности личности, ее способности к генерированию нового знания и информации становятся главным ресурсом…», что на смену homo economicus идет homo creator, одержимый «жаждой самореализации и личностного роста», и т. д. и т. п. Ключевое слово – «творчество». Говорят о появлении особого класса «неисчерпаемых ресурсов», которые допускают неограниченное тиражирование и многократное использование, на которые не распространяется атрибут «редкости» и по отношению к которым поэтому теряют смысл все основные характеристики «экономической» формации – стоимость, собственность и пр. Постиндустриалисты относят к таким «ресурсам» информацию, знания. Их оппоненты в ответ напоминают о вполне успешной борьбе Microsoft за свою интеллектуальную собственность и предпочитают говорить в этом смысле о «культурных ценностях» – именно такие «ресурсы», по их мнению, создает homo creator, населяющий постэкономическое общество, в общении с себе подобными: «…культурные ценности... это такой пирог, который становится тем больше, чем шире круг едоков и чем активнее они его поедают (так Чайковский, “съев” творение Пушкина, создает свою оперу, и “пирог” искусства становится богаче)» (Бузгалин 2004). Экономическая теория институтов подсказывает нам, о каких «неисчерпаемых ресурсах» и о каком именно «творчестве» на самом деле идет здесь речь, – речь идет об *институтах,* институциональном творчестве, институциональном предпринимательстве. «Институт – это совокупность созданных людьми формальных или неформальных правил, выступающих в виде ограничения для экономических агентов, а также соответствующих механизмов контроля за их соблюдением и защиты» (Шаститко 1997: 9). Создание успешного института приводит к вполне осязаемому эффекту: он расширяет границы рынка, число его добровольных активных участников, объем рыночных транзакций (обменов или договоров). Под это определение подпадает и создание игорного заведения, и выработка идеологии, и написание «Евгения Онегина». Создатель института кровно заинтересован в расширении круга «потребителей», и в этом смысле институт – действительно «общественное благо». Именно производство институтов становится содержанием «третьей волны» истории, «посткапиталистической», «постэкономической» формации.

Сегодня Запад переживает стадию позднего капитализма и входит в третью фазу. Важно заметить, что если на первой фазе, на фазе разложения традиционного устройства, тормозную функцию выполняла политическая сфера, а ресурсная развивала экспансию, то теперь, на стадии гуманизации, роль тормоза перешла к предельно развитым институтам собственности, которые, отстаивая свою базисную роль в этом обществе, противостоят «лавине коммунизма» (А. Зиновьев) – стихийно возникающих общественных объединений и программ, идеологических союзов и пр. И нужно признать, что сдерживать эту «лавину» в целом удается, и тем самым удается сохранить «западный» тип движения в истории даже на «постэкономической» стадии. А вместе с этим – и весь букет противоречий и ограничений западного пути (Бузгалин 2001).

6. Восточный тип движения в истории

Что касается проблемно-фокусированных цивилизаций восточного типа, то перед ними экономическая теория в большом долгу. Исследования М. Вебера по хозяйственной этике нельзя назвать в этом смысле исчерпывающими, в них еще нет четкого понимания специфики мотивационной сферы, ее фундаментальной хозяйственной роли, поэтому и произошла ее редукция к проблеме бюрократии и подтверждение вывода о всеобщей неизбежности западного пути.

С заявленных выше позиций мы можем теперь обсуждать и альтернативный тип движения в истории. Идеальная реконструкция этого типа движения должна быть основана на признании *базисной* роли мотивационной сферы, сферы движения потребностей, нужд, целей, их соизмерения, сферы обращения проблем и власти. Сформулируем некоторые утверждения о характере этого движения и его этапах (рис. 3 а, б).

Первый этап – традиционализм, заключающийся, как и в западной модели, в разложении исходного протосоциального образования с выделением основных сфер. Но в отличие от западной модели здесь развивает экспансию, институализируется именно мотивационная сфера, тогда как традиционные имущественные отношения и обеспечивающие их силовые структуры играют сдерживающую роль по отношению к этой экспансии, – иначе духовные вожди и искатели правды, баяны и краснобаи разорили бы общину.

Сдерживающая, страховочная, тормозная роль имущественного уклада на этом переходе подтверждается хотя бы тем, что этот уклад развивается сравнительно медленно, нехотя расставаясь с традиционными регламентами, элементами общности имущества и общинного произвола в распределении ресурсов.

А мотивационная сфера, напротив, рвется из узды, взрывает достигнутые формы, одержима максимальными задачами (хилиазм), с трудом терпит вмешательства земной власти (анархизм), взыскует Града Небесного (Раскол) и в то же время активно претендует на базисную, приоритетную, организующую роль в жизни общества. В своей экспансии она идет вширь, осваивая сопредельные культуры, и вглубь, расшатывая традиционные устои. Всегда готова сомневаться в собственной правоте, не подвержена формализму вообще, ищет абсолютных и всеобщих средств выражения.

А в ответ на ее чрезмерную экспансию периодически активизируются мобилизационные механизмы защиты ресурсной сферы: государство идет по пятам, закрепляет достигнутые рубежи экспансии, «сажает на землю», «заковывает в бе-

тон» не выработавшую пока внутри себя всеобщих форм организации и потому опасную стихию. А новые хозяева тем временем пускают в ресурсный оборот новые приобретения.

И, наконец, эта стихия, исчерпав в великих произведениях литературы духовные ресурсы языка, в поле первоклассной культуры вздымает немыслимую для индустриальных обществ идеократическую плановую организацию хозяйства, отрицающую собственность как принцип, и, как бы вновь пережив миг своего творения и заново пройдя все круги авторитаризма, предельной ресурсной и мотивационной мобилизации, начинает приходить в себя, присматривая органичные формы, в которых разрешатся великие ее напряжения…

Возвращаясь к жанру холодного идеально-типического построения, мы спрашиваем: может ли *этот* тип исторического движения, этот тип разложения традиционного общественного устройства *разрешиться капитализмом*? Даже если властная элита предпочтет конвертировать власть в деньги, а деньги превращать в капитал, согласится ли население включиться в качестве такого товара, как рабочая сила, в расширенное воспроизводство этого капитала, а потому и в свое собственное расширенное воспроизводство[14]?

На этот вопрос способна ответить только практика (и, кажется, она на него уже отвечает). Но если придерживаться предлагаемой здесь теоретической схемы, то этот тип исторического движения может разрешиться форсированной и полномасштабной экспансией проблемной сферы в качестве базисной. Это означает не только радикальное расширение рынка услуг, но и освоение альтернативной формулы предпринимательства, где рабочее время будет заполняться не трудом, а *служением,* а главной целью деловой жизни (бизнеса) станет расширение доступа к значимым проблемам общества, к значимому социальному заказу.

Ресурсная сфера на этой фазе может быть организована более или менее авторитарно, хотя при этом предполагается как можно более быстрый запуск механизмов частнохозяйственного доступа к ресурсам, но лишь в той мере, в какой отношения собственности не будут подавлять мотивационную сферу, которая должна оставаться базисной.

По существу, это постиндустриальный вариант планового хозяйства, или **рыночный коммунизм,** или **сервисная экономика,** или **политическая цивилизация** (по Валлерстайну)[15]. Это и есть вторая стадия исторического движения восточного типа.

Дальнейшее движение по этому пути состоит в сдерживании «лавины капитализма», в удержании базисной роли мотивационных институтов и постепенном

---

[14] «Западники» и марксисты предлагают России на выбор – «хрен» или «редьку». Первые говорят о безальтернативности модернизации по западному образцу, но затем убедительно показывают, что для России это дело вполне безнадежное (Иноземцев 2008: 145–165). Марксисты говорят о тупиках постиндустриального капитализма с его «экономикой услуг» и делают ставку на самоорганизацию угнетенных масс в мировом масштабе.

[15] Не было бы ошибкой обозначить эту стадию как коммунизм, если бы удалось очистить этот мощный бренд, с одной стороны, от государственно-мобилизационной скорлупы и, с другой стороны, от социалистического вегетарианства позднесоветского образца («общество ням-ням», по выражению Сергея Кургиняна). Предлагаемый тип хозяйства не имеет никакого отношения к распределительному социализму, и вегетарианства в нем не больше, чем в капитализме в его классической фазе. Во всяком случае, удерживать такой «коммунизм» в рамках ресурсных ограничений будет не легче, чем было удерживать капитализм в рамках социально-политической корректности.

вхождении в стадию **гуманизма,** в состояние мотивационной и ресурсной зрелости цивилизации.

* * *

Однако вернемся к характеристике состояния, в котором мы предположительно находимся (или, по крайней мере, находились в начале 90-х гг.), а именно – к рубежу между фазами традиционализма и рыночного коммунизма. Этот переходный процесс можно обозначить как Восточная реформация[16].

7. Проблемы Восточной реформации

Восточная реформация охватывает обе сферы хозяйства. Что касается ресурсной сферы, то есть вопросов собственности и т. п., то здесь уместно вспомнить об участи мотивационной сферы на стадии капитализма. В знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер впервые обратил внимание историков хозяйства на момент замещения мобилизационных форм духовности протестантизмом. Это было начало капитуляции всего традиционного общественного устройства, открывающее путь к окончательному утверждению товарного рынка в качестве единственного организатора хозяйства.

Нельзя сказать, чтобы проблемная (политическая) сфера с этого момента пребывала в полном упадке, напротив, освобождение ее от ресурсно-распределительной функции формально открывало перед ней новые перспективы свободного развития, но ее новая унизительная роль «надстройки» имела четко очерченные рамки. Ее стихия: проблемы, страдания, нужды, стремления и намерения – теряла собственный голос и могла заявлять о себе только в качестве платежеспособного спроса или демократического волеизъявления.

Впрочем, страны Запада всегда благоразумно сопротивлялись вырождению хозяйственного пространства и вошли в XX в. без заметной культурной деградации и пролетарских революций. И сегодня представляют собой сбалансированные двусферные хозяйства с более или менее заметным доминированием меновой сферы.

Кстати, даже эта, лишь относительная, слабость моральной и вообще культурной мотивации уже давно осознается как серьезный трудноустранимый дефект, подрывающий позиции Запада перед лицом вызова с Востока, и не только со стороны Китая, но и со стороны традиционных союзников – Японии, Южной Кореи и других стран, в которых процесс рыночной модернизации не привел в целом к радикальной смене строя, не привел, в частности, и к утрате традиционного контроля над условиями найма рабочей силы.

Чрезвычайно важно особо подчеркнуть ключевую проблему Реформации любого из двух типов – это проблема соотношения темпов и очередности протекания реформ в ресурсной и мотивационной сферах. **Формула динамического баланса такова: реформирование базисной сферы, демобилизация, освобождение, развертывание ее горизонтальных структур должно идти опережающими темпа-**

[16] См.: Батурин 1993. Исчерпывающий политико-культурный анализ феномена «Русской реформации» содержится в научном наследии В. Д. Жукоцкого (1954–2006) (см., например: Жукоцкий 2004; 2006). В данной работе реформация трактуется как относительно быстрый и даже лавинообразный процесс окончательного разложения авторитарного общественного устройства, который захватывает обе сферы и завершается полной эмансипацией и всеобщей экспансией *базисной* сферы. Так, Буржуазная реформация, начатая религиозной реформой Лютера, завершилась утверждением капитализма в Европе.

ми по сравнению с реформированием противоположной сферы, продолжающей выполнять притормаживающую функцию. Поддержание такого баланса может обеспечить органический поступательный ход процесса и предотвратить бедствия, подобные тем, которые сопровождали Буржуазную реформацию, когда этот баланс был нарушен в Германии, в которой стартовала Европейская реформация и которая тогда лидировала в Европе: там форсированная религиозная либерализация намного опередила развертывание базисных рыночных структур. Это обусловило спазматический характер процесса, вызвало затяжные религиозные войны, хозяйственные опустошения и в результате – восстановление и даже усиление феодальной раздробленности, исключающей дальнейшие рыночные реформы. Инициатор и лидер Реформации оказался отброшенным в положение аутсайдера и неудачника. Эхо этой неудачи отозвалось в конце концов гитлеризмом.

К сожалению, приходится констатировать, что на первом этапе российских реформ был воспроизведен аналогичный порочный характер динамики: сделан упор на опережающем и даже исключительном развертывании институтов собственности, которые всегда в России играли подсобную, тормозящую роль, а традиционно базисная для нее мотивационная сфера остается в полном небрежении и более того – подавляется[17]. А это значит, что Россия рискует втянуться в затяжной, бессмысленный, изнурительный дележ и передел собственности, территорий, ресурсов с последующим новым собиранием земель и спазмами авторитаризма; а окончательное разрешение процесса Реформации отдвинется на неопределенное время и, вероятно, состоится не у нас.

8. «Северо-Восток» – вакансия для России

В заключение несколько соображений относительно **субъекта** Восточной реформации.

Западная культура, как утверждает М. Вебер, сумела войти в свой решающий виток, виток буржуазной рационализации, только приняв горькое лекарство протестантизма. Протестантская установка пополнила западный спектр стереотипов поведения, заявив в нем крайнюю, *«северную»*, позицию в противоположность католическому Югу.

Юг вообще тяготеет к целостности, социализму, в нем жив дух священной империи, братские чувства, детская беспечность, надежда на жизнь вечную (если умеренно грешить). Здесь люди живут в семье при живом отце и не рвутся во взрослую жизнь.

Протестантская же установка – это установка на индивидуализм, трезвый рационализм, пессимизм в отношении перспектив спасения. Протестант вышел из отчего дома и зарекся туда возвращаться. Главная его доблесть – стоическая способность жить в богооставленном мире среди чужих людей, жить, сообразуясь с законами этого мира, и действовать в нем максимально эффективно. Не лениться, не зарыть свой талант, не промотать собственность. Не дать себя увлечь иррациональными мотивами сострадания, филантропии и т. п., ибо никакой твари, в том

[17] Российские реформаторы сразу взяли курс не только на рыночную либерализацию, но и на «демонтаж культурного ядра России и смену типа цивилизации» – именно так тогда, в начале 90-х гг., вполне официально формулировали свои задачи идеологи российских реформ (см. программную статью: Ракитов 1992). И это было не просто их желание, они действительно упорно и изобретательно трудились над этим ядром – в ход шли и фальсификация социокультурных кодов, и массированный сброс в смысловые горизонты экскрементов чужих культур.

числе и мне самому, не дано иметь благих целей, которым можно было бы сочувствовать. Человек никому ничего не должен, и себе тоже.

Такова абстрактная позиция идеального собственника, таков персонифицированный капитал. Что же им движет, где он черпает жизненные силы? Ведь в этом мире нет ничего, ради чего стоило бы жить. Азарт игры? Золотая лихорадка? Д – Д′? Нет, протестант персонифицирует не торгово-спекулятивный, не ростовщический, а производственный капитал. Он действует, он непосредственно участвует в преобразовании мира.

Действует протестант «средство-рационально». Средства не должны лежать без дела, и если я могу их рентабельно употребить, то и должен это сделать. Короче, **«могу – следовательно, должен»** – такова формула активности протестанта.

Стоическое упорствование западного человека в отстаивании именно этой парадоксальной позиции и сотворило западную цивилизацию, обеспечило культурному ядру цивилизационно-игровое расширение, обустроило это ядро биржами, банками, страховыми учреждениями, открыв его тем самым для эволюции. Однако Юг при этом отнюдь не перестал существовать. Он хранит, репродуцирует культурное ядро, транслирует в пространство цивилизации его традиционные ценности и коды. И мечтает вновь в один прекрасный день слиться в единстве возрожденной священной империи.

Но западный человек научился ценить в себе северные черты. Парадоксальная формула «могу – следовательно, должен» продолжает действовать.

«А что же такое Восток?» – спрашиваем мы снова. Да это просто Юг, уверяют нас западники, причем такой крайний Юг, что дальше некуда. И если он еще имеет смешную претензию когда-нибудь стать Севером, то должен принять прививку против детских соблазнов, пройти инициацию протестантизмом. А если его организм «не принимает» это горькое зелье, то и пусть остается Югом.

В самом деле, положение незавидное. От Юго-Востока до Северо-Запада путь неблизкий. Но... ведь в природе кроме Северо-Запада существует еще и Северо-Восток, который к нам гораздо ближе. А что, если кроме заклинания собственника «могу – следовательно, должен» существует еще какая-то, более «удобоваримая» формула инициации, более родная и понятная? Например, «должен – следовательно, могу». И уж не эта ли самая формула ворожила в русской, и особенно в советской, истории (см.: Жукоцкий 2006)?

Правда, процедура инициации прошла у нас не до конца, она была свернута отеческим обещанием, что нынешнее поколение советских людей получит бесплатные пирожные. А протестантизм вообще не выносит отеческой опеки, братских объятий, неэквивалентной иррациональности отношений. (Формула «Я отвечаю за все» – очень двусмысленная формула. Ее может, вздохнув, произнести большой начальник. Но в ней может звучать и такой мотив: «Любую проблему я готов принять в зону своей ответственности и решать ее как свою, лишь бы она была значимой».)

«Должен – следовательно, могу» – принцип новой деловой элиты, которая могла бы вывести сервисную экономику в режим, называющийся на языке синергетики «режимом с обострением». Эта такая генерация «восточных протестантов», которые смогут существовать и хорошо себя чувствовать в безвоздушной среде формально-рациональных проблемно-властных отношений, в среде обязательств,

долга и рационального («рентабельного») воспроизводства, обращения и накопления власти.

* * *

По общим оценкам, финансовая цивилизация готова завершить свою славную историю. Ее основные институты развернуты, потенциал экспансии исчерпан, глобальная нестабильность нарастает. Идет лихорадочный поиск формулы ее долговременной консервации.

Леворадикальная оппозиция ищет ответ глобальному капитализму (Валлерстайн 2003) и видит в обозримом будущем лишь два конкурирующих «северных» ядра – США и Европу, укомплектованных соответственно Китаем и Россией в качестве «полупериферии», и расширяющуюся пропасть между ними и глубоко периферийным Югом.

Более умеренная социалистическая оппозиция берет на вооружение концепцию «устойчивого развития» (Международная конференция в Рио-де-Жанейро, 1992 г.), которая призвана внести элементы торможения в катастрофическую динамику мировой финансовой цивилизации и адресована в первую очередь развивающимся странам, составляющим периферию этой цивилизации. Укомплектованное такой консервативной, «устойчивой» периферией ядро финансовой цивилизации, согласно расчетам, получит необходимый запас устойчивости для длительного существования, а то и для нового витка либерализации и выхода на новый уровень развития.

Но остается открытым вопрос: что же дальше? Глобальная стабилизация путем торможения и замораживания мирового развития? Или...

…Или нужно признать, что денежно-правовая рационализация общественной жизни, лежащая в основе западной траектории развития, имеет альтернативу. И более того, только реализовав эту альтернативу и став биполярной, мировая система обретет, наконец, долгосрочную перспективу стабильного развития. (Так, атмосферная система, в которой развился мощный фонтан-антициклон, чтобы обрести стабильность, должна породить равномощный сток-циклон, и наоборот.)

Не вещи, а проблемы, не товары, а услуги, не собственность, а долг, не обмен, а договор, не права, а обязанности – вот что лежит в основе «постфинансовой» (Тоффлер), «политической» (Валлерстайн) цивилизации. Ее базисная структура программно-целевая. Советское плановое хозяйство было своего рода коконом, в котором зрело ядро этой цивилизации. Сегодня мы наблюдаем запуск процесса Восточной реформации.

Протестантизм дал Западу формулу инициации его ядра: «Могу – следовательно, должен», которая породила мощь современной цивилизации, но и поставила ее на край пропасти. Формула Восточной реформации: «Должен – следовательно, могу» – формула XXI в.

Кому по нутру будет чаша сия?

Литература

Батурин, А. Н. 1993. Коммунистическая Реформация. *Россия-XXI* 3.

Бузгалин, А. В.
2001. Социально-экономические противоречия генезиса постиндустриального общества и их теоретическая рефлексия. *Философия хозяйства. Альманах МГУ им. Ломоносова* 3. М.

2004. Частная собственность устарела. *Отечественные записки* 6: 36–43.

Валлерстайн, И. 2003. *После либерализма* / пер. с англ. М. Гурвица и др.; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС. М.

Васильев, Л. С. 1983. *Проблема генезиса китайского государства*. М.: Наука.

Жукоцкий, В. Д.

2004. Русская реформация XX века: логика исторической трансформации атеистического протестантизма большевиков. *Общественные науки и современность* 3: 89–102.

2006. Лютер и Ленин: две культурологические модели реформации. *Общественные науки и современность* 1: 69–82.

Ильенков, Э. В. 1984. *Диалектическая логика: Очерки истории и теории*. М.: Политиздат.

Иноземцев, В. Л.

2000. *Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы*. М.: Логос.

2008. О невозможности модернизации России. В: Паин, Э. А., Волкогонова, О. Д. (ред.), *Российская модернизация: размышляя о самобытности: сб. трудов Института Кеннана,* с. 145–165. М.: Три квадрата.

Луман, Н. 2001. *Власть* (серия «Образ общества») / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис.

Маркс, К. 1969. Экономические рукописи 1857–1861 гг. В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 46. Ч. 2. М.: Политиздат.

Парсонс, Т. 1997. *Система современных обществ.* М.: Аспект-Пресс.

Полтерович, В. М. 1997. *Кризис экономической теории:* доклад на научном семинаре Отделения экономики и ЦЭМИ РАН «Неизвестная экономика». М.

Попков, В. В., Батурин, А. Н. 2006. Опыт различения двойственных начал в теории хозяйства. *Журнал экономической теории* 4: 52–76.

Ракитов, А. И. 1992. Цивилизация, культура, технология и рынок. *Вопросы философии* 5: 3–16.

Рязанов, В. Т. 2001. Постиндустриальная трансформация, ее социально-экономические модели и судьба экономики России в XXI веке. *Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. Ломоносова* 2: 44–72.

Сафина, Т. И. 1999. *Рынок услуг: Методологические основы формирования и функционирования:* дис. … д-ра экон. наук. СПб.

Шаститко, А. Е. 1997. *Экономическая теория институтов.* М.: ТЕИС.

Holm, K. 1969. Zum Begriff der Macht. *Kölner Zeitschrift fur Soziologie und Sozialpsychologie* 21: 269–288.

Popkov, V., Baturin, A. 2008. Philosophic Rethinking of Poincare Topological Complex. *XXII World Congress of Philosophy.* July 30 – August 5. Seoul: Seoul National University.

ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСОНА

С. А. ПОДОЛИНСКИЙ: КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

В. С. Чесноков

Статья посвящена знакомству с жизнью, научной и общественной деятельностью «забытого научного новатора» С. А. Подолинского, которого Вернадский считал одним из своих предшественников в разработке учения о живом веществе, биосфере и ее эволюции в ноосферу. Вернадский ставил его научные достижения в один ряд с творчеством Майера, Томсона, Гельмгольца. Подолинский заложил основы новой теории труда как экономической, естественно-исторической и нравственной категории и показал, что человеческий труд в состоянии удерживать на земной поверхности и заставлять действовать солнечную энергию более продолжительное время, чем это было бы без него. Подолинский первым указал на значение таких глобальных проблем, как энергетическая и продовольственная безопасность человечества, устойчивость его развития.

Ключевые слова: *Подолинский, биография, теория труда, социальная энергетика.*

Во второй половине XIX в. жил и творил оригинальный натуралист-мыслитель, врач, общественный деятель и публицист Сергей Андреевич Подолинский (1850–1891). За свою короткую жизнь он издал более 50 книг и статей по различным отраслям естествознания и обществоведения на многих европейских языках, которые участвовали в формировании современных представлений о глобальных проблемах человечества, месте человека в биосфере, его роли в ее преобразовании. В своей новаторской статье «Труд человека и его отношение к распределению энергии» (Подолинский 1880) он выдвинул концепцию социальной энергетики, ставшую вершиной его творчества, раскрывающую роль труда человека в удержании, накоплении, предохранении от рассеяния и расхищения превратимых форм солнечной энергии, необходимых для удовлетворения потребностей людей. Из этой концепции родились идеи обеспечения устойчивости развития и автотрофности человечества, обеспечения энергетической и продовольственной безопасности общества, обоснования преимуществ будущего социалистического строя в накоплении и использовании превратимой энергии. Концепция социальной энергетики была развита в трудах ученых XX в., в том числе в учении Вернадского о взаимосвязи солнечной энергии с живым веществом, влиянии научной мысли и развивающейся техники на биосферу и ее эволюцию в ноосферу.

Век глобализации 2/2010 181–187

С. А. Подолинский родился в семье поэта пушкинской плеяды А. И. Подолинского. Получили известность стихи поэта, посвященные 50-летию основания Санкт-Петербургского университета. В память об этом была выбита медаль и на ней отчеканены две заключительные строки:

Где высоко стоит наука,
Стоит высоко человек.
А. И. Подолинский

Мать С. А. Подолинского была наполовину француженкой. Ее прадед Шуазель-Гуффье был французским академиком и дипломатом, послом Франции в Константинополе. После Французской революции 1789 г. он был вынужден эмигрировать в Россию и стать основателем русской ветви знаменитой французской семьи. Сестра матери С. А. Подолинского – мать известного русского философа Н. А. Бердяева.

В 1867–1871 гг. Подолинский учился в Императорском университете св. Владимира в Киеве, где увлекался физиологией (профессор В. Б. Томса), политической экономией и статистикой (профессор Н. И. Зибер). Кафедра Зибера была первой в мире университетской кафедрой, где излагалось экономическое учение К. Маркса. Здесь Подолинский познакомился с марксовой теорией классовой борьбы, где классовая борьба обозначена как движущая сила общественного развития. По окончании учебы он отправился в Западную Европу для совершенствования в области физиологии. В Париже он познакомился с П. Л. Лавровым, а через него в Лондоне – с К. Марксом и Ф. Энгельсом. На медицинском факультете Цюрихского университета Подолинский слушал лекции физиолога Л. Германа и под его руководством выполнил первую экспериментальную работу по изучению переноса окиси углерода и окиси азота кровью и роли гемоглобина в этом процессе. В Париже он слушал лекции Клода Бернара о явлениях жизни, общих для животных и растений. В Физиологическом институте Бреславля Подолинский под руководством Р. Гейденгайна выполнил большую научную работу по изучению панкреатической секреции, выявлению условий активации ферментов, влиянию сока поджелудочной железы на переваривание белка. Результаты исследования были оформлены в виде диссертационной работы, которая была защищена в 1876 г., и Подолинский получил степень доктора медицины. Он помогал Лаврову издавать журнал «Вперед!». В этом журнале Подолинский в 1873–1874 гг. опубликовал большую работу «Очерк развития Международной ассоциации рабочих». В сентябре 1872 г. он присутствовал в качестве гостя на публичных заседаниях V (Гаагского) конгресса I Интернационала и информировал Лаврова о ходе его работы.

В 1875 г. в газете «Киевский телеграф» Подолинский опубликовал серию статей о здоровье населения юга России и о своем путешествии по Галиции и Австро-Венгрии. Он указал на плачевное состояние общественного здравоохранения населения юга России, предложил меры по его оздоровлению. Статья в № 80 газеты от 6 июля 1875 г. имеет подзаголовок «Богатый край». Подолинский познакомился с сельским хозяйством и производством изделий из железа, посетил знаменитый оружейный завод, который снабжал ружьями не только австрийскую армию, но и армию Священной Германской империи. Завод выполняет «самую важную в политическом отношении работу, которая только существует на земном шаре», –

иронизирует автор. Он посетил завод по производству свинцовых белил в г. Целовце («Киевский телеграф», № 89 от 27 июля 1875 г.), назвал это производство «настоящим гнездом вырождения рабочего населения путем хронического свинцового отравления». В статье «Труд человека и его отношение к распределению энергии» (1880) он заметил, что «земледелие истощает почву только тогда, когда оно ведется неблагоразумно, хищническим образом». В Галиции и Австро-Венгрии он отметил две тенденции: онемечивание славянского населения и обезземеление мелких собственников. В 1880 г. Подолинский играл активную роль в издании журнала «Громада», первого русско-украинского журнала радикального направления. Вместе с Драгомановым и Павликом он разработал и подписал программу «Громады», в которой выдвигались прогрессивные политические и социально-экономические требования. О своих научных планах Подолинский писал Лаврову. В письме от 15 августа 1875 г. он сообщал, что на пути создания сознательного идеала будущей жизни придется тратить меньше слов на критику существующего, чем на синтез нового. В письме В. Н. Смирнову от 9 июня 1876 г. Подолинский писал, что надеется сделать серьезную созидательную работу по социологии.

Во второй половине 70-х гг. XIX в. Подолинский *отходит от марксовой точки зрения на классовую борьбу как на двигатель социального прогресса.* Это подтверждают письма Лаврова Лопатину от 12 марта и 16 апреля 1878 г. В них Лавров сообщает, что теперь Подолинский считает, что для утверждения социалистического сознания требуется несколько поколений развития мысли и что если победа социализма потребует гибели нескольких сотен человек, то лучше подождать и готовить его торжество мирным путем. Двигателем прогресса, по Подолинскому, становится не борьба классов (разрушение созданного трудом, расхищение накопленной энергии), а положительная трудовая деятельность, направленная на накопление энергии (созидание нового) для удовлетворения растущих потребностей общества. Для этого нужны кооперация, сотрудничество и взаимопомощь, а не революционная борьба. Это было новое естественно-научное обоснование будущего социалистического общества. Не исключено, что оно явилось одной из причин замалчивания трудов Подолинского в советское время.

Вершиной и синтезом естественно-научного и общественного творчества Подолинского стала его оригинальная концепция социальной энергетики, изложенная в новаторской статье (Подолинский 1880: 135–211). За короткое время эта работа с некоторыми изменениями и дополнениями была опубликована ведущими европейскими социалистическими изданиями. Статью под названием «Le travail humain et la conservation de l'énergie» Подолинский послал К. Марксу и получил от него благожелательный отзыв. В письме Марксу от 30 марта 1880 г. Подолинский писал: «Мне доставляет особое удовольствие, что я могу послать Вам небольшую работу, написать которую побудил меня в первую очередь Ваш труд "Капитал"». Он характеризовал свой труд как «попытку приведения понятия прибавочного продукта в соответствие с господствующими физическими теориями» (из письма Подолинского К. Марксу от 8 апреля 1880 г.).

Сохранился конспект К. Маркса указанной работы Подолинского (РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2940). Перевод конспекта Маркса на русский язык выполнен и впервые опубликован мною (Чесноков 2001: 125–129). Результатом многовековой

деятельности растений, по Подолинскому, являются кислородная атмосфера и громадные залежи каменного угля, торфа, нефти, разные горные породы органического происхождения. Следовательно, он одним из первых высказал мысль о «былых биосферах».

Рассматривая историю накопления солнечной энергии на земной поверхности, Подолинский анализирует ее распределение и накопление на основных этапах эволюции: при отсутствии жизни, при ее появлении и развитии вплоть до появления человека и развития общества.

Хорошо знакомый с творчеством Вернадского бергсонианец Э. Леруа в 1928 г. писал: «Два факта, перед которыми все другие кажутся незначительными, доминируют в прошлой истории Земли: оживление материи и очеловечивание жизни».

Подолинский заложил основы принципиально новой теории труда, не только как чисто экономической, но и как естественно-исторической и нравственной категории. «Труд есть такое потребление механической и психической работы, накопленной в организме, которое имеет результатом увеличение количества превратимой энергии на земной поверхности» (Подолинский 1880: 160). Иными словами, труд человека является процессом природы, который усиливает его мощность и раскрывает физическую природу прибавочного продукта. Эту задачу в свое время пытались решить физиократы. Их центральная идея заключалась в том, что источник прибавочного продукта следует искать в физической производительности земли. Они установили этот факт, но не смогли его объяснить. Наука того времени еще не могла утверждать, что физическая производительность земли зависит от фотосинтеза, то есть от утилизации солнечной энергии зелеными растениями. Таким образом, Подолинский предпринял попытку соединить учение физиократов с теорией прибавочной стоимости К. Маркса.

С развитием научной мысли, пишет ученый, растет способность человека увеличивать долю энергии, накапливаемой на земной поверхности, и уменьшать количество энергии, рассеиваемой в пространстве. Сюда относятся труд портных, сапожников, строителей, ремесленников, изобретателей машин и процессы воспитания и образования. Подолинский показал, что каждая килокалория, затраченная в виде труда на производство в сельском хозяйстве Франции, накапливала от 22 до 41 ккал солнечной энергии.

Концепцию социальной энергетики Подолинского пронизывает мысль о том, что единая непрерывная нить связывает солнечный луч с зеленым растением, земледелием, питанием человека, историей растений и животных и, наконец, экономикой и историей социальной жизни человека.

Постепенно первой человеческой потребностью, согласно Подолинскому, становится совершенствование орудий труда, которое ведет к росту энерговооруженности и производительной силы людей, повышению КПД технических средств и технологических процессов. В результате увеличивается доля свободного времени и сокращается доля рабочего времени в бюджете социального времени. С развитием человека усложняется его нравственная и умственная жизнь, растет и количество труда, удовлетворяющего эти потребности. Например, удовлетворение потребности в научном знании, отмечал Подолинский, не вызывавшее никакого труда у первобытного человека, ведет теперь повсюду к постройке университетов с их лабораториями, к организации научных экспедиций (Там же: 185). Единая

научная мысль охватывает все государства, везде создаются многочисленные центры научных исследований.

Подолинский различал неиссякаемые (возобновляемые) природные источники мощности, зависящие от Солнца, и невозобновляемые запасы вещества и энергии. Пример возобновляемого потока ресурсов (энергии) – это ежегодный урожай зерновых за счет использования постоянно возобновляемого потока солнечной энергии. Ученый анализирует добычу каменного угля и торфа, считает их невозобновляемым капиталом, постоянно убывающим из-за превращения в механическую работу, тепло, свет, вредные отходы и т. д. Кажется, что труд шахтера очень выгоден, гораздо выгоднее труда земледельца. Но «каменный уголь есть запас солнечной энергии, собранный за громадный период времени, и <…>, потребляя его в большом количестве, мы вводим в наш бюджет случайно собравшиеся доходы прежних эпох, а расчеты ведем так, будто мы действительно сводим концы с концами. Если бы мы, посредством труда, который идет на добывание каменного угля, умели фиксировать ежегодно такое количество солнечной энергии на земной поверхности, которое равняется энергии добытого угля, тогда, действительно, весь этот труд мог бы считаться полезным» (Подолинский 1880: 192–193). ***Если общество основывает свое благополучие и развитие на ограниченном, постоянно убывающем ресурсе, то возникает глобальная проблема устойчивости развития человечества.*** Наряду с положительным трудом по накоплению энергии Подолинский вводит ***понятие об отрицательном труде,*** связанном с расхищением энергии. «Война, со всеми своими атрибутами, то есть постоянными войсками, военными флотами, арсеналами и пр., – пишет ученый, – есть не более, как расхищение энергии, находящейся в распоряжении человечества» (Там же: 206). Военная музыка, побуждающая людей идти на самоистребление, – пример расхищения энергии посредством искусства. Другим примером расхищения энергии, считал Подолинский, служит производство предметов роскоши и непроизводительное потребление, признаком которого является потребление, сопровождающееся только рассеянием энергии, а не новым ее накоплением.

Изучив «Капитал» К. Маркса и историю экономических учений, сравнив энергетические возможности основных исторических форм общественного производства, Подолинский поставил перед собой ***сверхзадачу: найти с естественнонаучной точки зрения такой способ производства, который бы наиболее эффективно способствовал накоплению энергии для удовлетворения всех потребностей человечества.*** «Такому способу, – считал ученый, – будет отвечать социалистическое общество, при котором всякое усовершенствование будет иметь следствием сокращение рабочего времени и увеличение свободного времени для повышения уровня культуры и образования всех трудящихся. Рациональная общественная гигиена и возможность для каждого обеспечить личную гигиену в соответствии с достижениями науки поднимут жизнеспособность и производительность труда на более высокий уровень. Социализм обеспечит энергетическую и общую безопасность населения, особенно для пожилых людей, больных и инвалидов. Развитие всеобщего образования повлечет за собой не только увеличение производительности социального организма, но и ***послужит превентивной мерой против возможных попыток меньшинства реставрировать старый строй»*** (выделено мной. – *В. Ч.*) (Podolinski 1881: 15). Подолинский одним из пер-

вых отечественных ученых высказал мысль о перспективности проблемы синтеза продуктов питания из неорганических веществ с использованием солнечной энергии. Эту идею развивали А. А. Богданов, В. И. Вернадский, Д. И. Менделеев, Н. А. Морозов, К. А. Тимирязев, Н. А. Умов, Н. Ф. Федоров, Н. Г. Холодный и др.

Наиболее глубоко с позиций биогеохимии к разработке проблемы автотрофности организмов и человечества подошел Вернадский (Vernadsky 1925: 495–502). Его тревожило быстрое истощение невозобновляемых природных ресурсов, которые накапливались в течение сотен миллионов веков. «Выход из положения, – писал Вернадский, – можно ожидать, наряду с разрешением социальных проблем, которые поставлены социализмом, в изменении формы питания и источников энергии, доступной человеку» (*Ibid.:* 501).

В письме К. Марксу от 19 декабря 1882 г. Ф. Энгельс так оценивал основную идею Подолинского: ***«Его действительное открытие состоит в том, что человеческий труд в состоянии удержать на поверхности Земли и заставить действовать солнечную энергию более продолжительное время, чем это было бы без него <…> то, что человек делает посредством труда сознательно, то растение делает бессознательно <…> своим трудом, поскольку труд фиксирует солнечную теплоту (что отнюдь не всегда имеет место в промышленности и других областях), человеку удается соединить естественные функции потребляющего энергию животного и накапливающего энергию растения.*** Подолинский отклонился в сторону от своего очень ценного открытия, ибо хотел найти новое естественнонаучное доказательство правильности социализма и потому смешал физическое с экономическим» (Маркс, Энгельс 1967: 109–111).

Вернадский 3 июля 1923 г. записал в своем дневнике: «Очень любопытен Подолинский. Он давно меня интересует. Его энергетическая постановка, не понятая Марксом и Энгельсом, во многом новая. Он – один из предшественников и новаторов» (Вернадский 1999: 114). Посылая свою «La Géochimie» в Академию наук Украины 18 сентября 1924 г., Вернадский писал А. Е. Крымскому: «На с. 334–335 Вы найдете известия об украинце Подолинском, как видно, забытом научном новаторе. К сожалению, я не знаю, когда он умер, может Вы знаете?» (Сытник и др. 1988: 107–108). На упомянутых страницах читаем: «История идей, относящихся к энергетике жизни, взятой в рамках космоса, указывает на почти непрерывный ряд мыслителей, ученых и философов, приходивших более или менее независимо к одним и тем же идеям, но не углублявших поставленных ими проблем. Кажется, будто давно уже царила благоприятная современным идеям атмосфера. Мы находим краткие, но совершенно ясные указания, мысли и факты на энергетическое отличие живого от мертвого – уже в трудах основателей термодинамики – у Р. Майера, В. Томсона (лорда Кельвина), Г. Гельмгольца. Эти указания не были поняты и оценены. Уже позже и самостоятельно, рано умерший С. А. Подолинский понял все значение этих идей и старался их приложить к изучению экономических явлений. Эти идеи играют большую роль в концепциях философов, в философии Г. Бергсона в особенности» (Vernadsky 1924: 334–335).

В своих воспоминаниях 1943 г. В. И. Вернадский отмечал, что в конце 70-х гг. XIX в. он впервые ближе ознакомился с сочинениями М. П. Драгоманова и литературой, которую он и С. А. Подолинский издавали за границей, между прочим, прочитал толстые тома «Громады» (Вернадский 2002: 370).

В наше время высокую оценку творчества «забытого научного новатора» давали многие отечественные и зарубежные ученые. Они отмечали, что творчество Подолинского внесло существенный вклад в развитие мировой и российской научной мысли второй половины XIX в. Исследование творческого наследия ученого играет важную роль в изучении общественной мысли XIX и XX вв., открывает новую страницу в познании истории научных идей, в частности в вернадоведении. Мною приведен список трудов Подолинского и посвященной ему литературы (Чесноков 2006: 306–309).

Литература

Вернадский, В. И.
1999. *Дневники: март 1921 – август 1925.* 2-е изд. М.: Наука.
2002. *Труды по истории науки.* М.: Наука.

Маркс, К., Энгельс, Ф. 1967. *Соч.:* в 50 т. Т. 35. 2-е изд. М.: Госкомиздат.

Подолинский, С. А. 1880. Труд человека и его отношение к распределению энергии. *Слово* 4–5: 135–211.

Сытник, К. М., Апанович, Е. М., Стойко, С. М. 1988. *В. И. Вернадский: жизнь и деятельность на Украине.* Киев: Наукова думка.

Чесноков, В. С.
2001. *Сергей Андреевич Подолинский*. М.: Наука.
2006. *Сергей Андреевич Подолинский. 1850–1891.* 2-е изд. М.: Наука.

Vernadsky, W.
1924. *La Géochimie.* Paris: Librairie Félix Alcan.
1925. L'autotrophie de l'humanité. *Revue générale des sciences pures et appliqués* 36 (17/18): 495–502.

Podolinski, S. 1881. Il socialismo e l'unità delle force fisiche. *La Plebe. Anno XIV. Nuova serie* 4: 5–15.

НАШИ АВТОРЫ

БАТУРИН Андрей Николаевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Международного института А. Богданова. abaturin52@mail.ru

ГУРЕВИЧ Павел Семенович – доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, руководитель лаборатории личностного роста Московского гуманитарного университета, заведующий сектором Института философии РАН. gurevich@rambler.ru

ДАНИЛОВА Вера Софроновна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Якутского госуниверситета. nnkozhev@ mail.ru

ДУБОВСКИЙ Сергей Васильевич – кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий лабораторией Института системного анализа РАН, доцент МФТИ и РУДН.

ЕСЕНЬКИН Борис Семенович – доктор экономических наук, кандидат философских наук, президент ООО Торгового Дома «Библио-Глобус», первый вице-президент некоммерческого партнерства «Гильдия книжников». esenkin.boris@biblio-globus.ru

КИШ Эндре – доктор философских наук, член Комиссии по исследованию будущего Венгерской АН, профессор Западно-Венгерского университета (Шопрон – Сомбатхей) и Университета Этвоша Лорана (Будапешт). andkiss@hu.inter.net

КИЯЩЕНКО Николай Иванович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН. larisaki@rfh.ru

КОЖЕВНИКОВ Николай Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Якутского госуниверситета. nnkozhev@mail.ru

КОЛОДКО Гжегож Витольд – профессор Центра исследования трансформации, интеграции и глобализации (TIGER) Академии им. Леона Козминского. www.tiger.edu.pl

МАЗУР Иван Иванович – доктор технических наук, профессор, президент научно-производственной корпорации «Интеллектуальные системы». elima_editor@ yahoo.com

МАМЕДОВ Низами Мустафаевич – доктор философских наук, профессор, академик Российской академии естественных наук и Российской экологической академии.

СНАКИН Валерий Викторович – заведующий сектором музейно-методической работы и фондов Музея землеведения МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующий лабораторией ландшафтной экологии Института фундаментальных проблем биологии РАН, доктор биологических наук, профессор. snakin@mail.ru

СУСЛОВА Татьяна Ивановна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой культурологии и социологии, декан гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР). tis@tusur.ru

ФЕДОТОВА Марина Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе Финансового университета при Правительстве РФ. philos.fa@mail.ru

ЧЕСНОКОВ Вячеслав Степанович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского РАН. chesnokov@geokhi.ru

ЧУМАКОВ Александр Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Финансовой академии при Правительстве Российской Федерации, первый вице-президент Российского философского общества. chumakov@ iph.ras.ru, www.globalistika.ru

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Chumakov A. N. Global world: the problem of governance (pp. 3–15).

The problem of global governance of the world community as a single entity more and more displays its sharpness and urgency, which in author's opinion will make it one of the central topics in modern globalistics in the nearest future. The article from the position of the world perception unity and distinguishing of notions of "regulation" and "governance" analyses theoretical issues of socionatural dynamics determined by multifaceted globalization as well as various factors, conditions and fundamental possibilities of solving this problem.

Keywords: global world, globalization, governance, regulation, global governance, world community, entity, state, right, morality.

Kiss E. The philosophy of globalization (pp. 16–32).

Globalization in mass consciousness and within the idea of the intellectuals is a new system of power and supremacy. The real model of globalization differs from these views dramatically.

Real globalization forms new social conditions in all spheres. The struggle between subjects, groups, between subjects and a group as well as between smaller and larger groups prevents from using all the blessings of globalization. Structural strength of globalization influences all layers of social life.

One of the most important and complex problems of sociophilosophical study of globalization is a constant interconnection of its functional and non-functional elements.

Thus, globalization is not a new and unknown center of power and not a world government, but in essence a qualitatively new system of relations between actors.

Keywords: globalization, global connections, globalized world, liberalism, neo-liberalism, postmodernism, monetarism, democracy, self-destructive tendencies, self-destructive society.

Mamedov N. M. Historical process and the concept of sustainable development (pp. 33–46).

The article reveals the meaning and significance of the historical process. It is shown that possible perspectives of its development are one of the eternal problems of philosophy. The author supposes that historical process is defined by a coevolutional in its essence self-organizing anthroposocioculturogenesis taking place on the surface of our planet.

As a result he comes to the conclusion that this image of historical process will be incomplete if one does not take into account natural premises of this comprehensive phenomenon and the role of natural factors in the process of human activity. The concept of sustainable development introduces radically new moments to the understanding of this circumstances.

Keywords: historical process, sustainable development, concept, globalization, culture, natural premises for historical process, socioeconomic development, ecological development, ecological problem, biosphere, noosphere, harmonization of socionatural development.

Dubovsky S. V. Global modeling: questions of theory and practice (pp. 47–67).

The article presents structures of a global object and the list of main global problems. The most important fragments of world development including globalization processes are briefly discussed; the stages of global development of modeling in the world and Russia are described; the article examines the period of Russia's development in 1990–2007 with the analyses of the role of income redistribution from the population and the state to the economic elite, as well as scientific and technological advance and oil prices. Possible scenarios of world and Russian development in the first third of the 21st century are presented.

Keywords: global modeling, global world, economics, socium, system, natural resources, environment, global problems, scientific and technological advance, global development, Earth's population.

Processes of Globalization

Kolodko G. V. Great Transformation (pp. 68–77).

The article is devoted to the post-socialist period of world development defined by the author as "Great Transformation". Regarding it as a substitute for the former system by the new institutional order the author with the help of significant factual data and in many respects on the example of Polish experi-

ence, shows the retreat from the former system and the transfer to the new one by the conditions of the modern globalization.

Keywords: transformation, post-socialist transformation, reforms, conflictogenity, socialism, capitalism, competition, neo-liberalism, market economy, globalization.

Kozhevnikov N. N., Danilova V. S. Concepts of network philosophy within modern scientific worldview (pp. 78–85).

In the forming planetary-civilizational reality one can define its invariant structure – "noobiogeosphere", where cells consist of fundamental dynamic equilibriums and "noobiogeosphere personality" and "noobiogeocenosis" are its inner structural levels. The most important subsystems of noobiogeosphere are ecological and cultural networks, they take an active part in the formation of a modern scientific (third) picture of the world.

Keywords: natural, social, spiritual, ecology, system, noobiogeosphere, planetary-civilizational being, planetary, scientific picture of the world, planetary network.

Yesenkin B. S. What can we expect in the foreseeable future? (pp. 86–92)

The author wonders about the essence of modern globalization and analyzes its possible consequences for the disunited world, torn by various interests and contradictions. In some aspects humanity has already crossed the limit possibilities of the planet and though the Earth bears neglectful attitude the situation cannot last any longer. World community will have to make its way from the differentiation to its unity and modern first of all, information, technologies, make this variant quite possible. But the final word is nevertheless with the human.

Keywords: globalization, globalistics, global problems, mankind, crisis, information, information revolution, modern world.

Global Problems

Mazur I. I. The Arctic – bifurcation spot in the development of global world (pp. 93–104).

The author of the article regards the Arctic as one of the key points of intersection of various interests in the development of global world. The foreseeable future appears to be dependant on the realization of theses interests. Such polyvariant situation of possible ways of development, named as bifurcation point in synergetics, is connected with trajectories of further development of the Arctic region, world integration tendencies, priorities of main actors of world economics and politics in polar region, national interests of subarctic and other regions. Globalization processes put problems of state sovereignty, establishment of their jurisdiction over national resources and haul routes, sustainable development of the Arctic region on the whole in the forefront.

Keywords: the Arctic, bifurcation, globalization, sustainable development, international relations, global climate, the Arctic shelf.

Snakin V. V. Global ecological crisis: resource and evolutionary aspects (pp. 105–114).

The author analyses the dynamics of planet's population, food and energy resources. Main laws of autogenous evolution of ecosystems are generalized in order to understand the mechanisms of biosphere functioning and define the role of anthropogenic factor. The analysis shows that modern global processes correspond an autogenous pathway (self-development) and there are not any scientific evidence to assert the existence of global ecological crisis at the modern level of nature management.

Keywords: ecological crisis, demographical transition, food and energy resources, global ecological processes, ecosystem evolution, ecosystem self-development, problems of noosphere.

Nature, Society, Man

Fedotova M. A. Venture investment as a basic factor of innovative development (pp. 115–126).

The articles touches upon one of the most important problems of modern world – support of innovative development by means of venture investment in conditions of significant uncertainty and increasing risks. The topic, which is quite urgent for the world in whole and Russia in particular, is examined not only from the position of the effective financial management and in the economics on the whole, but also in the context of the existing Russian legislation where significant drawbacks are traced. The author suggests constructive proposals to their elimination.

Keywords: venture investment, innovations, economics, finance, global market, market economy, state, business, right, legislation.

Kiyaschenko N. I. Transformation of aesthetic education in the epoch of globalization and civilization change (pp. 127–138).

The article analyses urgent issues of the transformation of education and aesthetic upbringing determined by the transition from traditional types of civilization to the civilizations of information soci-

ety. The way new exclusive demands to the professional training of all people not regarding their age and capacity appear is shown by various examples.

The necessity of aesthetic upbringing and education for the purpose of developing the ability to make aesthetically appealing and technologically based decisions is proved in the article. It is stated that computer literacy and abilities in programming become one of the decisive criteria of the educational level of a modern man taking part in all kinds of human creation under the conditions of globalization.

Keywords: globalization, civilization, aesthetics, upbringing, education, creation, personality, norms, values, information technologies.

Gurevich P. S. Cybernaut as a symbol of global world (pp. 139–153).

The author examines anthropological aspects of modern globalization. He shows that for understanding of global processes it is necessary to analyze the problems of human nature as well. An attempt is made to create a generalized image of a human, who will become the symbol of a incipient world.

Keywords: global world, human, cybernaut, identity, transformation, nature, change, genetics, philosophy.

Russia in the Global World

Suslova T. I. Globalization: on the issue of Russian culture identity (pp. 154–162).

The article is devoted to the problems of Russian culture experiencing the influence of globalization processes. In this connection questions of traditions and innovations in Russian culture are analyzed as well as correlations of classic aesthetics and modern theories of modernism and postmodernism. Special attention is paid to Russian art nouveau of the beginning of the 20th century and modern art of the end of the 20th century and the beginning of the 21st century. The article is addressed to specialists in philosophy, culture, aesthetics, in literature and art.

Keywords: globalization, culture, civilization, identity, mass culture, modernism, aesthetics, traditions.

Baturin A. N. Eastern reformation. Economic aspect (pp. 163–180).

Within a planetary dialogue the final word is with the East. What can it offer the world apart from traditional conservatism and successful imitations, what kind of global innovations could lead world economy to balanced, efficient and fair development?

The author suggests the answer to this question based on assumptions about dual nature of integral systems, their inevitable polarization, nature of power, its role and place in the economy structure, mechanisms of interface of monetary and power institutions coordinating resource and problematic aspects of the economy.

Joint deployment of monetary and power institutions may act in two regimes – "eastern" and "western" – depending on the aspect historically dominating in the given civilization. The main characteristics of "eastern" ("cyclone", "feminine") type civilization are outlined. The problem of formatting civilizational subjects of this type ("eastern protestant") is also discussed. Our time is defined as the beginning of Eastern reformation epoch.

Keywords: East, reformation, economy, global, periphery, system, history, bipolarity, Protestantism, evolution, civilization.

Global Personality

Chesnokov V. S. S. A. Podolinsky: the concept of social energetics (pp. 181–187).

The article is devoted to the life, scientific and public activities of "the forgotten scientific innovator" S. A. Podolinsky, whom Vernadsky considered to be one of his predecessors in the development of the teaching about living material, biosphere and its evolution into noosphere.

Vernadsky ranked his scientific achievements equally with the works by Mayer, Thompson and Helmholz. Podolinsky layed the corner stone of the new labor theory as economic, natural-historical and ethical category and showed that human labor is capable of retaining the solar energy on the earth's surface and making it act for a longer period. Podolinsky was first to point out the significance of global problems such energy and food security of the mankind, sustainability of its development.

Keywords: Podolinsky, biography, labor theory, social energetics.

The Authors of the Issue (p. 188).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегль 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегль 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: (Селигман и др. 2009; Домострой… 2008). При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: (Ганнушкин 1964: 28). Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен, И. Г. 1997. *История эллинизма:* в 3 т. Т. 1. СПб.: Наука; Ювента.

Воронов, А. М. 1992. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным. *Водные ресурсы* 4: 97–105.

Шишков, Ю. В. 2003. Мирохозяйственный механизм: движение к глобализации. В: Королев, И. С. (ред.), *Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет.* М.: Экономистъ, с. 25–47.

Кузищин, В. И. (ред.) 1988. *История Древнего Востока.* М.: Высшая школа.

U.S. Bureau of the Census. World Population Information. Режим доступа: http://www.census.gov/ipc/www/world.html. Дата доступа: 24.02.2008.

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации».
2(6), 2010. – 192 с.

Ответственная за выпуск *Е. В. Еманова*
Технический редактор *Е. А. Никифорова*
Корректоры *И. Г. Гергель, Н. В. Самсонова*
Верстка *Е. Ф. Прыгуновой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г.

© Издательство «Учитель»
400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 17.12.2010. Формат 70×100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,48.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.